

201
856

Д. И. Эварницкий.

ПУТЕВОДИТЕЛЬ
по СРЕДНЕЙ АЗИИ

отъ БАКУ до ТАШКЕНТА

въ археологическомъ и историческомъ отношениихъ.

Издано на средства, ассигнованныя Туркестанскимъ Генераль-
Губернаторомъ.

ТАШКЕНТЪ.

Типо-литографія наследниковъ С. И. Лахтина.
1893

КНИГА ИМЕЕТ

Печатано съ разрешенія военнаго губернатора Сыръ-Даръинской области.

~~А 201~~
~~856~~

Д. И. Эварницкій.

ПУТЕВОДИТЕЛЬ
по СРВДИВЪ АЗІИ

отъ БАКУ до ТАШКЕНТА

въ археологическомъ и историческомъ отношеніяхъ.

Ташкентъ.

Типо-литографія наслѣдниковъ С. Н. Лахтина.

1893.

Предисловіе.

Цѣль настоящаго труда—дать въ руки образованному человѣку книгу, въ которой онъ могъ бы найти краткія археологическія, историческія и отчасти этнографическія свѣдѣнія по пути отъ Узунъ-ада до Ташкента. Потребность въ такой книгѣ давно уже ощущается у насъ. Дѣло въ томъ, что всякий образованный человѣкъ, переплывшій Каспійское море и очутившійся, такъ сказать, въ преддверіи Средней Азіи, чувствуетъ, хотя и смутно, что онъ находится въ самыхъ интересныхъ въ историческомъ отношеніи мѣстахъ, но не знаетъ, откуда бы ему извлечь на этотъ счетъ такія или иныя указанія. Онъ слышалъ, конечно, что тутъ, въ Средней Азіи, и родина арійскаго племени; что тутъ проходили и Нинъ, царь ассирийскій, и Александръ, царь македонскій; что тутъ гдѣ то погибъ Киръ, царь персидскій; что тутъ же одно время были китайцы, турки, арабы, монголы, татары съ ихъ страшными вождями и міропотрясателями, каковы въ особенности Чингизъ-ханъ и Тамерланъ; онъ слышалъ, что въ настоящее время тутъ живутъ какіе-то народы текинцы, киргизы, сарты, таранчи, таджики,—обо всемъ этомъ образованный русскій человѣкъ, перешагнувшій изъ Закавказья въ Закаспійскій край, хотя и имѣть такія или иныя представленія, не имѣеть указаній, къ какимъ именно мѣстамъ приложить свои свѣдѣнія. Авторъ настоящей книги имѣть въ виду оказать свою посильную помощь такому путешественнику и подѣлиться съ нимъ своимъ, хотя весьма скучнымъ, запасомъ на этотъ счетъ познаній. Въ Закаспійскомъ и Туркестанскомъ краѣ онъ—человѣкъ совершенно новый, и потому трудъ его представляетъ собой первый въ

Печатать разрѣшается Военнымъ Губернаторомъ Сыръ-Дарынской области.

II

этотъ родъ опыта. Какъ цервый опытъ, онъ далеко не отличается должной полнотой и оставляетъ много чего желать но лучше имѣть что-нибудь, чѣмъ ничего. По крайней мѣрѣ, если этотъ трудъ вызоветъ другія, подобныя ему, работы, то авторъ его безмѣрно будетъ тому радъ; а пока онъ одного желаетъ—возможно скорѣйшей распродажи настоящей книги, такъ какъ все изданіе ея предназначается исключительно въ пользу сиротъ, лишившихся своихъ родителей во время минувшей холерной эпидеміи.

||

Баку, Узунъ-ада, Песчаная пустыня, станція Казанджикъ, горные хребты Киренъ-дагскій, Конетъ-дагскій, Туркестанскій, Заравшанскій, Гиссарскій, Алайскій, Заалайскій; Ахалъ-текинскій оазисъ, крѣпость Геокъ-Тепе, Асхабадъ; ахалъ-текинцы, городъ Аннау, крѣпость Артыкъ, рѣка Тедженъ и Мургабъ, Новый-Мервъ съ крѣпостью Коушутъ-ханъ-кала, крѣпость Джюльбарсъ.

Путешественникъ, отправляющійся почему-либо изъ Сѣверной Россіи въ Среднюю Азію, обыкновенно береть путь на Москву, Тулу, Орелъ, Курскъ, Харьковъ, Новочеркасскъ, Владикавказъ, Тифлісъ и Баку. Въ Баку онъ отдыхаетъ отъ длинного и утомительного пути, собираетъ всевозможныя, обыкновенно весьма смутныя и весьма превратныя, свѣдѣнія о Средней Азіи и съ ними, если попадеть ко времени отхода парохода къ Азіатскому берегу Каспія, продолжаетъ дальнѣйшій путь въ тотъ-же день. Если же день приѣзда путешественника не совпадетъ со днемъ отхода парохода, тогда онъ волей-неволей отправляется по улицамъ и переулкамъ Баку и также волей-неволей знакомится съ особенностями этого города.

О прошломъ города Баку путешественникъ узнать очень немного. Ему скажутъ, что городъ Баку¹⁾ существовалъ уже въ III вѣкѣ до Р. Х. и принадлежалъ въ то время персамъ, распространившимъ свою власть и на Среднюю Азію и на все Закавказье. Каковъ былъ въ отдаленныя времена городъ

¹⁾ Правильнѣе Бадкубъ, отъ персидскихъ словъ „бад“ и „куб“ ударъ вѣтра, потому что городъ стоитъ на открытомъ мѣстѣ, подверженномъ взаимно сильнѣйшихъ сѣверо-восточныхъ вѣтровъ.

Баку, объ этомъ путешественникъ совсѣмъ ничего не узнаетъ, но зато въ настоящее время этотъ городъ, съ его страшною пылью, съ его удушливымъ нефтянымъ воздухомъ, съ его знойнымъ и сухимъ климатомъ, навсегда останется въ его памяти. А если къ этому путешественникъ увидитъ еще то, что Баку вовсе лишенъ водопровода и почти что лишенъ всякой зелени, то въ его глазахъ этотъ городъ покажется феноменомъ-городомъ изъ всѣхъ городовъ Российской имперіи. И точно, путешественникъ, про странствовавшій десятки лѣтъ по Россіи, едва-ли увидитъ болѣе непривлекательный, болѣе безотрадный и болѣе безнадежный городъ, какъ городъ Баку. Если бы выше него не стоялъ городъ Тифлисъ, то Баку былъ-бы совсѣмъ лишенъ зелени, необходимой для пропитанія человѣка: вся такая зелень привозится въ него изъ Тифлиса съ каждымъ поѣздомъ. А все бѣство, какъ говорятъ обыватели, происходитъ въ Баку отъ того, что мѣстные воротили дѣль города все еще никакъ не надумаются (а думаютъ уже около десяти лѣтъ) провести въ городъ водопроводъ; былъ-бы водопроводъ, была-бы и зелень, были-бы и овощи, была-бы и поливка улицъ, былъ-бы и приличный видъ въ городѣ. И это совершиенно справедливо, а пока того нѣтъ, Баку все-же безотраднѣйший городъ изъ русскихъ городовъ. Говорятъ, что въ отдаленнѣйшія отъ насъ времена, за много верстъ отъ города Баку, возвѣгнутъ былъ, для предупрежденія отважныхъ путешественниковъ, пускавшихся изъ Европы въ Азію, высокій столбъ, на которомъ восточными мудрецами начертана была слѣдующая надпись:

„Безъ пужды не Ѵди въ Баку,
Безъ крайности не плывай въ Узунъ-ада,
Безъ крайней необходимости не бросайся въ Голодную степь.“.

Изъ Баку путешественникъ можетъ на одномъ изъ пароходовъ общества „Кавказъ и Меркурій“ (отходить только два раза въ недѣлю, по воскресеньямъ и четвергамъ), черезъ одинъ сутки, переплыши поперекъ Каспійскаго моря попасть въ Узунъ-ада. Отѣхавши самое незначительное разстояніе отъ Баку, путешественникъ увидитъ у европейскаго берега моря, противъ предмѣстія города, Сурахавы, мѣсто, гдѣ зажигаютъ на водѣ такъ называемые вѣчные огни. Вѣчными огнями называются нефтяные газы, выходящіе изъ земли черезъ воду, зажигаемые по ночамъ прибрежными жителями на удивленіе путешественниковъ; горятъ они не сплошными и большими пространствами, какъ думаетъ всякий путешественникъ, не видѣвшій еще этого дива, а спорадическими и очень небольшими (не больше шапки), таѣ сказать, кущами.. Древнимъ людямъ эти огни на водѣ казались чудомъ чудесъ, и потому многие изъ нихъ, особенно огнепоклонники персы, стекались сюда съ разныхъ сторонъ, предаваясь здѣсь возвышенному міросозерцанію и здѣсь-же оканчивая свои земные дни.

Послѣ суточнаго съ небольшимъ плаванія, при благопріятной погодѣ, пароходъ общества „Кавказъ и Меркурій“ доставляетъ пассажировъ съ европейскаго берега Каспія къ азіатскому, къ пристани Узунъ-ада; впрочемъ, въ виду мелководья залива Узунъ-ада, пассажиры должны, прежде чѣмъ высадиться на берегъ, пересѣсть на пароходъ малаго размѣра и съ этимъ уже пароходомъ приставать въ заливъ. Это и хлопотно и неудобно. А, говорять, было когда-то, что пассажиры, не пересаживаясь на мелкій пароходъ, приставали большими пароходами выше Узунъ-ада, въ Красноводской гавани: для этого стоило-бы только поднять рельсы Закаспійской желѣзной дороги къ Красноводску, и удобства полу-

чились-бы превосходныя; говорять также, что эта мысль уже давно занимаетъ начальственныхъ лицъ дороги, хотя все еще почему-то не приводится въ исполнение; говорятъ, ваконецъ, что когда-то Краснодескъ и былъ настоящею гаванью, которая привинила въ себя всѣ суда, идущія отъ европейскаго къ азиатскому берегу Каспийскаго моря.

И такъ, отъ Баку путешественникъ, отправляющійся въ Среднюю Азію, прежде всего попадаетъ въ Узунъ-ада. Узунъ-ада съ турецкаго на русскій значить Длинный заливъ („Узунъ“—длинный, „ада“—заливъ). Высадившись на берегъ, путешественникъ первѣе всего поражается тѣмъ, что здѣсь не видно ни города, ни станціи, ни извозчиковъ. Оказывается, что пристань отстоитъ отъ желѣзнодорожной станціи на очень и даже очень значительномъ разстояніи и для того, чтобы добраться до желанной станиціи, нужно сдѣлать все пространство къ ней отъ пристани пѣшкомъ, а вещи свои вручить случайному носильщику, такъ какъ извозчиковъ здѣсь по штату совсѣмъ неполагается. Послѣ пѣлаго ряда неудобствъ и неизрѣятностей, путь, наконецъ, пройденъ, и тутъ открывается жалкій видъ на жалкій вокзалъ первой станціи Закаспійской желѣзной дороги, а противъ вокзала выдвигается въ небольшую линію и самый поѣздъ, готовый принять въ себѣ пассажировъ. Поѣздъ отходитъ изъ Узунъ-ада всего лишь два раза въ недѣлю, и время его отѣѣза совпадаетъ со временемъ прибытія къ пристани парохода. Все разстояніе отъ Узунъ-ада до Самарканда, 1343 версты, поѣздъ проходитъ почти въ двои съ половиной сутокъ; въ немъ полагается только два (II и III) класса и въ среднемъ изъ вагоновъ—важнѣшее для пассажировъ удобство, столовая. Всѣ служащіе на Закаспійской желѣзной дорогѣ, отъ начальника станціи до сторожа,

назначаются только изъ лицъ, служащихъ въ войсѣ.

Сѣть въ одинъ изъ вагоновъ поѣзда и отѣѣздавъ 5—10 верстъ отъ станціи Узунъ-ада, путешественникъ осматривается кругомъ, приходить въ невольное удивленіе и невольно вспоминаетъ зловѣщее предупрежденіе древнѣйшихъ восточныхъ мудрецовъ, начертанное ими на столбѣ: не доѣзжай города Баку: безъ нужды неѣзжай въ Баку, а безъ крайности не плывать въ Узунъ-ада. Да, это святая, трижды святая истинѣ... Страшенъ, впрочемъ, здѣсь не самыи Узунъ-ада, а тѣ пески, которые окруждаютъ его. Вотъ она, Средняя Азія-то! Вотъ оно, Гирканское море греческихъ, а Хвалынское русскихъ людей съ его далекими восточными и южными берегами! Здѣсь не увидѣть „ни лѣса дремучаго, ни птицы летучія, ни звѣря прыскучаго, ни травушки-муравушки, добрымъ конямъ на потравушку“. Одни непроходимые и необозримые пески, голые, выбучіе, раскаленные, безотрадные и безиривѣтные, а по мѣстамъ, между этими песками, бѣлые, точно покрытые сплошнымъ налетомъ, сиѣга, то совершенно сухіе, съ твердою какъ кирпичъ почвою, то мокрые, какъ непроходимыя топи, созончаки. Ни травинки, ни кустика здѣсь не найти а ни за сотни, а ни за тысячи рублей. Есть, правда, гдѣ-то тамъ, далеко-далеко, за сотни верстъ впереди, какое-то дерево саксауль, если не скрашивашющее мертвую пустыню, то, по крайней мѣрѣ, мѣстами укрѣпляющее се. Но то далеко гдѣ-то, а здѣсь сколько хватаетъ глазъ, совершенно обнаженная, безводная и бездождная песчаная пустыня, настоящая стихія смерти, необитаемая ни людьми, ни звѣрями. Недаромъ-же здѣсь знаменитый законодатель Персіи Зороастръ, родившійся въ нынѣшнемъ Аджарбайджанѣ, персидской области противъ южнаго берега Каспійскаго моря, и жившій за 2500 лѣтъ до Р. Х., въ

этой пустыни мертвыхъ и сыпучихъ песковъ Средней Азии помѣщалъ жилище злого бога Аримана съ его страшнымъ трономъ и со всею плеядою свирѣпыхъ выразителей воли его, князей тьмы, именовавшихся дивами. Недаромъ же геологи доказываютъ, что здесь нѣкогда было дно соленаго моря, съ теченiemъ времени частію испарившагося, частію перелившаго свои воды въ другія, болѣе низменныя, но удобныя мѣста. При взглядѣ на это безысходное царство песковъ, сердце путешественника негрѣльно поддается какому-то тяжелому чувству, а языкъ самъ собою спрашивается: „Да что жъ это такое? Да зачѣмъ же нестись въ эту страшную Азію? Ужъ не вернутся-ли назадъ?... Однако, чувство любознательности преодолѣваетъ чувство безотрадной грусти, и путешественникъ ёдетъ дальше.

А дальне все тѣже пески и тѣже солончаки, издали принимаеыые иногда, вслѣдствіе степнаго миража, за обширныя и чистѣйшия воды озера. Пески эти отдѣляютъ отъ себя мельчайшую Ѣдкую пыль, которая, проникаетъ чрезъ открытая и закрытая двери и окна вагоновъ и наполняютъ собой носъ, ротъ, уши, глаза, волосы человѣка. Но хорошо еще, если пассажиръ ёдетъ въ тихую и безвѣтренную по-году; храни-же, Богъ, подуетъ вѣтеръ! Тогда поднимается цѣлое море песку, выдвигаются цѣлыя горы, появляются цѣлыя холмы; тогда станціи теряются изъ виду, и движеніе поѣздовъ совсѣмъ прекращается. Въ этомъ случаѣ летучій песокъ для дороги Закаспійскаго края Азіатской Россіи тоже, что безпрерывная и долгая зимняя мятель для дорогъ Европейской Россіи: также нерѣдко вагоны сходять отъ песку съ рельсовъ, также ванимаются рабочие для очистки пути, также поѣздъ поминутно то тамъ, то здѣсь останавливается и на каждомъ шагу борется съ не-

укротимой стихіей. И ко всему этому страшная, не-выносимая, по истинѣ африканская жара, доходящая здѣсь, на открытомъ воздухѣ, до 55, а въ рѣкахъ до 23 градусовъ по Реомюру! Вотъ тутъ то и сказывается все удобство имѣть при самомъ поѣздѣ столовую. Въ этой столовой пассажиръ можетъ найти себѣ и чай, и различные минеральныя воды, и всякие фрукты, и мѣстныя вина, также какъ болѣе или менѣе спосные обѣды. Не будь этихъ столовыхъ, пассажиръ хоть умیرай отъ голода и въ особенности отъ жажды, потому что большинство станцій по Закаспійской же лѣзионной дорогѣ отличается невѣроятнымъ убожествомъ въ смыслѣ питья и пропитанія; въ нихъ вода и та „казенная“: она берется изъ лучшихъ источниковъ и развозится въ особыхъ бакахъ особыми „водяными“ поѣздами по безводнымъ станціямъ и иногда (во времія заносовъ песками) цѣвится на вѣсъ золота.

Но какъ бы ни было, а поѣздъ идетъ поступательно впередъ; оставляя версту за верстой, онъ приходитъ къ осьмой по счету отъ начала дороги станціи Казанджикъ.

Станція Казанджикъ — (отъ тюркскаго слова „казан“ — котель съ окончаниемъ „джикъ“, что въ общемъ означаетъ мѣсто, где живутъ котельные мастера) примѣчательна въ томъ отношеніи, что отъ нея начинается, вдоль дороги, съ правой стороны, цѣль горныхъ хребтовъ, идущихъ безпрерывно до самого Тянъ-Шаня и составляющихъ его отроги; это хребты Кюренъ-дагскій, Конетъ-дагскій, Туркестанскій (съ горами Чукмарской, Мальгузарской и Нурагинской), Заракшанскій (съ горою Ягнобскою), Гиссарскій (съ перевалами Мурой и Пакшифскимъ), Алайскій и Заалайскій. Горы эти составляютъ жизнь для русскихъ владѣній Средней Азіи, потому что они выдѣляютъ изъ своихъ вѣчныхъ снѣговъ множество

рѣкъ, ручьевъ, озеръ, даютъ возможность устройства искусственныхъ каналовъ, и всѣмъ тѣмъ питаютъ, оживотворяютъ и орошаютъ всю страну.

Отъ станціи же Казанджикъ нѣкоторые полагаютъ начало знаменитаго Ахалъ-текинскаго оазиса, идущаго до станціи Гляурса, на протяженіи 205 верстъ; впрочемъ, другіе полагаютъ начало Ахалъ-текинскаго оазиса отъ станціи Узунъ-су („Длинная вода“), или же отъ крѣпости Кизиль-арватъ („Красная—дѣвица“) до Гляурса, на протяженіи 237 верстъ.

Судя по древнимъ греческимъ географамъ, въ этомъ оазисѣ находилась часть страны Маргіаны, заключавшейся между рѣкой Эндрусомъ (Атрекомъ), впадавшей въ Каспійское море съ южной стороны, и рѣкой Оксусомъ, вливавшейся въ Каспійское море съ восточной стороны. Вдоль этой области, по южной окраинѣ ея, двигался изъ лѣсовъ Гиркані (Мазандерана) въ Бактрию знаменитый царь македонскій, Александръ Великій. Путь его лежалъ южнее теперешней линіи Закаспійской желѣзной дороги, вдоль тѣхъ самыхъ горъ, которыя тянутся параллельно дорогѣ и служить естественною границей между владѣніями Персіи и Россіи¹⁾.

Въ настоящее время въ чертѣ Ахалъ-текинскаго оазиса между другими станціями находятся двѣ замѣчательнѣйшія, Геокъ-Тепе и Асхабадъ.

Геокъ-Тепе (или отъ „гююк“—сожженный и „тепе“—холмъ, или отъ „гек“ (юк)—„синій и „тепе“—холмъ) достойна вниманія, какъ бывшая ахалъ-текинская крѣпость, отбитая штурмомъ нашими войсками у текинцевъ 12 января, 1881 года, подъ начальствомъ

¹⁾ О дѣяніяхъ Александра Великаго, Квинта Курція, 1745, карта III; Винберг. Путешествіе по Средней Азіи, СПБ, 1865, карта; Лютовъ. Александръ Великій, Ташкентъ, 1890.

знаменитаго генерала М. Д. Скобелева. Здѣсь была самая жестокая и самая упорная битва русскихъ съ туземцами всей Средней Азіи. Мѣсто дѣйствія происходило собственно не въ самомъ Геокъ-Тепе, а въ лежащей ниже его крѣпости Денгиль-каль („Денгиль“ по джагатайски собраніе, „кала“—крѣпость), считавшейся одною изъ сильнѣйшихъ крѣпостей текинцевъ. Собравшись въ Денгиль-каль въ числѣ 45,000 человѣкъ, подъ начальствомъ четырехъ хановъ: Оразъ-Махметъ, Азратъ-кули, Махтумъ-кули и¹⁾ Махметъ-кули, текинцы рѣшили защищать крѣпость до послѣдней капли крови и лучше умереть, чѣмъ сдаться русскимъ. Русскіе, въ числѣ 20,000 человѣкъ, при 100 орудіяхъ, должны было сперва вывести вокругъ Денгиль-калы цѣлый рядъ траншей, чтобы придвигнуть возможно ближе къ крѣпости свои батареи, и только послѣ того разсчитывать на рѣшительный шагъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Подложивъ подъ крѣпость мины, русскіе взорвали, на протяженіи 15 саженъ, крѣпостную стѣну и бросились на приступъ, но тутъ встрѣтили страшное сопротивленіе не только со стороны войска, но и со стороны простыхъ жителей, не исключая стариковъ, женщинъ и дѣтей. Однако, крѣпость была взята, и въ одну ночь текинцевъ было перебито, по ихъ собственному счету 14,000, или, по русскому счету, 8000 человѣкъ, не считая раненыхъ и безъ вѣсти пропавшихъ; кроме людей, пало множество верблюдовъ и лошадей. Такимъ образомъ европейская культура и христіанство восторжествовали надъ азіатской культурой и мусульманствомъ, и ахалъ-текинцы должны были признать себя подданными русскаго царя¹⁾.

Въ настоящее время, крѣпость Денгиль-кала

¹⁾ Гейнсъ. Военный Сборникъ, 1882, Іюль.

представляет изъ себя ничтожные развалины, которые привлекают къ себѣ жадное вниманіе лишь однихъ археологовъ, а по ночамъ усердно оглашаются жалобнымъ воемъ иѣчно голодныхъ шакаловъ да плачущихъ совъ. Крѣпость эта стоитъ на открытой, ничѣмъ незащищенной, мѣстности; окружность ея имѣеть болѣе 4 верстъ; внутренняя площадь около одной съ четвертью квадратной версты длины и около половины квадратной-же версты ширины; вокругъ крѣпости вырыты ровъ, до 4 саж. ширины и до 3 саж. глубины, и выведены глинобитныя стѣны до 2 саж. высоты, до 5 саж. снизу и до 3 саж. сверху толщины. Стѣны состоятъ изъ наружнѣй и внутреннѣй, каждая толщиною фута въ полтора, съ промежуткомъ между ними аршинъ 5—7 ширины; промежутокъ этотъ набить, не доходя на аршинъ или полтора до самаго верха стѣнъ, твердой, безъ примѣси камней, глиной, и представляетъ собой иѣчто въ родѣ широкой улицы, съ обѣихъ сторонъ окаймленной двумя стѣнами, или какъ-бы разставленными одинъ противъ другаго двумя щитами; въ самомъ вѣнцѣ наружнѣй стѣны прорѣзаны узкія бойницы, а внизу подѣланы траперсы для стрѣльбы въ непріятеля и для защиты отъ него во время бомбардировки крѣпости; для выхода изнутри на стѣны крѣпости подѣланы углубленныя ступени, въ родѣ промоинъ; а для защиты отъ непріятеля семействъ покопаны по самому долу крѣпости глубокія ямы; для вѣзда въ крѣпость сдѣлано 9 входовъ, закрытыхъ вмѣсто воротъ, особыми стѣнами, вынесенными за ровъ крѣпости.

Сдѣлавшись подданными русскаго царя, ахаль-текинцы постепенно начинаютъ входить въ колею новой жизни, хотя ассимилируются съ русскими весьма неохотно и оттого весьма медленно.

Величина занимаемой ими территоріи составляетъ около 230,000 квадратныхъ верстъ, а вся численность населенія простирается до 120,000 человѣкъ. О своемъ пропломъ они мало чего знаютъ: письменныхъ свидѣтельствъ объ этомъ вовсе не имѣютъ и ограничиваются лишь скучными преданіями, не восходящими далѣе 500—1000 лѣтъ. По преданію, ахаль-текинцы получили свое название отъ собственного имени „Акъ-халь“ (по русски значить „Бѣлая-родинка“), первого среди туркменъ проповѣдника мусульманства, и нарцательного имени „текэ“—козель, главнаго, вмѣстѣ съ баракомъ, животнаго, доставляющаго богатство, пищу и одѣяніе Акъ-халу. По тому же преданію, всѣ текинцы ахаль-текинскаго, мервскаго и теджентскаго оазисовъ находятся между собой въ племенномъ и притомъ весьма близкомъ родствѣ, такъ какъ считаютъ своимъ родоначальникомъ иѣкоего Саларъ-Казана; въ болѣе отдаленномъ съ ними родствѣ находятся племена: шейхи, сяиды, ата, нухуры, мурча, карадашлы, юмуды, гокланы и иѣкоторыя другія.

Сами себя, по роду занятій, текинцы раздѣляютъ на чарву и чомуровъ; чарва—это классъ зажиточныхъ скотоводовъ, переходящихъ съ мѣста на мѣсто ради пастьбы скота; чомуры—это классъ сравнительно бѣдныхъ людей, неимѣющихъ скота и потому лишившихъ возможности кочевать съ мѣста на мѣсто, а вслѣдствіе этого обреченныхъ на сидѣніе въ аулахъ и охрану садовъ и хлѣбныхъ посѣвовъ.

По виѣшнену виду, текинцы и довольно привлекательны, и довольно внушительны. Въ общемъ они высоки, стройны, красивы, сильны и мужественны; имѣютъ большие черные глаза, длинные съ подъемомъ носы, черный густыя бороды; они все, безъ исключенія, брѣютъ себѣ головы, на бритыя головы надѣваютъ

маленькия разноцветные тюбетейки (родь скуфии), а поверхъ тюбестекъ огромныя, грибовидныя, черныя, чуть ли не изъ цѣлаго годовалаго барашка, шапки; на ногахъ носятъ обыкновенно башмаки, въ рѣдкихъ случаихъ (во время путешествія) сапоги; одѣваются въ холщевые сорочки и такія же (рѣже ситцевыя) весьма умѣренной ширины шаровары, а поверхъ этого въ бумажные разныхъ цветовъ и разнаго достоинства халаты, опоясанные сверху широкимъ поясомъ съ привѣшаннымъ къ нему ножемъ, кривой саблей или кинжаломъ.

Текинцы отличаются правдивостью, честностью, уваженiemъ къ закону, почтенiemъ къ старцамъ, гостепримствомъ и религиозною терпимостью, составляющими положительныя стороны ихъ характера; но съ тѣмъ вмѣстѣ текинцы апатичны, лѣнивы, невосприимчивы ни къ грамотѣ, ни къ культурѣ, нечистоплотны, иногда лживы, весьма склонны къ аламанству („аламанъ“—грабитель) и къ калтаманству („калтаманъ—карманникъ), т. е. къ разбою и къ мелкому воровству, что все вмѣстѣ составляетъ отрицательныя стороны ихъ характера.

Всѣ текинцы-мусульмане суннитскаго толка, но какъ исполнители обрядовъ, посты, и намазовъ установленныхъ кораномъ и шаріатомъ¹), они стоять наравнѣ съ киргизами, т. е. и мало понимаютъ догматы своей вѣры и мало исполняютъ требованія своихъ муллъ (вѣроучителей) и казіевъ (народныхъ судій).

Пицей и питьемъ текинцамъ служать пшеничные лепешки (чуреки), кислое процѣженное коровье и верблюжье молоко, называемое сюзьмой, джугаровая каша, куриныя яйца, коровье и овчье масло, молочная съ водой похлебка, бураковый съ кунжутнымъ масломъ наваръ.

¹ Шаріатомъ называется система мусульманского законовѣданія; буквально значитъ указаніе пути (разумѣется, ко спасенію).

лапша, баранье или верблюжье мясо, палау (шилавъ), шурпа, т. е. бараний бульонъ, зеленый чай и особаго рода кисловато-сладкій спиртуозный напитокъ чаль, приготовляемый изъ верблюжьяго или коровьяго молока.

Жилищами для текинцевъ служатъ чатлы и кибитки, т. е. то менѣшихъ, то большихъ размѣровъ круглые, подобные небесному своду, шалани, связанные изъ прутьевъ и камыша, сверху обтянутые войлокомъ, внутри устланные кошмой и по стѣнамъ увшанные оружиемъ, сбруей и различными предметами хозяйственныхъ принадлежностей.

Развлечения текинцевъ составляютъ—конскія скачки, бой верблюдовъ, барановъ, пѣтуховъ, состязаніе въ борьбѣ мальчиковъ (до 15-ти лѣтняго возраста), рассказы о геройскихъ на войнѣ подвигахъ, пѣніе пѣсень и игра на музикальныхъ инструментахъ—дударѣ и камышевой дудкѣ.

Жены текинцевъ ходятъ съ открытыми лицами; зато онѣ лишены собственной воли почти до глубокой старости ихъ чуть ли не съ дѣтства продаются въ замужество, получая иногда калыму до 300, а иногда до 1500 р. за одну девушку; на нихъ лежать самыя многосложныя домашнія обязанности; такъ, онѣ разбиваются, при перекочевкахъ, юрты, пасутъ скотъ, приготовляютъ пищу, ткутъ ковры, выдѣлываютъ различные для одежды и покрытия кибитокъ материали²).

Черезъ одну станцію отъ Геокъ-Тепе, носящую название Безмеина²), находится станція Асхабадъ, некогда столица ахаль-текинскаго оазиса, теперь местопребываніе начальника Закаспійскаго края. Ас-

¹ Обзоръ Закаспійской области, Асхабадъ, 1892, 13, 17, 20, 21, 34—40.

² Правильне Базмавна, что съ персидскаго на русскій языкъ значитъ «Мѣсто пляски бачей».

хабадъ съ арабскаго на русскій значить „любимое“ или въ отдаленномъ значеніи „пріятное мѣсто“ („ышкъ“—любовь и „абадъ“—благоустроенное, населенное мѣсто“). Если такое толкованіе правдоподобно¹⁾, то дѣйствительно Асхабадъ можно назвать пріятнымъ городомъ, такъ какъ здѣсь путешественникъ уже не увидитъ тѣхъ страшныхъ песковъ, представляющихъ изъ себя безотрадную картину унынія и смерти и поражающихъ его уже тогъ часъ при выѣзда изъ Узунъ-ада въ Среднюю-Азію; напротивъ того, здѣсь взоръ его будутъ пріятно ласкатъ зеленѣющіе сады съ ихъ необходимыми украшеніями, стройными и густолиственными тополями, уходящими далеко вверхъ, къ небу.

За то въ этомъ же Асхабадѣ болѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ Закаспійскаго и Туркестанскаго края, распространена болѣзнь, называемая пендикой (отъ мѣстечка Пенде или Тахта-базарь, находящагося вверхъ по рѣкѣ Мургабу, въ 228½ верстахъ отъ Асхабада, по Іолотанской дорогѣ), иначе паша-хурдой, сартовской болѣзнию или болѣзнию *bouton d' alep*. Болѣзнь эта состоить въ томъ, что какой-то, еще неизвѣстный нашимъ врачамъ, микробъ, водящійся въ водѣ или въ воздухѣ, проникаетъ подъ кожу человѣка и производитъ язвы на щекахъ, на носу, на ушахъ, на рукахъ и на другихъ открытыхъ и закрытыхъ мѣстахъ. Иногда число этихъ язвъ доходитъ до 200, и человѣкъ, пораженный ими, страдаетъ невыразимо: ему нѣть никакой возможности ни сѣсть, ни лечь. Застраховать себя отъ этой болѣзни нѣть никакихъ средствъ: иногда она поражаетъ нового человѣка черезъ 3—4 дня, несмотря на самыя тща-

1) Есть и другое толкованіе: отъ арабскихъ словъ: „асхабъ“—хозяинъ и „абадъ“—городъ.

тельныя съ его стороны мѣры предосторожности; иногда она въ одной и той же семье поражая однихъ, совсѣмъ не трогасть другихъ. Жаль смотрѣть на какого-нибудь молодаго красиваго человѣка, обображенаго этой болѣзнию; въ Европейской Россіи сказали бы, что это—кавалеръ классической богини Венеры, но въ Азіатской Россіи—это только несчастная жертва пендики. Изъ всѣхъ мѣстъ Средней Азіи эта болѣзнь наиболѣе распространена въ Асхабадѣ и его окрестностяхъ, гдѣ она носить специальное название „асхабадки“. Впрочемъ, эта же болѣзнь существуетъ и на Кавказѣ, напримѣръ, въ Елисаветпольской губерніи, гдѣ она носить название „годовика“, потому что будто бы развивается и пропадаетъ въ организмѣ человѣка въ теченіе одного года. Лѣчатся отъ этой болѣзни различными средствами: холодной водой, чернилами, свинцовою мазью, кѣтомъ, землею, смоченной человѣческой уриной, и т. п.

Отъ Асхабада поѣздъ идетъ по степной мѣстности, послѣдовательно минуя станціи Аннау, Гляурсъ, Аксу, Баба-дурмазъ и Артыкъ. Изъ этихъ пяти станцій въ археологическомъ отношеніи заслуживаютъ вниманія первая и послѣдняя.

Станція Аннау находится въ 8 верстахъ отъ Асхабада, вблизи древнѣйшаго города съ этимъ-же названіемъ. Когда возникъ и кѣмъ основанъ этотъ городъ, остается совершенно неизвѣстнымъ. Можно думать лишь, что онъ существовалъ уже до Р. Х., во время Царія, царя персидскаго и Александра, царя македонскаго. Мѣстное преданіе говоритъ, что онъ разрушенъ былъ, заурядъ съ другими городами, монгольскимъ завоевтелемъ Чингизъ-ханомъ, но потомъ снова возстановленъ какимъ-то персидскимъ шахомъ. Русскіе, пришедшіе въ Закаспійскій край, въ 1881 году, нашли, однако, этотъ городъ снова въ разва-

ликахъ; но кому обязанъ онъ былъ послѣднимъ своимъ разрушениемъ, также остается совершенно неизвѣстнымъ.

Городъ Аннау расположень на высокомъ холмѣ, доминирующемъ надъ всю окрестною мѣстностью. Весь холмъ обнесенъ сырьми глиnobитными стѣнами, въ однихъ мѣстахъ вполнѣ уцѣлѣвшими, въ другихъ совсѣмъ или на половину обрушившимися, но въ общемъ придающими всѣмъ развалинамъ видъ неприступной крѣпости; между этими стѣнами, то тамъ, то сямъ, возвышаются высокія четырехъ-угольныя башни съ бойницами. Въ крѣпость, съ восточной стороны, ведутъ узкія, еще и теперь крытыя, ворота. Внутри крѣпости видны остатки домовъ, башень, базарныхъ арокъ, холодиленъ, погребовъ, подваловъ, а между ними неисчислимое число разноцвѣтныхъ черепковъ битой посуды. Внѣ крѣпости, по склонамъ холма, разбросаны обрушившися дома, башни, гробницы, и т. п.

Изъ всѣхъ зданій, уцѣлѣвшихъ въ городѣ Аннау, обращаетъ на себя вниманіе его великолѣпная мечеть. Она какъ-то особенно величаво возвышается надъ развалинами города и въ ночное время, при мягкихъ переливахъ сѣта луны, производить эффектъ поразительный. Мечеть эта занимаетъ южную сторону небольшаго квадратнаго двора, имѣющаго 23 аршина въ длину и столько-же въ ширину и представляетъ собой типичный образецъ мечети въ персидскомъ стилѣ: она состоитъ изъ открытого портала, увенчанного куполомъ, и лицевой арки, поднимающейся выше купола и имѣющей, въ самомъ верху, семь продолговатыхъ, въ видѣ узкихъ оконъ, просвѣтовъ а по бокамъ шесть глубокихъ нишъ, по три съ каждой стороны. Внутри мечети сдѣлано шесть большихъ оконъ (три прямо передъ зрителемъ и три съ

боковъ) и семь нишъ. Съ обѣихъ сторонъ мечети пристроены особья помѣщенія, очевидно, для благочестивыхъ подвижниковъ и юныхъ учениковъ. Во дворѣ, у правой стѣны портала, стоитъ могила какого-то святого, огороженная особою стѣнкой, имѣющею небольшой входъ, всегда запертымъ деревянной, въ видѣ решетки, калиткой. Изъ двухъ составныхъ частей мечети арка сохранилась вполнѣ; самое же зданіе сильно пострадало отъ времени и грозить скорымъ паденіемъ.

При всемъ этомъ мечеть поражала и поражаетъ своимъ величиемъ самыхъ равнодушныхъ ко всяkimъ архитектурнымъ произведеніямъ зрителей. Прекрасное описание этой мечети находимъ у Эдуарда Циммермана, три года тому назадъ путешествовавшаго по Средней Азіи. „Пробравшись кое-какъ между полуразрушенными стѣнами, окружающими холмъ, я поднялся, пишетъ Циммерманъ, вверхъ и увидѣлъ передъ собою буроватыя стѣны мечети, съ которой обвалившіеся кирпичи грудой лежали у ея основанія. Вверху, въ щеляхъ едва сохранившагося купола, поселились голуби, стаями летавшіе вокругъ зданія. Лицевой фронтонъ оказался выше купола. Обращенный къ полотну желѣзной дороги, этотъ фронтонъ сохранился лучше всѣхъ другихъ частей и представляетъ самую интересную часть громадной развалины. Средину занимаетъ открытый порталъ, а по бокамъ его вся стѣна, снизу до верху, покрыта многоцвѣтною глазурью въ видѣ чудныхъ арабесковъ. Между ними, справа и слѣва надъ порталомъ, извиваются на встрѣчу другъ другу двѣ змѣи, прелестно составленныя изъ той же глазури. Выше надъ змѣями, широкою, прямolinейною полосой, вдоль надъ порталомъ, съ арабесками переплетается крупная надпись, какъ надо полагать, на персидскомъ языке. Цвѣта крас-

ый, синий, зеленый и желтый такъ еще свѣжи, ярки и сливаются между собою такими причудливыми узорами, съ такимъ гармоничнымъ сочетаніемъ колеровъ, что все вмѣстѣ представляется взору въ видѣ изящнаго, составленнаго изъ изразцовъ, блестящаго ковра, шитаго по канвѣ. Вотъ все, что сохранилось отъ этой, какъ видно, когда то величественной мечети. Но и этого достаточно для того, чтобы судить объ искусствѣ персидскихъ художниковъ, объ ихъ умѣннѣ распредѣлять цвѣта въ такое согласное сочетаніе, что, не смотря на яркость, ихъ глазамъ пріятно смотрѣть на эти неуловимыи извины арабесковъ¹⁾.

Станція Артыкъ (порусски значить „Лишній“) стоитъ въ 80 верстахъ отъ Аниау и находится все-го лишь въ двухстахъ саженяхъ отъ персидской границы и въ трехъ верстахъ отъ персидского города Лютфабада, называемаго иначе Бабаджаномъ. Въ трехъ верстахъ отъ Артыка, съ лѣвой стороны желѣзно-дорожной линіи, находится крѣпость Кюраинъ-кала. По разсказамъ мѣстныхъ старожиловъ, она построена всего лишь около ста лѣтъ тому назадъ какими-то выходцами изъ Хивы, которые поселились сперва въ Каахка, а изъ Каахка перебрались въ Кюраинъ-калу; крѣпость предназначалась для защиты противъ персовъ. Въ общемъ она представляеть изъ себя круглый высокій холмъ, рельефно выдѣляющійся на открытомъ фонѣ стенной равнини и заключающей въ себѣ 150 шаговъ длины и столько-же ширины. Во внутрь крѣпости, съ южной стороны, ведутъ ворота, нѣкогда охранявшиеся четырьмя караульницами; по стѣнамъ ея было устроено 7 башенъ или бойницъ для стрѣльбы въ непріятеля; изъ всѣхъ

этихъ девяти башенъ въ настоящее время уцѣлѣло лишь 4, остальная всѣ обрушились. Изъ крѣпости проведены были для неизвѣстной причины глиняныи трубы (въ окружности 1 аршинъ), остатки которыхъ видны во дворѣ текискаго старшины Барабатъ-бека. Средняя высота крѣпости до 60 сажень. По всѣмъ видимостямъ прежде основанія этой крѣпости сдѣланъ былъ высокій искусственный земляной холмъ, на которомъ потомъ возведены были стѣны и между стѣнъ построены башни. Не вдалекѣ отъ крѣпости возвышается огромный курганъ, по преданію, насыщанный болѣе 1000 лѣтъ тому назадъ. Верстахъ въ 30 отъ крѣпости показываютъ остатки какой-то стѣны, идущей отъ юга къ сѣверу, имѣющей до 2 саж. ширины и устроенной, по преданію, царемъ Ану-Ширваномъ; мѣстные старожилы передаютъ, будто эта стѣна начиналась отъ Кюряна и тянулась до Герата и будто-бы царь Ану-Ширванъ хотѣлъ отдать ею Иранъ отъ Турана. Впрочемъ, болѣе осторожные изъ тѣхъ-же старожиловъ, не ручаясь за точность своихъ показаний относительно времени возведенія стѣны, говорятъ, что это вопросъ чрезвычайной трудности, на которой и самъ Надиръ-шахъ ничего не могъ-бы отвѣтить.

Миновавъ 10 станцій различныхъ наименованій, путь проходитъ сперва рѣки Тедженъ и Мургабъ, а потомъ останавливается у станціи Новый-Мервъ.

Рѣка Тедженъ или Тадженъ есть тоже, что рѣка Гери-Рудъ; она примѣчательна въ томъ отношеніи, что въ ея лонѣ ученые полагаютъ колыбель арійскаго племени, носившую название Арии съ городомъ этого же имени, теперь Гери или Гератомъ; имя этой рѣки приводить на память имя народовъ таджиковъ, считающихъ древнѣйшими членами арійской семьи.

Рѣка Мургабъ—одна изъ прекраснѣйшихъ гор-

¹⁾ Циммерманъ. Русская Мысль, 1889, Мартъ, 27.

ныхъ рѣкъ Средней Азіи. Касательно названія ея существуетъ три объясненія: проф. Григорьевъ сближаетъ имя этой рѣки съ именемъ скиоскаго племени амурійцевъ, жившихъ въ Средней Азіи и известныхъ еще въ IV вѣкѣ до Р. Х. отцу исторіи, Геродоту¹⁾; а персидскій историкъ Гафізъ-Абру въ названіи рѣки Мургаба видѣть или испорченное слово Мервъ-абъ, что значитъ „Рѣка Мерва“, или же Мергъ-абъ, что значитъ „Вода луговъ“; послѣднее название могло произойти отъ того, что эта рѣка протекаетъ по ущельямъ Герджистана, покрытаго зелеными лугами, и потому именуется Мергъ-абомъ или Мургъ-абомъ.

Новый-Мервъ построенъ русскими всего лишь 9 лѣтъ тому назадъ, и потому въ смыслѣ древностей этотъ городъ не представляетъ изъ себя ничего интереснаго. Въ немъ есть лишь остатки большой крѣпости Коушутъ-ханъ-кала, возведенной текинскимъ вождемъ Коушутъ-ханомъ въ 1873 году противъ русскихъ. Крѣпость эта построена параллельно правому берегу рѣки Мургаба и заключаетъ въ себѣ пирины 450 сажень, длины съ одной стороны 950, съ другой 1200 сажень. Стѣны имѣютъ 14 аршинъ толщины и оканчиваются на верху щитами $2\frac{1}{2}$, аршина высоты и $1\frac{1}{2}$ аршина толщины. Въ щитахъ подѣланы амбразуры, въ два аршина пирины, для стрѣльбы изъ нихъ въ непріятеля. Теперь эта крѣпость съ каждымъ годомъ разрушается, какъ вслѣдствіе вліянія на нее стихіи, такъ и вслѣдствіе воздействиія на нее человѣка.

Въ $17\frac{1}{2}$ верстахъ отъ Нового-Мерва по дорогѣ на Іолотанъ стоитъ небольшая крѣпостца Геокъ-Тепе, неизвѣстно кѣмъ и противъ кого возведена. Крѣ-

пость эта представляетъ изъ себя форму совершенно правильнаго квадрата и имѣть въ окружности по всемъ валамъ около 640 аршинъ при 80 аршинахъ высоты. Съ наружной стороны она обнесена широкой, въ 20 аршинъ, канавой, наполненной водой. Въ крѣпости можно видѣть остатки амфоръ, стекла, кирпичей, костей животныхъ, костей людей и т. п. Къ юго-востоку отъ крѣпости, среди открытой степи, насыпаны три кургана, два въ одну линію, прямо противъ крѣпости, и одинъ нѣсколько въ сторону, но все три, какъ кажется, для стратегическихъ цѣлей.

Въ 10 верстахъ отъ Геокъ-Тепе, по той же Іолотанской дорогѣ, имѣются развалины крѣпости Джюльбарсъ, представляющія изъ себя всхолмленную мѣстность, около $3\frac{1}{2}$ версты длины и около $\frac{1}{2}$ версты ширины, съ остатками глинобитныхъ стѣнъ, жженыхъ кирпичей, различныхъ черепковъ и разнаго рода костей. Время построенія этой крѣпости, какъ и время разрушенія ея, остается совершенно неизвѣстнымъ.

Отъ Нового-Мерва поѣздъ дѣлаетъ одинъ пролетъ въ 26 верстъ и останавливается у станціи Байрамъ-Али (порусски „Праздникъ Али“), какъ разъ въ виду развалинъ Древняго-Мерва.

¹⁾ Григорьевъ О скиоскомъ народѣ сакахъ, С.-Петербургъ 1871, п8.

II.

Древній-Мервъ, описаніе его по арабскимъ и персидскимъ источникамъ; города Древнаго-Мерва: Вайрамъ-ати-ханъ-кала, Абдулла-ханъ-кала, Султанъ-Санджаръ-кала, Искандеръ-кала, Гнууръ-кала; зданія и памятники: Малая-мечеть, могила Двухъ-братьевъ, Султанъ-Санджаръ мечеть; развалины крѣпости Ауліе-камбаръ на Мургабѣ, имѣніе Государя Султана-бенкъ, порогъ Чохъ-локъ на Мургабѣ.

Древній-Мервъ, на языкѣ классическихъ писателей (Діодора, Страбона, Арріана, Квинта Курція) Меру, Муру, Мерви-шахъ, Маргія, Селевкія, Александря, у современныхъ текинцевъ Куя-Мервъ (т. е. Старый-Мервъ),—одинъ изъ самыхъ древнѣйшихъ городовъ Средней Азіи. Находясь на берегу прекрасной рѣки Мургаба, Мервъ никогда считался богатой и цвѣтущей столицей Хорасана, теперь считается центромъ всей Туркмении, прежней Маргіаны. Объ немъ говорится уже въ извѣстномъ персидскомъ памятнике Вендиатѣ, писанномъ за 2500 лѣть до Р. Х. знаменитымъ персидскимъ законодателемъ, Зороастромъ: „Муру, твердая и чистая, было третье мѣсто благодати (послѣ Балха и Герата), созданное мною, Ормуздомъ“. По мѣстному преданію, въ Древнемъ-Мервѣ прародитель Адамъ получилъ первыя наставленія въ земледѣліи отъ небеснаго ангела.

Въ качествѣ древнѣйшаго города Мервъ игралъ различныя роли во всѣ периоды исторической жизни Средней-Азіи.

Въ XIII до Р. Х. здѣсь проходилъ ассирийский

царь Нинъ, осаждавшій Бактрію (теперь Балхъ) и женившійся на бактрійской принцессѣ Семирамидѣ; въ VI вѣкѣ до Р. Х. здѣсь былъ Киръ, царь персидскій, погибшій потомъ въ борьбѣ съ массагетами; въ IV вѣкѣ до Р. Х. Мервъ подвергался осадѣ со стороны македонскаго царя, Александра Великаго; въ III вѣкѣ по Р. Х. Мервъ перешелъ во владѣніе новоперсоя; въ это время рядомъ съ религіей Зороастра стала приобрѣтать здѣсь права гражданства религія Будды; съ V по VIII вѣкѣ по Р. Х. здѣсь подвизались христіане несторіанскаго толка, слѣдавшіе Мервъ (въ 420 году) резиденціей своего митрополита и направлявшіе чрезъ этотъ городъ во внутрь Средней Азіи и даже въ Китай своихъ міссіонеровъ; въ VII вѣкѣ здѣсь прославилась знаменитая красотой и храбростью Хатунъ, царица туранская; въ VII же вѣкѣ здѣсь воевали знаменитые арабскіе полководцы Могамлабъ и Кутайба, слѣдавшіе Мервъ достоиніемъ халифата; съ этого времени Мервъ пріобрѣлъ всемірную извѣстность, какъ знаменитый центръ наукъ и искусствъ во всей Средней Азіи; онъ славился своими великоколѣбными дворцами, роскошными садами и многолюдными училищами; въ немъ устроены были астрономическая обсерваторія и обширная библіотека; въ немъ находилось много ученыхъ христіанъ, переведшихъ на сирійскій языкъ Платона, Аристотеля, Гиппократта и впервые познакомившихъ съ ними арабовъ, которые сдѣлались впослѣдствіи учителями Европы; въ IX вѣкѣ, во время господства арабовъ, здѣсь возвысилась мѣстная династія Саманидская; въ X и XI вѣкахъ здѣсь господствовали узбеки и сельджукиды; въ XII вѣкѣ Мервъ былъ столицею сельджукскаго хана Султана-Санджара и славился своими мечетями; въ XIII вѣкѣ (1219) Мервъ былъ покоренъ сыномъ Чингизъ-хана Тули-ханомъ,

истребившимъ въ немъ, по приказанию своего повелителя, около 1,300,000 человѣкъ жителей; въ XIV вѣкѣ Мервъ разрушенъ былъ Тимуръ-ханомъ и въ XV вѣкѣ (1409) снова восстановленъ сыномъ его Шахрухъ-ханомъ; въ XV вѣкѣ снова взята узбеками и въ XVIII вѣкѣ (1795) завоеванъ былъ бухарскимъ эмиромъ; съ тѣхъ поръ Древній-Мервъ обратился въ мертвую пустыню, въ которую только время отъ времени присылались, какъ въ каторжныя работы, ссыльные бухарцы.

У арабскихъ географовъ Ибнъ-Хаукала и Абуль-феды о Древнемъ-Мервѣ находимъ слѣдующія, нелишнія интереса, но къ сожалѣнію краткія, свѣдѣнія.

Мервъ—древнійшій городъ Хорасана; онъ стоитъ на ровномъ мѣстѣ, вдали отъ горъ; почва въ этомъ городѣ супесчаная, изрѣдка солонцеватая, но въ общемъ очень плодородная; въ немъ протекаетъ рѣка Вансикъ¹⁾, по берегамъ которой ростутъ фруктовые сады; изъ этой рѣки проведена другая въ городскіе бассейны, которую пьютъ жители города. Кромѣ этого Мервъ имѣеть еще три источника воды. Фрукты города Мерва отличаются особенно сладкимъ вкусомъ; когда они созреваютъ, то ихъ режутъ небольшими ломтиками, сушатъ на солнцѣ и развозятъ въ другія страны; особенно превосходнымъ качествомъ отличается сушеный виноградъ (изюмъ). Городъ этотъ несравненный по своей чистотѣ, воздуху, расположению, по своимъ зданіямъ. источникамъ воды, плантациямъ и по красиво разбросаннымъ дорогамъ. Мервъ былъ резиденціей сына Гарунъ-ар-Рашида, вице-короля Мамуна, въ то время, когда онъ находился въ Хорасанѣ. Въ Мервѣ былъ убитъ Эзи-

¹⁾ По другиѣ указаніямъ, это рѣка Мургабъ; она начинается за Баміаномъ и, не доходя до Мерва, расходится на несколько рукавовъ, изъ коихъ одинъ течетъ въ Мервъ.

джаръ, послѣдній персидскій царь. Оттуда также произошла династія Аббасидовъ. Первые черные костюмы, въ которые одѣвались Черные (такъ назывались партизаны Аббасидовъ, потому что они носили цветъ этой династіи), были сшиты въ домѣ одного мервскаго жителя. Въ Мервѣ было много секретарей калифата, а также много ученыхъ имамовъ. Оттуда былъ родомъ известный Бурзуз, философъ или докторъ,ѣздившій въ Индію собирать сочиненія Бидиая. Изъ Мерва вывозятъ большое количество шелку и бумаги.

Болѣе подробныя свѣдѣнія о Древнемъ-Мервѣ и его окрестностяхъ находимъ у персидскаго историка Гафизъ-Абра.

Мервъ—одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ Хорасана; онъ расположенъ въ степи, такъ что близъ него ни съ какой стороны не видно горъ; основанъ онъ царемъ Кагандаромъ, сыномъ Теймураза, а обстроенъ Александромъ Македонскимъ; въ окружности имѣеть одинъ фарсангъ (отъ 7 до 8 верстъ). И вслѣдствіе теченія вѣковъ, и вслѣдствіе опустошительныхъ произшествій городъ Мервъ издавна находился въ разореніи, заброшенности и упадкѣ. Опустошеніе его произошло такимъ образомъ.

Во время нашествія всемирного завоевателя Чингизъ-хана на Иранъ, онъ въ теченіе тридцати семи дней подрядъ сражался у воротъ Балха, пока не взялъ города и пока, по занятіи его, не произвелъ поголовнаго избиенія жителей. Послѣ этого въ Баміанѣ былъ убитъ Мутугэнъ, сынъ Джагатая, внукъ Чингизъ-хана. Разгнѣванный такимъ обстоятельствомъ на людей этихъ странъ, Чингизъ-ханъ назначилъ принца Тули-хана съ 80,000 войскомъ для покоренія хорасанскихъ провинцій и поручилъ ему безжалостно подвергнуть мечу всѣхъ ноголовно отъ колыбельнаго ребенка до стольнаго старца. Тули-ханъ въ полу-

винѣ Раби-уль-авваля 616 года (1219 по Р. Х.), двинувшись для покоренія Хорасана, пришелъ сперва въ Мервъ. Въ то время Хорасанъ процвѣталъ благосостояніемъ; въ особности славилась столица Хорасана, городъ Мервъ, который, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, былъ резиденціей Султанъ-Санджара, назывался Шахджанъ, т. е. Душа-шаха, и имѣлъ три большия соборныя мечети, изъ коихъ каждая въ пятничные дни наполнялась прихожанами.

Въ Мервѣ тогда было 90,000 человѣкъ войска, которые выступили на встрѣчу непріятелю и вошли съ ними въ бой, окончившійся, однако, тѣмъ, что Тули-ханъ взялъ городъ и разрушилъ его, а жителей, въ теченіе нѣсколькихъ дней, выводилъ въ поле и, отдѣливъ мужчинъ отъ женщинъ, подвергая всѣхъ смерти. Убитыхъ считали потомъ нѣсколько дней и, кромѣ не вошедшихъ въ списокъ, насчитали 130 тумановъ (туманъ равняется 10,000; слѣдовательно, всѣхъ убитыхъ было 1,300,000¹⁾). Послѣ этого городъ, изукрашенный великодѣйствіемъ всего мира, вслѣдствіе этого печальнаго событія, сдѣлался жилищемъ гнѣвъ и хищныхъ звѣрей. Изъ его деревьевъ не осталось ни одной зеленої вѣтви, а изъ его кіосковъ не уцѣлѣло ни одного крова; чѣсто, такъ прекрасно обстроенное, перевернулось вверхъ дномъ. Гнѣвъ божій подвергнулъ карь какъ жителей, такъ и самую страну: около 200 лѣтъ не было тамъ ни тѣни, подъ которой могъ бы отдохнуть путникъ, ни обитателя, который могъ бы разсказать о постигшемъ страну несчастью.

¹⁾ Возможно, что эта цифра сильно преувеличена, но не слѣдуетъ забывать въ того, что, въ виду страха, пагианнаго Чингизъ-ханомъ на населеніе Хорасана, подъ защиту крѣпости Мерва, собралась действительно большая масса народа, пришедшія изъ дальнихъ и близкихъ окрестностей столицы.

Такъ продолжалось до тѣхъ поръ, пока въ 812 году гиджры (1409 году по Р. Х.) благодѣтельный царь, Мирза-Шахрухъ, сынъ Тамерлана, не обратилъ вниманія на эту страну и не озабочился о благоустройствѣ ея. Воспользовавъ фирмансъ, чтобы со всѣхъ мѣстъ государства турки, таджики, высіе и нисіе, стекались въ эту страну. Такъ какъ Мервъ орошался водою изъ рѣки Мургаба и такъ какъ плотина, сдѣланная на этой рѣкѣ, была снесена водой, а канавы засыпаны землей, то признано было очистить канавы и восстановить разрушенную плотину, дабы, посредствомъ орошенія, безводныя и опустѣвшія земли, лишеннія всякой растительности, получили новую жизнь и покрылись зеленью и садами. Когда окончена была плотина и когда puщенна была вода на поверхности земли, то люди со всѣхъ сторонъ охотно стали собираться и охотно селиться въ городѣ и, во время счастливаго царствованія Мирзы-Шахруха, устроили базары, мечети, дома, бани, школы, мосты, караванъ-сарай. Новопроведенная канава имѣла въ верховьяхъ 20 гязовъ (гязъ = 1³/4 аршина); а ширина въ концѣ доходила до 15 гязовъ; глубина ея въ бугристыхъ мѣстахъ доходила до 30 гязовъ, а длина ея отъ плотины на Мургабѣ до воротъ города Мерва, называемыхъ Дарваза Алямдаръ, т. е. Воротами знаменосцевъ (такъ называются эти ворота потому, что у нихъ находятся могилы Бурейды и Гекама, знаменосцевъ пророка Могамета) была 12 фарсанговъ (отъ 84 до 96 верстъ).

Истокъ Мургабской воды идетъ изъ Баміянской горы. Близъ Баміаны есть ущелье, называемое Истиджабъ, въ которомъ бьетъ много родниковъ и которое большую частью года покрыто снѣгомъ; во время лѣтней жары снѣга таютъ и образуютъ большой источникъ. Этотъ-то источникъ есть начало Мургаба,

который, дойдя до Герревана, входит въ Герджистанъ, гдѣ отъ разныхъ ущельевъ вливается въ Мургабъ разные ручьи; затѣмъ вода Мургаба, дойдя до предѣловъ Бадгиса, проходить сѣвернѣе его. Дойдя до города Мерва и пройдя самый городъ, вода выходитъ чрезъ ворота Кышминъ и послѣ того излишекъ ея дотекаетъ до хоразмійскихъ песковъ; на этомъ протяженіи въ селеніи Гендекъ, называвшемся Старымъ-Мервомъ, устроена была плотина. Въ настоящее время, говорятъ, когда дуетъ сильный вѣтеръ и уносить пески, то здѣсь выходятъ наружу стѣны и различные постройки, указывающія на то, что это мѣсто въ древности было и застроено и заселено.

Во времія Султанъ-Санджара Мервъ чрезмѣрно обстроился и дошелъ до высокой степени развитія и благосостоянія. Говорятъ, что при Султанъ-Санджарѣ 12,000 человѣкъ назначены были охранителями плотины и распорядителями дѣлъ водоснабженія, и жизнь ихъ была обеспечена остальными жителями Мерва. Въ концѣ царствованія Султанъ-Санджара городъ Мервъ много пострадалъ отъ опустошеній, произведенныхъ племенемъ Газъ. Послѣ смерти Султана-Санджара (въ 558 году гиджры или въ 1162 году по Р. Х.) плотина Мургаба была снесена водой и, сколько ни прилагали труда, немогли восстановить ее, такъ что въ три года вода Мерва совсѣмъ ушла; тогда многие жители разошлись изъ города, и Мервъ пришелъ въ полное разстройство. Послѣ этого Хоразмъ-шахъ отправилъ въ Мервъ людей, которые и восстановили плотину.

Мервъ производить хорошія сладкія дыни; ихъ сушатъ и въ сушеномъ видѣ называютъ „кахкъ“, а изъ сока дѣлаютъ особый сиропъ. Шеница Мерва лучше пшеницы всѣхъ другихъ мѣстъ, а хлѣбъ изъ

этой пшеницы и бѣлѣ и пріятѣе хлѣба другихъ мѣстъ. Изъ мервскихъ степей вывозятъ во всѣ страны свѣта особый корень уптуръ-гаръ, отличающійся какъ подкрѣпляющее средство.

Изъ мѣстечекъ Мерва славился Махавъ, который одно время былъ больше самого Мерва; онъ былъ и родиной и резиденцией Абумъ-Гослума и отличался плодородными пашнями, на которыхъ разводили много прекрасныхъ дынь и сѣяли много хорошихъ пшеницъ¹⁾.

Къ этому описанію Гафізъ-Абу можно добавить къ исторіи Цревяяго-Мерва слѣдующія строки изъ арабскаго историка Ибнъ-эль-Атсира, касавшагося собственно разгрома города стратіпнымъ завоевателемъ Чингизъ-ханомъ и бывшаго очевидцемъ этого событія.

„Предпріятіе мое содержать въ себѣ описание ужаснейшей катастрофы и величайшихъ бѣдствій, какія только могли совершиться и какія разразились вообще надъ всеми народами, но въ особенности надъ мусульманами; и если кто-либо станетъ утверждать, что человѣчество съ тѣхъ поръ, какъ Господь создалъ Адама, и до нашихъ дней не подвергалось бѣдствію; то онъ скажетъ истинную правду. И действительно, въ лѣтописяхъ не содержится ничего, что могло бы сравняться съ этимъ погромомъ. Къ этой ужасной катастрофѣ, въ нихъ изображаемой, относится та, какую Навуходоносоръ нанесъ израильтянамъ, разбивъ ихъ и разрушивъ святой Іерусалимъ. Но что значитъ Іерусалимъ въ сравненіи съ областями, опустошенными этими варварами! Вѣдь главный городъ каждой изъ нихъ стоитъ двойного, тройного

¹⁾ Переводъ сдѣланъ изъ Гафізъ-Абу пропорщикомъ милиціи А. Ага-иаловыемъ.

Иерусалима! И что значать израильтяне въ сравненіи съ тѣми, что убиты татарами! Вѣдь въ каждомъ изъ разрушенныхъ ими городовъ было болѣе жителей, чѣмъ всѣхъ израильтянъ. Я думаю, народы никогда болѣе не увидятъ подобной катастрофы, пока человѣчество не предстанетъ предъ престоломъ Господа и пока міръ не распадется на ничто; ибо даже самъ антихристъ пощадить тѣхъ, которые пристанутъ къ нему, и погубить только тѣхъ, которые сопротивляются ему; тогда какъ эти варвары не щадили никого: они убивали женъ и дѣтей, они вскрывали чрева и умерщвляли неродившихся... Монголы — самый жестокий народъ, и ихъ величайшіе властители были самыми ужасными исчадіями человѣчества: они съ чрезвычайнымъ политическимъ искусствомъ, съ беспощадною энергией обрекли полміра на спокойствие кладбища¹⁾.

Все пространство, занимаемое развалинами Древняго-Мерва, заключаетъ въ себѣ 104 квадратныхъ вѣrstы и представляетъ собой пѣлое поле смерти со всевозможными на немъ остатками человѣческихъ пережитковъ, раскрывающими передъ зрителемъ длинныя страницы исторіи и представляющими собой настоящее живое слово, говорящее и уму и сердцу человѣка.

Система городищъ, расположенныхъ вокругъ Древняго-Мерва, указываетъ и на самую систему ихъ возникновенія: каждый завоеватель, взявъ городъ, садился не въ немъ самомъ, а рядомъ съ нимъ, какъ дѣлаемъ въ настоящее время и мы, русские, во всѣхъ покоренныхъ нами средне-азіатскихъ мусульманскихъ городахъ. Этимъ-то и объясняется какъ величина

пространства Древняго-Мерва, такъ и множество городищъ, вокругъ него расположенныхъ. Но гдѣ было городище первого, самого Древняго-Мерва, это вопросъ едва-ли разрѣшимый въ настоящее время. Дѣло въ томъ, что Древний-Мервъ, какъ и всѣ другіе города Средней Азіи, то разрушаляемые, то вновь возобновляемые, вѣсколько разъ менѣялъ свое мѣсто въ теченіе всей своей исторической жизни, почему отличить его городище отъ другихъ городищъ, съ нимъ смежныхъ, пока, безъ основательныхъ раскопокъ, едва-ли возможно.

Отъ станиці Байрамъ-Али расположение бывшихъ городовъ на мѣстѣ Древняго-Мерва представляется послѣдовательно въ такомъ порядке: Байрамъ-Али-ханъ-кала, Султанъ-Санджаръ-ханъ-кала, Искандеръ-кала и Глуръ-кала. Между этими главными городами идутъ второстепенные — Шаимъ-кала, Ходжа-кала, Акъ-кала, Хейль-абъ-кала, и другіе. Каждый изъ этихъ городовъ отдаленъ одинъ отъ другаго особыми стѣнами съ бойницами, башнями и крытыми воротами, стиль которыхъ, какъ и самъ матеріалъ строго отличаются другъ отъ друга.

Внутри городовъ безчисленное множество всякаго рода культурныхъ пережитковъ человѣка. Прежде всего бросаются въ глаза глубокіе высохшіе арыки, носящіе здѣсь общее название ябовъ (очевидно „абъ“ — вода): Абдулла-ханъ-ябъ, Юсупъ-ханъ-ябъ, Эль-Гараль-ябъ, Согеръ-ябъ, Хейльва-ябъ, Байрамъ-Али-ябъ, Майджауръ-ябъ, Кара-яны-ябъ, Яныаркъ-ябъ, Шаимъ-ябъ, Чагтрикъ-ябъ, и другіе. Кроме того поражаютъ зрителя въ этихъ городахъ всевозможные черепки глиняной посуды, жженыхъ кирпичей и неисчислимая развалины зданій — дворцовъ, мечетей, мадрасы, башенъ, домовъ, бань, холодиленъ,

¹⁾ Histoire des Mongols la Haye, 1834, I; trad. Dosson.

подваловъ, колодцевъ, погребальныхъ камеръ, могильныхъ памятниковъ, мостовъ, караванъ-сараевъ, и т. п.

Первое изъ названныхъ городицъ, Байрамъ-Али-ханъ-кала, есть персидская крѣпость, возведенная въ XVIII вѣкѣ хакимомъ города Байрамъ-Али-ханомъ. Впрочемъ, въ какое именно время она возникла, съ точностью неизвѣстно; извѣстно линь, что въ 1784 году она была вырвана изъ рукъ персовъ бухарскимъ эмиромъ Маасумомъ (иначе называемымъ Шахъ-Мурадомъ) и обращена въ развалины. Бухарцы долго, но безуспѣшно осаждавши Байрамъ-Али, взяли крѣпость только тѣмъ, что уничтожили на рѣкѣ Мургабѣ знаменитую Султанъ-бентскую плотину, питавшую своими водами все населеніе Мерва.

По внѣшнему виду крѣпость Байрамъ-Али-ханъ-кала представляетъ изъ себя правильный четырехугольникъ, имѣющій около трехъ четвертей версты длины и столько же ширины; она обнесена кругомъ высокими глинобитными стѣнами, сложенными въ два яруса, со множествомъ частію четырехъ-угольныхъ, частію круглыхъ башенъ и съ двумя, въездными и выездными, воротами. Въездные ворота стоятъ между двухъ круглыхъ боевыхъ башенъ, имѣющихъ узкія для стрѣльбы отверстія; надъ этими воротами, въ поперечной ихъ аркѣ, вѣланы были два натуральныхъ черепа — коня и человѣка, — не болѣе двухъ лѣтъ тому назадъ снятые передъ прѣздомъ въ Мервъ итальянскаго принца. Выездные ворота стоятъ также между двухъ боевыхъ башенъ, конической формы, характерного персидского стиля, сложенныхъ изъ тонкихъ обожженныхъ кирпичиковъ и нѣкогда облицованныхъ цвѣтными изразцами. Изъ всѣхъ крѣпостей крѣпость Байрамъ-Али-ханъ-кала особенно сильно пострадала во время проложенія рельсовъ чрезъ развалины Древняго-Мерва и сооруженія желѣзнодорожной станціи

со всѣми необходимыми при ней постройками, а также при сооруженіи дворцовыхъ построекъ и при проведеніи шоссе въ имѣніи Государя, начинаящемся отъ развалинъ Мерва и идущемъ вверхъ по рѣкѣ Мургабу. Теперь въ стѣнахъ Байрамъ-Али-ханъ-кала можно видѣть лишь одни черепки битой посуды, очень немногого кирпичей и еще менѣе того развалинъ зданій.

Крѣпость Абдулла-ханъ-кала вызываетъ на память имя Абдуллы-хана (\dagger 1597) изъ династіи Шейбанидовъ, господствовавшихъ въ Средней Азіи съ 1500 по 1597 годъ. Но въ самомъ ли дѣлѣ Абдулла-ханъ былъ виновникомъ сооруженія этой крѣпости, остается пока вопросомъ гадательнымъ. По внѣшнему виду крѣпость эта представляеть изъ себя совершенно правильный квадратъ, имѣющій три четверти версты въ длину и столько же въ ширину. Она непосредственно примыкаеть къ крѣпости Байрамъ-Али и обнесена со всѣхъ сторонъ стѣнами, сложенными изъ жженаго на глинѣ кирпича. Русскіе менѣе коснулись этой крѣпости, и потому здѣсь можно видѣть множество черепковъ различной посуды отъ самой грубой до самой тонкой работы, а также остатки разныхъ сооруженій, каковы: такъ называемая Малая мечеть, мадрасы, дома, башни, подвалы, холодильники, бани, колодцы, и т. п.

Изъ всѣхъ сооруженій крѣпости Абдуллы-ханъ-калы болѣе всего бросается въ глаза Малая мечеть. Малою она называется по сравненію съ мечетью Султанъ-Санджара, стоящею въ крѣпости этого-же имени. Эта мечеть сильно завалена вокругъ пескомъ и камнями и потому издали производить впечатлѣніе какъ бы упавшаго въ землю зданія. Основа мечети — крестообразный осьмиугольникъ, на которомъ поставленъ визкий, сдѣланный изъ мелкихъ кирпичей, куполь. Съ сѣвера къ зданію примыкаеть полукруг-

лая, поставленная вплотную къ осьмиугольнику, но поднимающаяся нѣсколько выше купола и потому издали кажущаяся какъ-бы отошедшею отъ него въ сторону, полукруглая, съ острымъ гребнемъ, арка, лишеннная всякихъ наружныхъ украшений и отдѣланная лишь особыми, въ видѣ оконныхъ рамъ, выступами, съ каждой стороны по два числомъ. Снаружи, при самой землѣ, здание имѣеть по три сквозныхъ и по одной глухой ниши съ южной и съверной сторонъ: кромѣ того, двѣ полукруглыхъ арки, съ восточной и западной стороны, служащихъ входомъ и выходомъ въ мечеть. Внутри зданія устроена высокая, съ круглымъ сводомъ, зала, а въ южной стѣнѣ¹⁾, прямо противъ зрителя, по обѣимъ сторонамъ выходной арки, съ каждой стороны по одной ниши. Въ куполѣ мечети оставлено четыре окна; кромѣ того, по угламъ купола сдѣланы большие проломы, какъ кажется, слѣды разрушительного времени и напего „культурнаго“ обращенія съ мечетью. Съ южной стороны украшеній на мечети нигдѣ не видно; видны лишь слабые слѣды рисунковъ на подобіе квадратовъ и треугольниковъ, сдѣланныхъ сухой синяго цвѣта краской по штукатуркѣ, внутри зданія, по стѣнѣ съ съверной стороны, на $3\frac{1}{2}$ аршина высоты отъ земли. Въ общемъ размѣръ мечети, кромѣ стѣнъ, 7 сажень пирины и 8 стженъ съ аршиномъ длины. Противъ главной арки мечети устроенъ глубокій колодецъ, обложенный до самого основанія кирпичемъ.

Кромѣ Малой-мечети, называемой иногда местными текинцами ханскимъ дворцомъ, въ крѣпости Абдуллы-хана сохранилось множество развалинъ и

¹⁾ Южная стѣна мечети, гдѣ обыкновенно устраивается михрабъ, называется „кыблა“.

другихъ зданій. Характерная особенность сооруженія этихъ зданій состоить въ томъ, что многія изъ нихъ построены въ нѣсколько ярусовъ и изъ различнаго материала—основаніе и средина изъ кирпича, верхъ и пристройки изъ глины, а каменные своды нерѣдко замѣнены деревянными балками. Отсюда позволительно думать, что всѣ такія постройки суть отпечатки нѣсколькихъ періодовъ времени, нѣсколькихъ народностей и нѣсколькихъ цивилизаций.

Къ съверу отъ развалинъ Абдулла-ханъ-калы раскинулось обширное кладбище, сплошь усыпаное могилами всевозможныхъ видовъ. Тутъ можно увидѣть простые глиняные холмики; небольшіе, обложеніе кирпичемъ въ елку, ящики; каменные гробницы; подземные склепы; круглые мавзолеи; купольныя часовенки, и т. п. Среди всего этого некрополя выдѣляются такъ называемыя могилы двухъ братьевъ; онѣ уже издали бросаются въ глаза всякому путешественнику. И по преданию и по указанію историка Гафизъ-Абу, это—могилы Бурейды и Гекама, знаменосцевъ и сподвижниковъ Мухаммада, первыхъ распространителей ислама въ Древнемъ-Мервѣ. Нѣкогда у этихъ двухъ могиль стояли ворота Дарваза Алямдаръ („Ворота знаменосцевъ“), теперь передъ ними горы песку и груды камней. Надъ прахомъ каждого изъ сподвижниковъ лежитъ сѣро-мраморная плита, испещренная куфическими надписями, огражденная высокой каменной, съ четырьмя съ каждой стороны воротами, оградой, 2 саж. и 14 верш. длины, и 1 саж. и $1\frac{1}{2}$ арш. шириной. Одна изъ этихъ оградъ лишена всякихъ украшений, другая украшена по вѣнцамъ стѣнъ (съ двухъ лицевыхъ сторонъ), въ видѣ треугольниковъ, синими и голубыми кубиками. Всѣ четверо воротъ въ каждой оградѣ заставлены деревянными решетками, что сдѣлано лишь въ недавнее время и единственно въ ви-

ду того, чтобы предохранить могилы покойниковъ отъ варварскаго расхищенія со стороны людей, падкихъ до пріобрѣтенія всякаго рода древностей. Примѣръ подобнаго хищничества подали два какіе-то путешественника англичанина, которые воспользовались свободнымъ къ могиламъ доступомъ и поотбивали на нихъ углы вмѣстѣ съ надписями на память о Древнемъ-Мервѣ.

Противъ обѣихъ могиль братьевъ знаменосцевъ возвышаются два высокихъ, съ глубокими нишами, каменныхъ фронтона, связанныхъ между собою общею аркой, но отъ времени наклонившихся въ противоположныя другъ отъ друга стороны,—правый направо, лѣвый налево. Оба эти фронтона украшены фигурами треугольниковъ и квадратовъ, состоящихъ изъ синяго, голубаго и розовато-блѣднаго цвета. Повидимому они составляли одну изъ стѣнъ цѣлаго двора, внутри которого покоялся прахъ дорогихъ мусульманамъ святыхъ: по крайней мѣрѣ, на это предположеніе наводятъ двѣ стѣны, въ обвалившемся видѣ, примыкающія непосредственно къ фронтонамъ. и одна стѣна, соединяющая первыя двѣ.

На разстояніи около двухъ верстъ къ сѣверу отъ могиль двухъ братьевъ знаменосцевъ раскинулась Султанъ-кала, имѣюща въ длину двѣ съ половиной версты и въ ширину около двухъ верстъ. Названіе этой крѣпости вызываетъ на память имя Султанъ-Санджара (+1162), изъ династіи Сельджукидовъ, господствовавшихъ въ Средней Азіи съ 1004 по 1166 годъ; этотъ ханъ оставилъ по себѣ память, какъ строитель и благодѣтель народа.

На мѣстѣ города Султанъ-Санджара, какъ и другихъ городовъ Мерва, лежатъ цѣлые горы всевозможнаго рода обрушившихся зданій, покрытыхъ собственнымъ мусоромъ и насыпнымъ пескомъ. Изъ не-

да этихъ развалинъ возвышается массивная мечеть Султанъ-Санджара, называемая у мѣстныхъ обывателей Большиою мечетью; она господствуетъ надъ всѣми развалинами отдѣльныхъ крѣпостей Древняго-Мерва и уже за много верстъ, издали бросается въ глаза всякому путешественнику. Это—почтенный памятникъ сѣдой старины, прожившій около 700 лѣтъ исторической жизни, видѣвший подъ своими сводами и простыхъ людей и могущественныхъ царей, гордо сопротивлявшійся и разрушительнымъ силамъ стихіи и губительнымъ дѣйствіямъ войнъ, а теперь уныло стояющій среди пустынной, мертвой мѣстности, оглашаемой лишь зловѣщимъ крикомъ совъ да жалобнымъ воемъ шакаловъ.

Въ общемъ мечеть Султанъ-Санджара представляетъ изъ себя совершенно правильный квадратъ, поставленный углами по сторонамъ свѣта, подъ угломъ 45°. Съ двухъ-трехъ всей высоты стѣнъ четырехъ-угольный квадратъ мечети переходитъ въ четырехъ-угольную съ пролетами, въ видѣ такъ называемыхъ итальянскихъ оконъ, каменную галлерею; по угламъ этой галлереи видны остатки четырехъ минаретовъ, нѣкогда отдѣленныхъ въ узорчатые, теперь только кое-гдѣ уцѣлѣвшіе, изразцы. Съ половины высоты галлереи поднимается вверхъ огромный, какъ бы нѣсколько придавленный, кирпичный куполъ, утвержденный на громадномъ кругломъ барабанѣ. Высота мечети 16½ сажень; длина и ширина 12 сажень и 8½ сотыхъ; толщина стѣнъ, отъ основанія (не считая фундамента), до высоты семи сажень, 2 сажени и 35 сотыхъ; до высоты галлереи—2½ сажени; цилиндрическая часть въ пятъ—4 аршина, въ ключѣ до 60 сотыхъ, высота винъ 4½ сажени, ширина—1½ сажени, углубление—80 сотыхъ. По всѣмъ четыремъ угламъ зданія сделаны кирпичныя, съ просвѣтами, на подобіе ко-

саго переплета, рѣшетчатыя колонны. По всему куполу подѣланы глухія, въ видѣ оконъ, ниши, а между каждой парой нишъ, вверху и внизу, оставлены круглые отверстія.

Особенность построенія зданія, по замѣчанію графини Уваровой, состоитъ въ томъ, что „куполъ его покоится на спарочныхъ сводахъ, исходящихъ одинъ изъ другаго и поддерживающихъ сводъ, подѣленный на нѣсколько частей перевитыми аретами, не выведенныхъ самостоятельно, какъ въ готическихъ сводахъ, но сложенныхъ отъ руки при самой кладкѣ; ключъ свода является въ видѣ правильнаго круглаго отверстія“¹⁾.

Съ наружной стороны все зданіе обложено, посредствомъ длинныхъ косыхъ угловъ, тонкими, чрезвычайно крѣпкими, превосходно обожженными кирпичиками, за которыми, внутри стѣнъ, скрываются болѣе грубой работы и нѣсколько болѣе обыкновенныхъ размѣровъ кирпичи (6+9 вершковъ), известные во всемъ краѣ подъ именемъ „санжаровскихъ“. Въ общемъ видѣ наружныя стѣны зданія, по удачному выражению Евгения Львовича Маркова, кажутся какъ бы мелко и тщательно расчерченными какимъ нибудь искусственнымъ геометромъ²⁾. Такое же впечатлѣніе производить и куполь зданія, нѣкогда силошь облицованный такими же кирпичиками и въ тѣ же длинные косые углы, но теперь сохранившій свою облицовку только въ нижнемъ поясе и вовсе лишенный ея на самой вершинѣ. Кладка кирничей сдѣлана въ нижнихъ частяхъ на цементной массѣ съ примѣсью древеснаго угля и измельченаго шлака, въ верхнихъ частяхъ — на известковомъ растворѣ.

¹⁾ Поездка въ Ташкентъ и Самаркандинъ: Русская Мысль, 1891, XII, 20.

²⁾ По Туркменіи: Русское Обозрѣніе, 1892, Іюнь, 466.

Во внутрь зданія ведутъ два прохода (съ сѣверной и южной стороны): въ самомъ центрѣ устроена огромная зала, покрытая вверху громаднымъ куполомъ: куполь этотъ держится частію собственными перекрестными ребрами, частію вставленными по всѣмъ четыремъ угламъ его желѣзными скрѣнами; въ центрѣ купола вдѣланъ былъ металлический четырехъ-угольный желтаго цвѣта ящикъ, существовавшій еще въ 1889 году по словамъ Циммермана¹⁾, но съ годомъ тому назадъ похищенный какимъ-то странствовавшимъ по Средней Азіи англичаниномъ. По преданию, въ этомъ ящикѣ заключены были золотой гребень, поясь и другія драгоценныя вещи, принадлежавшія любимой женѣ Султана-Санджара, спрятанныя султаномъ въ ящикѣ, послѣ ея смерти, и подвѣшаныя въ куполѣ мечети, построенной въ ея же воспоминаніе. Теперь на мѣстѣ ящика видно одно лишь пустое углубленіе. Въ двухъ стѣнахъ залы (восточной и западной) сдѣланы двѣ глубокія ниши, подъ одной изъ которыхъ видны остатки арабскихъ письменъ, составлявшихъ, быть можетъ, цѣлый поясокъ всей средней части зданія; амбразуры этихъ нишъ украшены арабесками превосходной лѣпной работы изъ глины; такія же арабески старинной лѣпной работы видны вверху, по внутреннимъ угламъ зданія; въ другихъ мѣстахъ зданія замѣтны остатки различныхъ стѣнныхъ украшений, сильно пострадавшихъ отъ позднейшей реставраціи мечети.

Солнечный свѣтъ проникаетъ въ зданіе посредствомъ оставленныхъ въ стѣнахъ мечети четырехъ оконъ, подъ которыми замѣтны остатки какихъ-то деревянныхъ балокъ; такія же деревянныя балки вид-

¹⁾ По Закаспійской желѣзной дорогѣ: Русская Мысль, Мартъ, 1889, 37.

вы и по самому основанию залы, что, вмѣстѣ съ карнизами по тому же основанию зданія, даетъ основаніе допустить существованіе здѣсь склепа, иѣкогда скрывавшаго главную реликвію храма, прахъ Султанъ-Санджара. Этотъ прахъ Султанъ-Санджара скрытъ среди самой залы подъ большой гробницей, реставрированной уже въ послѣднее время текинскими мусульманами и поэтому представляющей собой нечто невозможное безобразное; это—подобіе огромнаго ящика, слѣпленнаго изъ сѣрой глины и обвязаннаго кусками разноцвѣтныхъ лоскутовъ матеріи, привязанныхъ къ толстому деревянному шесту.

Общій видъ мечети сильно теряетъ отъ собственнаго мусора, завалившаго вокругъ все зданіе болѣе, чѣмъ на сажень высоты; кроме того, общему виду мечети вредятъ проломанные углы купола и подбитое основаніе его.

Въ вѣкоторомъ разстояніи отъ мечети Султанъ-Санджара показываютъ еще три мечети—Ходжи-Юсупъ-Хамедана, Имамъ-Запаръ-Садыка и Ходжи-Палванъ-Ахмета.

Первой изъ этихъ мечетей муллы даютъ 117 лѣтъ исторической жизни; она стоитъ среди небольшаго двора, на которомъ погребены три сына и погоницъ верблюдовъ св. Юсупа, а противъ сыновей, подъ особымъ мазаромъ, жена и выше нея—самъ Ходжа-Юсунъ-Хамеданъ. На куполѣ мазара надѣта шапка святаго и тутъ-же поднимается высокій шесть съ бѣлымъ флагомъ. Съ лѣвой стороны, противъ мазара, стоитъ небольшая мечеть съ незначительной нишой. Всѣ постройки мечети сдѣланы изъ сѣрой глины и не представляютъ собой ровно ничего достойнаго вниманія въ архитектурномъ отношеніи.

Второй изъ названныхъ мечетей, Имамъ-Запаръ-Садыкъ, тѣже муллы даютъ 1200 лѣтъ. Внутрен-

ность этой мечети состоитъ изъ трехъ комнатъ, изъ коихъ двѣ совсѣмъ темныя, а третья освѣщена че-резъ небольшія узкія окна; въ этой комнатѣ стоитъ гробница святаго съ мраморнымъ камнемъ надъ ней, имѣющимъ 5 четвертей длины и 1 четверть съ пятью вершками ширины. Въ другой комнатѣ лежитъ мать святаго Дурдугуль; надъ прахомъ ея положенъ мраморный камень, имѣющій $2\frac{1}{2}$ четверти длины и исписанный восточною надписью. Мечеть строилась будто-бы самимъ Запаръ-Садыкомъ при жизни.

Третьей мечети, Ходжи-Палванъ-Ахмета, даютъ около 1000 лѣтъ. Это—совсѣмъ ничтожное строеніе, состоящее изъ небольшаго дворика, среди котораго стоитъ памятникъ святаго, и двухъ крошечныхъ комнатокъ. Изъ реликвій святаго показываютъ круглый мраморный шаръ, которымъ святой будто-бы за много верстъ бросалъ то въ бухарцевъ, то въ русскихъ и который будто, истребивъ враговъ, самъ возвращался къ святому, пролетая по воздуху цѣлыхъ тысячи верстъ. Еще при жизни святаго этотъ шаръ треснулъ пополамъ, но самимъ-же святымъ вновь былъ склеенъ. Правдоподобнѣ-же будетъ сказать, что этотъ шаръ нѣкогда вѣнчалъ собой какую-нибудь колонну если не на мечети, то на какомъ—нибудь мазарѣ.

Отъ городища Султанъ-Санджара отдѣляется городище Искандеръ-кала. Оно имѣть почти двѣ версты длины и около одной версты ширины. Имя этого города вызываетъ на память имя славнаго царя, Александра Македонскаго. Что Александръ, царь Македонскій, былъ въ Древнемъ-Мервѣ и оставилъ въ немъ слѣды своего пребыванія, въ томъ убѣждаетъ насъ его историкъ, Квинтъ Курцій. По словамъ Квinta Курція, Александръ, послѣ войны съ согдіанами, переправившись черезъ рѣку Оксусъ,

прибылъ къ городу Маргию; вокругъ этого города онъ выбралъ мѣсто для построения шести (новыхъ) городовъ: двухъ съ юга и четырехъ съ востока, которые стояли не въ дальнемъ между собою разстояніи, чтобы по близости способиѣ было получать взаимную помошь. Всѣ эти города построены на высокихъ холмахъ: черезъ это они были какъ-бы узой для побѣжденныхъ народовъ¹). Въ настоящее время Искандеръ-кала—самое бѣдное изъ всѣхъ городищъ на развалинахъ Древняго-Мерва. Вышія вокругъ него стѣны обрушились, уцѣлѣли только огромные земляные валы; внутри его можно видѣть лишь груды мусора, куски черепковъ, кирпичей, камней и множество, различныхъ ямъ, можетъ быть, оставшихся отъ древнихъ жилищъ, а можетъ быть вырытыхъ въ наше время различными любителями скрытыхъ въ землѣ сокровищъ. И незначительные размѣры городища и ничтожное количество оставшихся на немъ культурныхъ пережитковъ позволяютъ принять его за городъ въ нашемъ смыслѣ слова,—скорѣе это кремль или крѣость, но никакъ не городъ. Уже древнимъ историкамъ всѣ города, основанные Александромъ Македонскимъ, казались не городами, а скорѣе лагерями, населявшимися если не гарнизонами, то инвалидами или ветеранами царя²).

Рядомъ съ городищами Султанъ-Санджаръ-калы и Искандеръ-калы раскинулось городище Гяуръ-кала, имѣющее нѣсколько болѣе двухъ верстъ длины и нѣсколько менѣе двухъ верстъ ширины. Гяуръ-кала видимо есть городъ: если не туземцевъ-язычниковъ до мусульманского периода, то безъ сомнѣнія городъ „невѣрныхъ“, т. е. христіанъ несторіанского

толка, жившихъ въ Мервѣ съ V по VIII вѣка, имѣвшихъ здѣсь собственного митрополита и шесть подвѣдомственныхъ ему епископовъ. Число христіанъ въ Средней Азіи въ то время было такъ велико, что, по словамъ известного путешественника Плано Карпини, писавшаго въ 1246 году, на всю численность Батыева войска въ 600.000 человѣкъ послѣдователей Христовой вѣры было 450.000. Тотъ-же Плано Карпини, перечисляя всѣ земли и народы, покоренные Чингизъ-ханомъ, называетъ и землю Гуйуровъ (Ниууг), которые центромъ своихъ поселеній считали городъ Мервъ. „Отдохнувъ нѣсколько (послѣ пораженія со стороны китайцевъ), Чингизъ началъ снова готовиться къ войнѣ и пошелъ въ землю Гуйуровъ (ferram Ниугогум), кои были христіяне несторіянского толка, и коихъ они также побѣдили и приняли ихъ грамоту; ибо до того не имѣли никакого письма: теперь же эту грамоту называютъ монгольскою“¹).

Городище Гяуръ-кала не имѣетъ никакихъ стѣнъ; въ замѣнъ того оно обнесено кругомъ земляными валами, составляющими характерное отличие его отъ другихъ городищъ. Въ самомъ центрѣ его есть другое городище, окруженнное со всѣхъ сторонъ каналами и составляющее, повидимому, кремль или дѣтинецъ всего города. Въ этомъ кремлѣ имѣется особая вышка, называемая Эрке-Тепе, на которой видны развалины какого-то зданія, сложенного изъ сырцовыхъ плитъ. Все пространство городища Гяуръ-калы покрыто въ настоящее время множествомъ земляныхъ возвышений и усыпано массою разноцвѣтныхъ черепковъ, оставшихся отъ разбитой посуды и свидѣтельствующихъ о высокомъ развитіи керамическихъ издѣлій у бывшихъ обитателей Гяуръ-калы.

¹⁾ Quinti Curtii Rufi. De rebus Alexandri Magni, Lipsiae, MDCCXLV, 422.

²⁾ Appiанъ. Походы Александра, IV, 4, 1.

¹⁾ Собрание путешествій къ татарамъ, С.-Петербургъ, 1828, 47, 129.

Помимо мечетей, домовъ, памятниковъ и другихъ остатковъ старины на мѣстѣ Древняго-Мерва, почти въ каждомъ изъ его городицъ можно видѣть еще особыя зданія, бросающіяся въ глаза оригинальностю своей постройки и не сразу понятнымъ для многихъ назначеніемъ. Это круглыя, иногда куполообразныя, иногда конусовидныя или пирамидальныя башни, съ однимъ, въ видѣ дверей входомъ, съ тремя, при самой землѣ, на подобіе узкихъ оконъ, отверстіями и съ глубокимъ, уходящимъ въ землю, подваломъ. Башни эти ни больше, ни меньше какъ холодильники: они устроены для скопленія въ нихъ дождевой воды (но не льда), всегда составлявшей и составляющей безцѣнную влагу въ жаркомъ климатѣ Средней Азіи. Простекая по поверхности земли, вода эта попадала въ глубокіе и крытые холодильники, хорошо въ нихъ отстаивалась, никогда не портилась и всегда оставалась холодною. Что это не были ледники для льда, какъ думаютъ нѣкоторые, а именно холодильники для воды, это видно изъ того, что всѣ ихъ отверстія всегда оставались открытыми для свободного прохожденія черезъ нихъ воды, чего никакъ нельзя допустить въ помѣщеніяхъ, предназначаемыхъ для храненія льда.

Изъ другихъ примѣчательностей Древняго-Мерва достойны вниманія еще многочисленные курганы, разбросанные вокругъ города, и одинъ огромный валъ, Гиякимъ-Чильбуртъ, замыкающій развалины съ сѣверной стороны.

Въ 65 верстахъ отъ станціи Байрамъ-Али, вверхъ по рѣкѣ Мургабу, въ такъ называемомъ Мургабскомъ Государевомъ имѣніи, можно видѣть мѣсто знаменитой Султанъ-бентской плотины (слово „бентъ“ значитъ „плотина“), а въ 35 верстахъ отъ этой плотины, вверхъ по тому же Мургабу, можно найти разва-

лины шести небольшихъ мечетей и небольшаго окондо нихъ кладбища на мѣстѣ города Аулія-баба-Камбаръ, слуги Алія.

Первая изъ мечетей имѣеть 6 сажень длины, 11 сажень ширины и состоитъ изъ пяти отдѣленій,— двухъ въ срединѣ и трехъ съ лѣвой стороны; въ первомъ отдѣленіи сдѣланы двѣ сквозныя арки, во второмъ одна сквозная; она отдѣлана внутри большими кирпичами, снаружи окраинными красной краской, имѣеть на верху небольшой куполь, внизу подземный ходъ и одну лѣстницу для подъема на минаретъ; кладка мечети состоитъ частію изъ глины, частію изъ известіи. Кирпичъ имѣеть размѣръ 6+6 и 9+9 верниковъ. Подъ сводами этой мечети хранятся скелеты людей и огромные глиняные кувшины при нихъ.

Вторая мечеть имѣеть 4 сажени длины и столько же ширины; устройство ея почти одинаково съ первой; разница состоитъ лишь въ небольшихъ кирпичныхъ колонкахъ, сдѣланныхъ по угламъ мечети, въ небольшой нишѣ внутри и кое-какихъ арабесокъ, уцѣлѣвшихъ подъ сводомъ ея.

Третья и четвертая мечети имѣютъ тѣ же размѣры, что и вторая (4 : 4), но отличаются отъ нея болѣе простой отдѣлкой и меньшей высотой. Онѣ стоятъ нѣсколько въ сторонѣ отъ первыхъ двухъ, но зато гораздо лучше ихъ сохранились.

На развалинахъ Аулія-Камбаръ имѣются еще двѣ небольшихъ мечети, но онѣ совсѣмъ почти развалились и потому не могутъ подлежать даже самому поверхности описанію.

Касательно мѣстности вдоль рѣки Мургаба нужно замѣтить вообще, что оба берега этой рѣки въ древности были очень густо заселены и потому въ настоящее время очень густо покрыты различнаго рода развалинами отъ большихъ городовъ и малыхъ селеній.

И это немудрено: близость большого города, обилие воды, богатство травы, лесной поросли, степной дичи — все это привлекало человѣка къ рѣкѣ Мургабу и ся прекрасной долинѣ. Здѣсь же и любитель природы могъ найти прелестный уголокъ для своихъ завѣтныхъ думъ и возвышенныхъ мечтаній. Такими уголками могутъ служить два порога рѣки, находящіеся на двѣ версты выше развалинъ Аулія-баба-Камбара.

Изъ этихъ пороговъ верхній, Чохъ-Локъ, имѣеть до двухъ саженей паденія и существуетъ искони вѣковъ, потому что основаніемъ его служить твердый, не поддающійся дѣйствію воды, грунтъ, перекающій рѣку поперекъ ея теченія. Вода, падающая съ двухъ-саженной высоты внизъ, производить шумъ, слышный уже далеко не доходя до порога. Въ пустынной и безлюдной мѣстности этотъ шумъ — ни съ чѣмъ не сравнимая и ничѣмъ незамѣнимая музыка, ласкающая слухъ, питающая воображеніе и возвышающая душу человѣка....

III.

Песчаная пустыня отъ станціи Равнины до Чарджуя; городъ Чарджуй и его краткая исторія; рѣка Аму-Дарья и значеніе ея имени; рассказъ Арриана о переправѣ черезъ Аму-Дарью царя Александра Македонскаго; деревянный мостъ черезъ Аму-Дарью; область древней Согдіаны; Бухара и значеніе ея названія; сѣльськіе народностей въ Бухарѣ; краткая исторія ея; болѣзнь ришта, ея зарожденіе и лѣченіе.

Удаляясь отъ станціи Байрамъ-Али и развалинъ Древняго-Мерза, поѣздъ постепенно оставляетъ мѣста обильныя водой и зеленью и постепенно вновь входитъ въ безводную и песчаную пустыню, страшно удручающую своимъ видомъ даже самаго равнодушнаго ко всему путешественника. Эта пустыня начинается отъ станціи Равнины и тянется на протяженіи 134 верстъ черезъ Учъ-Аджи, Пески, Репетекъ, Кара-кую и Барханы, не доходя одиннадцати верстъ до станціи Чарджуя. Особенно безотрадное впечатлѣніе производить шестая по счету отъ Байрамъ-Али станція Репетекъ (правильнѣе Рапатакъ отъ персидскихъ словъ „Ра“ — дорога и „патақъ“ — холстъ), стоящая среди зыбучихъ песковъ, всхолмленная песчаными буграми, называемыми здѣсь барханами. Барханы эти наносятся время отъ времени вѣтрами, которые такъ часто существуютъ въ обнаженной пустынѣ, въ однихъ мѣстахъ выкручивая огромныя ложбинны, за то въ другихъ мѣстахъ нанося цѣлые горы песку. Впрочемъ, и барханы все же отрадныѣ, чѣмъ ровныя песчаныя пространства: на нихъ есть, по

крайней мѣрѣ, чахлыя растенія—джиръ, колючникъ, гребеницъ и всего чаше саксауль, достигающій здѣсь высоты всадника и толщины 3 вершковъ (въ горахъ до 25¹/₂ футовъ высоты и до 1¹/₂ фута толщины).

Но вотъ поѣздъ оставилъ пески и приблизился къ станціи Чарджую, получившей свое название отъ персидскихъ словъ: „чар“ сокращенное изъ „чахар“—четыре и „джуй“—рукавъ (отсюда Чарджуй—городъ у четырехъ рукавовъ рѣки). Чарджуй раскинулся среди обворожительной и цвѣтущей мѣстности. Уставшій сидѣть пассажиръ выходитъ на платформу и вдыхаетъ въ себя полною грудью пріятный, освѣжаемый зеленою деревьевъ и проточною водою, воздухъ.

Въ исторіи Средней Азіи Чарджуй не игралъ такой выдающейся роли, какъ другіе большие города, но все-же одно время, а именно въ 705 году по Р. Х., онъ видѣлъ въ своихъ стѣнахъ знаменитаго арабскаго завоевателя, Кутайбу-бинъ-Муслима, возвращавшагося послѣ покоренія Балха въ Мервъ. Гораздо позже означеннаго времени, а именно въ 1513 году, Шейбанидъ, Обайдуллахъ-ханъ, воюя съ персидскимъ визиремъ Шахъ-Измайломъ, перешель рѣку Аму-Дарью у Чарджуя и, соединившись по томъ со своими союзниками, бросился на городъ Мешхедъ. Въ 1527 году тотъ-же Обайдуллахъ-ханъ отъ Чарджуя вновь ходилъ походомъ на Мешхедъ и одновременно съ тѣмъ на городъ Мервъ; походъ его окончился страшнымъ разореніемъ обоихъ городовъ. Въ 1740 году бухарскій ханъ Абульфаизъ уступилъ городъ Чарджуй, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими городами Цисоксанской области, знаменитому персидскому царю Шахъ-Надиру, и тѣмъ положилъ конецъ династии Аштарханидовъ въ Трансоксанії¹).

¹) Вамбери. Исторія Бухары, С.-Петербургъ, 1873, I, 26; II, 36, 38, 110, 111.

Изъ Чарджуя одинъ перѣездъ,—и тутъ открывается передъ взоромъ путешественника известная и прославленная въ древнемъ мірѣ рѣка Оксусъ или Оксъ, теперь Аму-Дарья, получившая второе свое название отъ двухъ словъ, заимствованныхъ у двухъ различныхъ народовъ: турецкаго „Аму“—рѣка и таджикскаго или иранскаго „Дарья“—рѣка, отсюда Аму-Дарья значить Рѣка-Рѣка²). Впрочемъ, название рѣки объясняютъ и такъ, что Аму съ китайскаго на русскій значитъ „хлѣбъ“; отсюда Аму-Дарья значитъ Рѣка хлѣба, кормилица³). По словамъ известнаго русскаго ориенталиста В. В. Григорьева, Аму-Дарья носила у различныхъ древнихъ народовъ различные названія: у грековъ Оксусъ и Бактра, у китайцевъ Гуй-Хе, у аравитянъ Джейхунъ, у персіянъ Рудъ-Хане и Аму рѣка⁴).

Въ настоящее время Аму-Дарья очень широкая (2¹/₂ версты), очень глубокая (иногда свыше 3 саж. глубины) и страшно быстрая рѣка; по быстротѣ ея течения съ ней не могутъ сравняться ни Днѣпръ, ни Волга, ни Нева, ни Сѣверная Двина, ни даже Дунай, кромѣ, можетъ быть, одного Днѣстра; эта рѣка не течетъ, а какъ будто рвется впередъ. Вмѣстѣ съ водой она несетъ массу различныхъ корней, множество прутьевъ, вѣтвей, камыша, травы. Вода въ ней на видъ совсѣмъ желто-глинистая, но на вкусъ, послѣ отстоя, необыкновенно пріятная. Берега ея покрыты невѣроятно высокимъ камышемъ и всякою рода растительностью, въ которой скрываются, особенно близъ устья рѣки, постоянные обитатели ея страш-

¹) Вамбери. Исторія Бухары, С.-Петербургъ, 1873, I, 13.

²) Исторія первыхъ четырехъ хановъ изъ дома Чингизъ-ханова, переводъ Іакинова, С.-Петербургъ, 1829, 357.

³) Исторія монголовъ, переводъ съ персидскаго, С.-Петербургъ, 1834, 128.

ные тигры (по туземному джюль-барсы), дикие кабаны и въчно голодные и оттого въчно воюющіе шакалы; нѣдра ся обилуютъ невѣроятнымъ количествомъ рыбы, продаваемой здѣсь за баснословно дешевую цѣну.

Рѣка Оксусъ или Аму-Дарья уже древнимъ классическимъ писателямъ казалась величайшю и необыкновенно быстрою изъ всѣхъ известныхъ имъ азиатскихъ рѣкъ: „Переправиться черезъ эту рѣку, пишетъ во II вѣкѣ по Р. Х. Арріанъ Флавій, не было никакого средства (для Александра Македонскаго): ширину она была въ шесть стадій; песчаное дно ся было еще глубже; теченіе столь быстрое, что сваи невозможно было утвердить въ ней; не было лѣса для сооруженія мостовъ, а привозка ихъ издалека потребовала бы много времени; тогда прибѣгли къ такому средству: наполнили соломою и сухими виноградными лозами кожи, изъ которыхъ дѣлались палатки для воиновъ; сшили ихъ такъ крѣпко, чтобы въ нихъ не могла проникать вода; связали вмѣстѣ, и потомъ войско перешло рѣку въ пять дней“¹⁾.

Аму-Дарья падаетъ въ Аральское море, но древніе классические писатели, какъ напримѣръ, Арріанъ Флавій, Птоломей, Квинтъ Курлій и другіе²⁾ заставляютъ ее впадать въ Каспійское море. Въ настоящее время по этому вопросу составилась цѣлая литература изслѣдователей, изъ коихъ одни отвергаютъ свидѣтельство древнихъ, другіе принимаютъ его, считая старымъ русломъ рѣки Аму-Дары русло такъ называемаго Узбоя³⁾.

1) Арріанъ Флавій. Походы Александра, С.-Пет. 1837, 459, 635.

2) Походы Александра, 459; Quinti Curtii Rufi. De rebus Alexandri magni, Lipsiae MDCCXLV, 154.

3) Чайковский, Мейеръ, Григорьевъ, Бутаковъ, Лессаръ и другіе.

За решеніе этого вопроса должны взяться люди не военного званія, а люди науки: историки, геологи, химики и археологи. Задача геологовъ должна состоять въ изслѣдованіи почвы ложа Узбоя, задача послѣднихъ должна состоять въ томъ, чтобы осмотрѣть берега его и установить отсутствіе или присутствіе на нихъ городицъ. Присутствіе древнѣйшихъ городицъ по берегамъ Узбоя едва ли не лучшимъ будетъ доказательствомъ того, былъ ли Узбой въ отдаленныя отъ насъ времена случайной водомоиной или же представлять изъ себя прѣсноводную рѣку, привлекавшую къ себѣ, и людей и животныхъ, поившей ихъ своими водами и доставлявшей имъ вкусную рыбу и сочныя травы.

Черезъ Аму-Дарью устроено въ настоящее время, на протяженіи двухъ съ половиной верстъ, деревянный мостъ, весьма сомнительного устоя и весьма сомнительной крѣпости. Поѣздъ при движеніи черезъ этотъ мостъ идетъ все время самымъ тихимъ ходомъ; ему предшествуетъ впереди оберъ-кондукторъ съ краснымъ флагомъ въ рукахъ, готовый каждую минуту остановить поѣздъ. Мостъ, даже и при самомъ тихомъ ходѣ поѣзда, и дрожитъ и скрипитъ, и слегка раскачивается. Пріятное ощущеніе въ то время испытываетъ пассажиръ!.... Среди самого моста, у праваго перила, стоитъ доска и на той доскѣ начертана надпись: „998 верстъ“, — это разстояніе отъ Узунъ-ада до Аму-Дарьи.

Отъ рѣки Аму-Дары поѣздъ вступаетъ въ древнюю область Согдіану, простиравшуюся отъ праваго берега Окса до лѣваго берега Йксарта⁴⁾. Эта Согдіа-

4) Quinti Curtii Rufi. De rebus Alexandri Magni, Lipsiae, MDCCXLV, карта III.

на составляла только часть Трансоксаніи, соприкасавшейся на западѣ съ Міанкалемъ, на югѣ съ Кешемъ, на сѣверѣ съ Осрунной и на востокѣ съ самымъ западнымъ отрогомъ Тянъ-Шаня. Столицей этой Согдіаны былъ сперва городъ Самаркандъ, потомъ со временеми знаменитаго Самавида, эмиръ-Измаила (въ IX вѣкѣ), городъ Бухара, но послѣ Бухары, со временеми Тимура (въ XIV вѣкѣ) снова Самаркандъ.

Переѣхавъ рѣку Аму-Дарью, путешественникъ вновь вступаетъ, на короткое время, въ кесчаную и голодную пустыню; она начинается на третьей верстѣ отъ первой послѣ Аму-Дарьи станціи Фараба, идетъ черезъ весь перегонъ вѣкогда бывшаго, теперь совершившо засыпанного пескомъ, города Ходжа-Давлета и оканчивается на половинѣ перегона (9-й верстѣ) между Ходжа-Давлетомъ и Кара-кулемъ. Станція Каракуль (съ тюркскаго на русскій Черное озеро) достойна вниманія въ томъ отношеніи, чтобы видѣть, какъ здѣсь постепенно надвигаются пески на плодородную долину и какъ они, также постепенно, заносятъ себѣ прекрасную зелень травъ и засыпаютъ канавы съ чистою проточною водой. Природа борется здѣсь съ человѣкомъ, и пока побѣда остается на сторонѣ первой.

Пройдя два перегона отъ Каракуля, поѣздъ останавливается у станціи Бухары, получившей свое название, по однимъ, отъ монгольскаго слова „бухар“ — монастырь, по другимъ, отъ турецкаго слова „бухар“ — заброшенныя поля²⁾.

У станціи Бухары пассажиръ обязательно выхо-

²⁾ Вайбери. Исторія Бухары, С.-Петербургъ 1873, I, 15; Исторіи первыхъ четырехъ хановъ дома Чингисова, пер. Такиновъ, С.-Петербургъ 1829; указатель на букву Б.

дить изъ вагона и бросается на платформу. Тутъ прежде всего онъ поражается необыкновеннымъ разнообразiemъ собравшейся массы народа. Кого здѣсь нѣть! Вотъ гдѣ имѣю смѣсь „одеждъ, илеменъ, нарѣчій, состояній“! Тутъ и узбеки, тутъ и киргизы и каракалиаки, тутъ и таджики, и аравитяне, и персы, и евреи, и цыгане; тутъ-же между всѣми этими народами кое-гдѣ мелькаютъ и русскіе: послѣдніе теряются здѣсь, какъ капля прѣсной воды въ соленомъ океанѣ. А костюмы? А пестрота этихъ костюмовъ! Чего только здѣсь нѣть? Халаты бумажные разныхъ цветовъ: золотистаго, шоколаднаго, малиноваго, коричневаго, синяго, бѣлаго съ чернымъ, желтаго съ голубымъ или кирпичнымъ; халаты шелковые такихъ-же разнообразныхъ цветовъ; башметы, кафтаны, тюрбаны, тюбетейки, широчайшиe кушаки; разноцвѣтныя шаровары; съ кускомъ сафьяна назади, но безъ каблуковъ, зато непремѣнно даже въ сухое и жаркое время съ калошами или ичагами, сапоги. Но всего интереснѣе шапки: какихъ только здѣсь нѣть формъ и покроевъ! Есть совершенно островерхія, коническая, но съ вершиной тонше и острѣе сахарной головы, безъ полей; есть такія-же островерхія, но съ полями обшитыми черной тесьмой и завернутыми кверху; есть съ тупой вершиной и съ полями, опущенными, въ видѣ козырька, на лбу и приподнятыми на затылкѣ; есть шапки со срѣзанной вершиной и съ совершенно ровными стѣнками, внизу слегка отороченными какимъ-то мехомъ, въ общемъ напоминающія собой кухонныя кострюли или, еще лучше, тѣ глиняныя формы, въ которыхъ въ Малороссіи пекутъ пасхи, а въ Великороссіи бабы; а есть шапки совершенно грибоподобныя, невѣроятной величины и потому невѣроятнаго эффекта: тогда какъ первыя всѣ сдѣланы большую частью изъ войлока, послѣднія потребовала

пѣльного смушка барана,—выходить человѣкъ подъ бараныимъ колпакомъ. Вотъ здѣсь-то именно можно видѣть въ натурѣ ту самую шапку (если кто интересуется формой ея), которая такъ часто встрѣчается на фигурахъ такъ называемыхъ каменныхъ бабъ, особенно распространенныхъ въ нашемъ Новороссийскомъ краѣ.

О Бухарѣ, ея жителяхъ, естественныхъ богатствахъ, торговлѣ и промыслахъ много писано у насъ¹⁾), а потому, отсылая людей любознательныхъ къ трудамъ специалистовъ, такъ или иначе касавшихся бухарского ханства, мы сдѣлаемъ лишь самый краткій очеркъ Бухары, на сколько она известна намъ изъ лучшихъ источниковъ.

По преданию, первоначальными насељниками Бухары были выходцы изъ Туркестана; появившись здѣсь съ незапамятныхъ временъ и основавъ цѣлый рядъ поселеній со столицей Бейкундомъ во главѣ, они выбрали себѣ какого-то князя Аберци. Но найдя въ первомъ своемъ властелинѣ не защитника и милостивца, а тирана и притѣснителя, одни изъ переселенцевъ бѣжали въ сѣверную страну турокъ и основали тамъ городъ Джемкентъ, а другіе остались на мѣстѣ, но подняли восстание, призвали къ себѣ турецкаго царевича Ширкасера и съ его помощью умертвили собственнаго князя. Этимъ данъ былъ поводъ туркамъ вторгнуться въ бухарскія владѣнія, распространить здѣсь свое влияніе и положить начало турецкому periodu въ исторіи бухарскаго ханства, отъ VI по VII вѣкъ. Въ этотъ periodъ времени особенно прославилась знаменитая царица Хатунъ, прекрасная,

мудрая, справедливая, милостивая, храбрая и воинственная, нравившая страной за малолѣтствомъ своего сына. Periodъ турецкаго владычества смѣнился periodомъ арабскимъ съ VII по IX вѣкъ; въ это время прославились знаменитые полководцы Сайдъ-бинъ-Османъ, Могаллабъ и Кутайба; въ это-же время пустила корни и распространилась въ Бухарѣ вѣра Магомета. Periodъ арабской смѣнился periodомъ саманидскими (873—1004). Саманиды возвысились въ странѣ еще при арабахъ; одинъ изъ лучшихъ представителей этой династіи, Измаиль-ханъ, первый избралъ своей резиденціей городъ Бухару, вмѣсто бывшей до его времени столицы Самарканда. Съ паденіемъ послѣдняго Саманида, Бухара досталась туркамъ изъ племени югуры, и тогда наступилъ новый periodъ турецкій (1004—1133). Господствующей династіей этого periodа была династія Сельджуковъ. Изъ этой династіи, кроме самого Сельджука, прославили себя знаменитые полководцы братья Тогрулъ и Чакаръ, племянникъ ихъ Алиъ-Арасланъ, пѣвшій византійскаго императора Романа и сдѣлавшій своею резиденціей вмѣсто Бухары городъ Нишапуръ: въ особности-же сынъ Араслана, Мелишахъ, при которомъ могущество Сельджуковъ достигло высшей точки въ бухарскомъ царствѣ. Послѣ непродолжительного господства въ Бухарѣ хорезмійскаго (хивинскаго) хана Мухаммадъ-Кутбединъ (съ 1209 г.), въ Бухарѣ наступилъ продолжительный монгольский periodъ (1220—1500), во время которого управляли страной сперва Чингизиды (1226—1363) и въ слѣдь за ними Тимуриды (1405—1500), родоначальникъ которыхъ знаменитый Тимуръ сдѣлать своей столицей вмѣсто Бухары городъ Самаркандъ. Монгольский periodъ смѣнился узбекскимъ (1500—1784), во время которого верховная власть находилась сперва

1) Вамбери, Бориса, Пашино, Макшеева, Залѣсовы, Гельмерсена, Ханыкова, Татаринова, Попова, Небольсина, Бутирина, Шубинскаго и др.

въ рукахъ Шейбанидовъ (1500—1597), выдвинувшихъ изъ себя знаменитаго „строителя, завоевателя и народнаго благодѣтеля“ Абдулла-хана (XVI в.), а по-тому въ рукахъ Аштарханидовъ (1597—1787). На-конецъ съ 1784 года и по настоящее время является династія Мангыта, въ лицѣ первого эмира Маасума, устранившаго отъ власти Абуль-Гази, послѣдняго Аштарханида¹⁾.

Оставляя Бухару, скажемъ, въ видѣ совѣта путеше-щеннiku, относительно такъ называемой ришты, которая преимущественно распространена въ Бухарѣ. Риштой называется особаго рода червь или глистъ (мидійская филарія, *philaria midiensis*), который заводится подъ кожей человѣка и достигаетъ иногда, какъ говорятъ, до полу-аршинна и даже болѣе длины. Ришта получается человѣкомъ, въ видѣ яичекъ (дафніи), вмѣстѣ съ водой, которую онъ пьетъ изъ стоячихъ водоемовъ или заброшенныхъ арыковъ; изъ желудка яички, путемъ разноса крови, попадаютъ подъ кожу и подъ кожей уже развиваются въ червяковъ. Дос-тигши полной зрѣлости, они производятъ страшный зудъ въ тѣлѣ человѣка, потомъ прорываются кожу и чрезъ отверстіе высовываютъ наружу свою блова-тую головку. Тогда, чтобы извлечь ришту изъ-подъ кожи, конецъ ея схватываютъ щипчиками и потомъ постепенно и съ болѣшюю осторожностью наматыва-ютъ червя на палочку, пока совсѣмъ не извлекутъ его изъ-подъ кожи человѣка. Все искусство въ этомъ случаѣ состоять въ томъ, чтобы не прервать попо-ламъ червя, иначе оставшаяся часть его подъ кожей неимовѣрно быстро размножается и производить въ разныхъ мѣстахъ тѣла человѣка, опухоли, что вызы-

васть у него ломъ въ костяхъ, сильную лихорадку и другія страданія, которыя могутъ прекратиться только послѣ разрѣза опухоли. Вирочемъ, бухарскіе туземцы такъ привыкли къ этой риштѣ (исключая, какъ говорятъ, даже и самого эмира), что почти каждый изъ нихъ много разъ на своеъ вѣку выни-малъ ее изъ-подъ собственной кожи: сидѣть гдѣ-ни-будь среди базара и прехладнокровно наматывать на палку своего мучителя-паразита. Единственное средство избавиться отъ ришты не пить неочищен-ной или, еще лучше, сырой воды въ Бухарѣ.

¹⁾ Вамберг. Исторія Бухары, С.-Петербургъ 1873.

IV.

Городъ Самарканда, краткая исторія его, Самарканда въ эпоху Тимура по персидскимъ источникамъ, знаменитые дворцы, мечети и мавзолеи Самарканда: пріемный дворецъ Тимура, мечети--Тилля-кари, Улугъ-бекъ, Ширъ-даръ, Биби-ханымъ, Шахъ-зинда, Ходжа-Ахраръ, Намазга, мавзолей Гурт-эміръ, могила Дањлра, лагерь Тимура, развалины Афросіаба.

Отъ Бухары поѣздъ идетъ большею частью по живописной мѣстности, освѣжаемой изумрудной зеленою и чистой водой; пройдя девять станцій, онъ останавливается у десятой, города Самарканда. Здѣсь путешественникъ совсѣмъ выходитъ изъ вагона, потому что дальше Самарканда желѣзной дороги совсѣмъ нѣтъ.

Самарканда стоитъ въ долинѣ рѣки Заравшана (Заравшанъ—персидское слово:—„зарь“—золото и „авшан“—разносить, отсюда Заравшанъ значитъ Златоносная рѣка), вытекающаго изъ ледниковъ горнаго перевала Мура и впадающаго въ озеро Ценгизъ. Это одинъ изъ самыхъ древнѣйшихъ городовъ во всей Средней Азіи. Основаніе его восточные историки приписываютъ то персидскому царю Кайкаусу (будто бы за 3000 лѣтъ до Р. Х.), то Александру Дзулькарнайи, т. е. Александру, царю македонскому (IV вѣка до Р. Х.), а народное преданіе—царю Афросіабу, жившему будто бы за 4000 лѣтъ до

Р.Х.¹⁾ Сколько помнить достовѣрна исторія, Самарканда назывался у грековъ Маракандомъ, у китайцевъ Семасыганемъ²⁾. Слово „Маракандъ“ одни переводятъ словами „Городъ священнаго огня“ отъ „Меру“—священный и „кент“—городъ³⁾; другіе переводятъ словами „Продвѣтающій городъ“⁴⁾. Историкъ Арріанъ, описывая Самарканда, говоритъ, что этотъ городъ былъ столицей всей Согдіаны и что онъ первый увидѣлъ въ своихъ стѣнахъ македонскаго царя, Александра, послѣ переправы его черезъ рѣку Оксусъ⁵⁾. А Квинтъ Курцій сообщаетъ, что Маракандъ обнесенъ, былъ стѣною въ 70 стадій длины и имѣть въ центрѣ свою кремль, огражденный отъ города особой стѣной⁶⁾.

Фактическая исторія города Самарканда начинается въ IV вѣкѣ до Р. Х. Въ IV вѣкѣ онъ завоеванъ былъ царемъ Александромъ Македонскимъ; съ VII по самый конецъ IX вѣка по Р. Х. онъ находился во власти арабовъ; по словамъ арабскихъ географовъ Якута и Казвинія, онъ завоеванъ былъ (въ 643 году) правителемъ арабской провинціи Ямена, Шамаромъ, отъ которого будто бы съ тѣхъ поръ получиль прозваніе Шамарканда или, по теперешнему произнапенію, Самарканда⁷⁾. Въ IX вѣкѣ (съ 889—1004) Самарканда былъ столицею той обширной и богатой области, которая лежала между рѣ-

1) Труды восточного отдѣла археологического общества, 1855, I, 32.

2) Исторія хановъ дома Чингісова, пер. Іакинова, С.-Пет. 1829, 374.

3) Русскія древности Толстаго и Кондакова, С.-Петербургъ, 1890, III, 45.

4) Исторія первыхъ 4-хъ хановъ, переводъ Іакинова, 1829, 374.

5) Арріанъ. Походы Александра, С.-Петербургъ, 1837, 461, 473—465.

6) О дѣяніяхъ Александра Македонскаго, VII, 6, 10.

7) Труды восточного отдѣла археологического общества, 1855, I, 32.

ками Аму-Дарьей и Сыръ-Дарьей съ ихъ притоками и которая именовалась Мауреннагромъ или Трансоксаніей. Въ XI вѣкѣ Самаркандъ сдѣлался удѣломъ Сельджукидовъ; въ это-же время онъ видѣлъ кратко-временное возвышеніе въ странѣ иранской династіи хорезмитовъ, Съ XIII вѣка (1221) Самаркандъ, несмотря на крѣпкія стѣны, высокіе бастіоны и глубокіе, наполненные водой рвы, несмотря на мужественную защиту его со стороны ста-десяти тысячнаго войска, сдѣлался добычею великаго завоевателя монгольскаго, Чингизъ-хана¹). Съ XIV вѣка (1369) онъ сталъ столицею великаго Тимура, украсившаго Самаркандъ мечетями, прекрасными монументами, загородими садами и замками; въ 1499 году Самаркандъ былъ взятъ, подъ предводительствомъ Шейбани-хана, узбеками. Шейбаниды предпочли Самарканду Бухару и перенесли въ нее свою резиденцію. Въ 1784 году Самаркандъ сдѣлался достояніемъ бухарской династіи Мангытъ, и послѣдній ханъ кокандскаго ханства, Худаяръ, чтобы быть ближе къ своему покровителю, бухарскому эмиру, сдѣлалъ Самаркандъ своею столицею; наконецъ въ 1868 году, 2 мая, Самаркандъ достался во владѣніе русскимъ²).

Такимъ образомъ имя Самарканда тѣсно связано съ исторіей всей Средней Азіей; до возвышенія Саманидовъ это былъ величайшій городъ во всей Трансоксаніи, а со временеми Тимура это была, по словамъ восточныхъ писателей, великколѣпнѣйшая, богатѣйшая, прелестнѣйшая и роскошнѣйшая резиденція всѣхъ Тимуридовъ и ближайшихъ хановъ Шей-

¹⁾ Рашидъ-Эддинъ. Исторія монголовъ: Труды восточн. отдѣленія, 1888, XV, 56.

²⁾ У гр. Уваровой ошибочно сказано, что Самаркандъ взятъ русскими въ 1876 году.

банидовъ. Обилие воды, роскошная растительность, здоровый воздухъ, неисчислимая сокровища, чудные дворцы, мечети и мадрасы—все это вмѣстѣ дѣлали Самаркандъ въ высшей степени привлекательнымъ городомъ. Оттого на языкѣ мусульманскихъ писателей онъ назывался „эдемомъ древняго востока, драгоцѣнной жемчужиной восточно-магометанскаго мира, фокусомъ всего земнаго шара“¹).

Каковъ былъ городъ Самаркандъ въ отдаленные отъ насъ времена, мы обѣ этомъ мало знаемъ; но что онъ представлялъ изъ себя во времена болѣе близкія къ намъ, въ вѣкъ Тимура, мы на этотъ счетъ имѣемъ болѣе или менѣе подробныя описанія какъ у западныхъ путешественниковъ²), такъ и у восточныхъ историковъ.

Городъ Самаркандъ состоялъ собственно изъ арки и калы, т. е. цитадели и кремля, и обширнаго предмѣстія, раскинувшагося вокругъ центра. Размѣры его превосходили размѣры города Севильи, какъ въ томъ увѣряютъ настѣ послы кастильскаго короля Генриха III, бывшіе въ 1403 году въ столицѣ Тимура; число жителей его восходило до 150,000 человѣкъ, какъ о томъ свидѣтельствуетъ Гонзальдъ Клавихо; они жили не только въ домахъ города, но ютились и подъ тѣнью деревьевъ и въ глубокихъ лещадахъ окрестностей. Больше всего городъ поражалъ своими великолѣпными обширными загородными садами (багъ) и воздвигнутыми среди нихъ замками и роскошными дворцами (касръ). Такихъ садовъ въ эпоху Тимура современники знали въ Самаркандѣ пять: Баги-Бегиштъ, Баги-Дилхушъ, Баги-Шималь, Баги-Чинаръ и Баги-Нау.

¹⁾ Нéographie d' Aboulfeda, Paris, 1848, II, 224.

²⁾ Путешествія Марко Поло, Москва, 1863, 125.

Баги-Бегиштъ построенъ былъ въ 1377 году по слѣдующему поводу: Тимуръ женился на принцессѣ Туманъ-ака, дочери эмира Мусы; онъ питалъ къ ей страстную любовь и ни въ чёмъ ей не отказывалъ; по ея просьбѣ, онъ украсилъ городъ Самаркандъ нѣсколькими чудесными монументами и, между прочимъ, приказалъ выстроить загородній дворецъ, къ западу отъ столицы; съ этою цѣлью онъ велѣлъ уничтожить двѣ надцать садовъ, которые были построены раньше его времени, на подобіе 12 знаковъ зодіака, для того, чтобы превратить ихъ въ одинъ большой садъ. Въ этомъ саду онъ приказалъ воздвигнуть превосходный дворецъ и украсить его всевозможной отдѣлкой и роскошью. Дворецъ этотъ производилъ такое впечатлѣніе великолѣпія и роскоши, что современники долго не могли придумать ему соответствующаго названія, но потомъ назвали его Баги-Бегиштъ, что значитъ „Райскій садъ“.

Баги-Дилхушъ построенъ Тимуромъ въ 1396 году, въ виду женитьбы его на дочери монгольского царя, Тукель-ханымъ. Осенью названаго года Тимуръ приказалъ развести въ концѣ прекрасной равнины Канигель садъ, красота котораго превосходила бы красоты всѣхъ садовъ, до сихъ поръ существовавшихъ во всей имперіи Тимура. Астрологи выбрали часъ, въ который рабочіе должны были приступить къ разбивкѣ сада; инженеры начертали планъ, чтобы обозначить въ немъ аллеи и куртины; каменщики приготовили свои снасти, а художники собирались украсить строящейся дворецъ небывалымъ великолѣпіемъ. Самые искусные азіатскіе архитекторы, жившіе въ Самаркандѣ, обвели фундаментомъ большой квадратъ, каждая сторона котораго имѣла 1500 шаговъ, и въ серединѣ каждой изъ этихъ сторонъ оставили по одной, необыкновенной высоты, двери; плафоны дворца украшены были

многочисленными лампами, мозаичными и скульптурными украшеніями; стѣны были обиты каишанскимъ (кашан) фарфоромъ. Въ каждомъ изъ четырехъ угловъ этого сада былъ выстроенъ высокій павильонъ, отдѣланный такимъ же фарфоромъ съ замѣчательно изящными деталями, поражавшими зрителей своей великолѣпій отдѣлкой. Земля въ саду была распланирована удивительно симметрично на аллеи, четырехъ-угольники и на маленькие фруктовые сады различныхъ формъ; вдоль аллей были разсажены сикоморы, а противъ входовъ каждой изъ сторонъ — фруктовыя и цветочныя деревья. Когда садъ былъ оконченъ, то Тимуръ приказалъ назвать его именемъ Баги-Дильхушъ, т. е. Садъ увеселенія. По срединѣ этого сада былъ выстроенъ трехъ-этажный дворецъ. Дворецъ этотъ художники украсили всѣми красотами, чарующими глазъ человѣка; онъ былъ сооруженъ съ вѣковѣчною прочностью и окружено мраморною колоннадой, придававшей ему особенное великолѣпіе. Такъ какъ въ то время существовалъ обычай посвящать замокъ какой-нибудь дамѣ, то Тимуръ посвятилъ его своей новой невѣстѣ Тукель-ханымъ, дочери Кефера Койя Аглея, царя монгольскаго.

Баги-Шималь построенъ въ началѣ весны 1397 года на сѣверной окраинѣ столицы, почему и получилъ свое название, которое означаетъ Садъ сѣвера. Тимуръ приказалъ сперва развести въ этомъ мѣстѣ садъ, а въ саду выстроить дворецъ, красота и великолѣпіе котораго привели бы въ восхищеніе весь міръ и который бы могъ вмѣстѣ съ тѣмъ служить мѣстомъ для игръ и увеселеній въ праздничные дни. Архитекторы Персіи и Багдада, присланые для этой цѣли въ Самаркандъ, представили Тимуру начертанные ими планы; въ этихъ планахъ они проявили тончайшій вкусъ и глубокое знаніе своего дѣла. Тимуръ

выбралъ одинъ изъ присланныхъ плановъ и приказалъ по нему выстроить дворецъ. Тотъ же часъ явились астрологи, выбрали счастливую минуту, и работа немедленно закипѣла; благодаря четыремъ эмирамъ, назначеннымъ для наблюденія за дѣйствіями рабочихъ, постройка дворца въ скоромъ времени была приведена къ желанному концу. Въ основаніе каждого угла зданія положенъ былъ тавризскій мраморъ, нарочно для этого привезенный изъ Тавриза¹⁾). Стѣны дворца были расписаны аль-фреско самыми известными художниками съ такимъ искусствомъ и знаніемъ дѣла, что всѣ работы Артенкъ-Мани, известного въ Китаѣ и въ Персіи въ древнѣе время художника, которыя Тимуръ бережно хранилъ въ своемъ кабинетѣ рѣдкостей, много уступали твореніямъ этихъ художниковъ. Дворъ былъ вымощенъ мраморомъ и талькомъ, а нижняя часть стѣнъ, какъ съ наружной, такъ и съ внутренней стороны, была обложена фарфоромъ. Нѣкоторые путешественники, при видѣ этихъ работъ, невольно воскликнули, что Негіарь-хана, столь известный въ старыхъ книгахъ, несравненный дворецъ въ Китаѣ, вошедший, вслѣдствіе своего великодѣлія, въ поговорку, ничто въ сравненіи съ Баги-Шималемъ. Этотъ дворецъ былъ посвященъ принцессѣ Негхиси-султанъ, дочери Мирзы-Мирзашаха.

Баги-Чинаръ, т. е. Садъ чинаровъ, находился къ югу отъ города. Въ немъ разбиты были великолѣпныя аллеи, состоявшія изъ столѣтнихъ чинаровъ, поражавшихъ зрителя своею необыкновенною выстою и стройностью. Среди этого сада насыпанъ былъ холмъ, а на холмѣ воздвигнутъ былъ, въ формѣ креста, превосходный замокъ, снаружи отдѣланный при-

1) Городъ въ персидской области Аджарбаджанъ.

чудливыми архитектурными украшеніями въ сирійскомъ стилѣ, а внутри расписанный фресками и обставленный сказочной роскошью.

Баги-Нау, т. е. Новый садъ, устроенъ былъ въ 1405 году и находился къ югу отъ Баги-Шималь. Среди этого сада воздвигнутъ былъ дамасскими архитекторами огромный квадратный дворецъ, имѣвшій по 1500 шаговъ въ каждой сторонѣ. Онъ былъ отдѣланъ мраморомъ, фарфоромъ и мозаикой самой тонкой работы и самыхъ разнообразныхъ цветовъ, подобно работѣ по гебеновому дереву и по слово-вой кости; кроме того, онъ украшенъ былъ многими фонтанами съ безконечными струями воды различныхъ формъ.

Кромѣ описанныхъ садовъ съ ихъ дворцами и замками въ самой столице и съ окрестностяхъ было нѣсколько другихъ дворцовъ и замковъ, каковы: старинный дворецъ Арекъ, Гекъ-сарай, Баги-бандъ, (т. е. Высокій садъ), къ востоку отъ города, Накнидъ-джеганъ, Доледъ-абадъ, Баги-джаганъ-на-ма, Баги-чахаръ и другіе¹⁾.

„Судя по настоящимъ, лишь скучнымъ остаткамъ отъ блестящаго периода Самарканда, описанія прежнихъ великолѣпныхъ зданій, дошедшія до наст., во-все не преувеличены,” замѣчаетъ на этотъ счетъ Германъ Вамбери.

„Подобное слѣдуетъ сказать и по отношенію къ его промышленности. По повелѣнію Тимура, въ Самаркандѣ должны были переселиться и самые искус-ные ткачи шелка изъ Дамаска, и знаменитые хлоп-

1) Cherefeddin Ali. Histoire de Timur-bée, Traduite de la Croix, 1723, I, 298, II, 406, 423–425, 408–411; IV, 175, 176, 179, 204; III, 176, 177; Самарканда. Абу-Тагиръ-Ходжа 1834, издание Остроумова, Ташкентъ, 1884.

чато-бумажные фабриканты изъ Алеппо, и фабриканты суконъ изъ Энгюю, и золотыхъ дѣль мастера изъ Турціи и Грузіи; словомъ, все, что только было искусного въ промышленности обрабатывающей. Поэтому здѣсь, въ Самаркандѣ, были представители всѣхъ націй и религій... Легко понять, что вслѣдствіе такихъ обстоятельствъ Самаркандъ скоро сдѣлался также складочнымъ пунктомъ для всѣхъ статей азіатской торговли. Особенно процвѣтала въ немъ внутренняя торговля, достигшая громадныхъ размѣровъ и важности. Сюда приходили изъ Индіи богатые караваны съ пряностями и красками; Китай присыпалъ шелковыя издѣлія, фарфоровые сосуды, мускусъ, агатъ и дорогіе камни, а изъ сѣверной части гигантской имперіи доставлялись чрезъ пустыню большия грузы самыхъ дорогихъ мѣховъ. На рынкѣ самаркандскомъ эти продукты самыхъ разнообразныхъ поясовъ укладывались въ тюки и не только разсыпались по главнымъ городамъ западной Азіи, но даже перевозились въ Европу по двумъ главнымъ направленіямъ. По одному изъ нихъ торговля шла черезъ Харезмъ, Астрabadъ, Нижній-Новгородъ и Москву въ руки Ганзы, а по другому—чрезъ Гератъ, Казвимъ, Тавризъ и Трапезундъ, потомъ на купеческихъ судахъ генуэзцевъ, венеціанцевъ и пизанцевъ въ Европу. И торговыя спошениа, несмотря на весьма тревожное воинственное время, были оживленыя и совершенно безопасныя вездѣ, куда только доходила тѣнь Тимурова владычества".¹⁾

Отъ времени славнаго прошлаго Самарканда сохранилось до нашей поры нѣсколько превосходныхъ историческихъ памятниковъ, преимущественно, впро-

¹⁾ Ванберг. Исторія Бухари. С-Петербургъ, 1873, I, 232.

чемъ, татарскаго и узбекскаго періодовъ, каковы: площади, дворцы, медресы, мечети и мавзолеи.

Изъ площадей города Самарканда особою славою пользовался такъ называемый ригистанъ: это—центральная городская площадь. Эта сажень длины и около 30 сажень ширины, вокругъ которой стояли три большія мечети (Тилля-кари, Ширъ-даръ и Улугъ-бекъ) и которая вѣчно кипѣла народомъ, какъ местными торговцами и любителями мѣрской суполки, такъ и иногородними, приѣзжавшими сюда и на лошадяхъ, и на инакахъ, и на верблюдахъ, то верхомъ, то на допотопныхъ арбахъ.

Изъ ханскихъ дворцовъ въ Самаркандѣ известенъ былъ приемный дворецъ Тимура, находившійся подъ цитаделью, теперь обращенный русскими въ артиллерійскій складъ, иѣогда славившійся своимъ троннымъ камнемъ, известнымъ подъ именемъ „кокъ-таша“. Въ бытныя времена этотъ дворецъ раздѣлялся на два отдѣленія: въ одномъ находились помѣщенія для придворныхъ: въ другомъ была такъ называемая Талари-Тимуръ, т. е. приемная зала Тимура. Въ послѣдней собственно и состоялъ главный интересъ царскаго дворца: Талари-Тимуръ представляла изъ себя длины, обнесенный со всѣхъ сторонъ крытой галлереей дворъ, въ которомъ происходила церемонія представления великому завоевателю всѣхъ покоренныхъ имъ вассаловъ. Въ глубинѣ Талари-Тимуръ стоялъ знаменитый камень кокъ-ташъ, замѣнявший Тимуру царственный тронъ. По формѣ, этотъ камень представляетъ изъ себя правильный параллелипипедъ, 4 аршина и 9 вершковъ длины, 2 аршина и $1\frac{1}{2}$ вершка ширины и 1 аршинъ безъ $1\frac{1}{2}$ вершка вышины; по материалу—это мраморъ сѣроватаго съ темными полосами, но отнюдь не зеленаго, цвета, какъ можно было бы думать по эпитету „кокъ“,

что значит зеленый; по бокамъ камня сдѣланы разные украшения, а по угламъ — рѣзныя круглыя колонки.

Въ виду особенной высоты камня, представлявшей затрудненіе для поднятия на него, въ дни торжественныхъ приемовъ, передъ камнемъ обыкновенно изгибалось нѣсколько человѣкъ знатнѣйшаго происхожденія плѣнниковъ, на спины которыхъ всесильный владыка ставилъ свои ноги, сидя на тронномъ камнѣ. Въ стѣнѣ залы, выше камня, висѣли два фірмана, присланные въ Самарканѣ изъ Константинополя отъ двухъ султановъ, писанные золотыми буквами и заключавши въ себѣ офиціальное позволеніе возносить молитвы Аллаху и офиціальное введеніе раиса (общественнаго охранителя религіи и нравственности) въ его обязанности. Въ той же стѣнѣ, справа отъ камня, вдѣланъ овальный, на подобіе продольно разрѣзанной пополамъ дыни, кусокъ желѣза¹⁾, $7\frac{1}{4}$ вершковъ высоты и $3\frac{1}{2}$ вершка ширины, также присланный будто бы изъ Константинополя въ Самарканѣ и служившій калифамъ драгоцѣннымъ талисманомъ. На этомъ желѣзе сдѣлана куфическими буквами какая-то надпись, до сихъ поръ, сколько известно, никѣмъ не прочитанная. Сзади камня, въ стѣнѣ, устроена ниша, украшенная вверху арабесками и имѣющая 5 аршинъ безъ четверти длины и 4 аршина съ вершкомъ ширины. Въ эту залу съѣзжались со всѣхъ концовъ свѣта побѣженные Тимуромъ властители разныхъ странъ и народовъ. Выстроившись рядами, одинъ за другимъ, смотря по знатности, богатству и могуществу, они съ благоговѣніемъ и трепетомъ взирали на непобѣдимаго и грознаго завоева-

¹⁾ Указаніе Масена, будто это кусокъ камня—иеврѣю: Ежегодникъ, 1873, II, 286.

теля. Тутъ же, среди двора, стояли верхомъ на лошадяхъ три царскихъ герольда, готовые разнести слова побѣдителя мира во всѣ концы обширнаго Талари-Тимуръ²⁾. И самый дворецъ великаго Тимура и тронный камень его всегда возбуждали, какъ и теперь возбуждаютъ, благоговѣйное чувство у набожныхъ и вѣрующихъ мусульманъ. У отдѣленныхъ преемниковъ Тимура, Антарханидовъ, вошло даже въ обычай (съ конца XVI столѣтія), при воцареніи новыхъ властителей, возѣдѣть на священный камень, „чтобы не оставить сомнѣнія въ своемъ эмирствѣ“. Для этого придворные разстилали у камня бѣлую кошму, садили на нее избраннаго владыку и, осторожно приподнявъ кошму за четыре угла, поднимали ее вмѣстѣ съ царемъ на тронный камень, предварительно устланнаго бархатомъ и дорогими коврами.

Изъ мечетей и мадраса, сохранились въ городѣ Самарканѣ до нашего времени пять: Тилля-кари, Ширь-даръ, Улугъ-бекъ, Биби-ханымъ и Шахъзинда.

Мечеть Тилля-кари построена въ 1618 году христіанской эры Ялангушемъ Багадуромъ изъ узбекскаго рода Алчина; строитель усердно украсилъ зданіе золотомъ, почему мечеть и получила свое название (поперсидски „тилля“ — золото, съ приставкой „кар“ — золоченый).

Главный фасадъ мечети Тилля-кари открывается высокой квадратной аркой, нѣкогда превосходно отѣланной разнаго рода украшениями, теперь и сильно вылущившимися и сильно опавшими; часть этихъ украшений, въ видѣ синихъ и голубыхъ поясковъ и пестрыхъ треугольниковъ, сохранилась только по верхней полосѣ арки. По обѣ стороны арки идутъ длинныя,

²⁾ Ванберг. Путешествіе по Средней Азии, С.-Петербургъ, 1865, 105.

съ остатками различного рода украшений, стѣны, а въ концѣ обѣихъ стѣнъ круглые, на подобіе башенъ, минареты, на которые поднимались только главные муллы для призыва правовѣрныхъ къ молитвѣ. Каждый изъ минаретовъ имѣть семь оконъ и въ два ряда по нѣсколько нишъ (правый 6, лѣвый 8) съ однинмъ окномъ и одной деревянной рѣзной дверью въ каждой нишѣ. Оба минарета отдѣланы разноцвѣтными изразцовыми плитками, а самыя стѣны, стоящія между минаретами, изукрашены такими же разноцвѣтными плитками и, кромѣ того, голубыми, синими, бѣлыми и желтыми, въ видѣ цвѣтовъ и листьевъ, украшеніями. Съ лѣвой стороны, за минаретомъ, выдѣляется громадное (неизвѣстнаго назначенія) зданіе съ обрушившимся надъ нимъ куполомъ, исписанное большими кругами, состоящими изъ синихъ, голубыхъ и желтыхъ плитокъ по срединѣ и зеленаго бордюра вверху.

Изъ-подъ главной арки ведутъ трое воротъ (одни большія и двое малыхъ) въ небольшой квадратный (63 аршина длины и 60 аршинъ ширины) мощенный камнемъ дворъ. Этотъ дворъ обнесенъ со всѣхъ сторонъ высокими стѣнами, расписанными красками и обложенными плитками синяго, голубаго, бѣлаго и желтаго цвѣтовъ. Въ стѣнахъ двора подѣланы глубокія ниши, а въ нишахъ устроены небольшія полу-темныя, числомъ 25, кельи (худжра) для ученыхъ мулль и ихъ учениковъ, въ такомъ порядкѣ: 8 малыхъ и 1 большая прямо передъ зрителемъ, противъ воротъ; 6 малыхъ и 1 большая vis-a-vis съ первыми девятью; 8 малыхъ и 1 большая въ правой стѣнѣ двора. Въ каждой комнатѣ оставлено по одному небольшому окну и по одной деревянной двери.

Самая мечеть, увѣнчанная высокимъ круглымъ куполомъ, расположена съ лѣвой стороны квадратнаго

двора; въ нее ведетъ деревянная рѣзной работы дверь, за которой открывается высокая центральная зала съ небольшимъ, прямо противъ зрителя, михрабомъ и невысокимъ, изъ 11 ступеней, съ правой стороны, минбаромъ сѣраго мрамора для всхода на него хатиба во время проповѣди. По обѣ стороны главной залы устроены особыя, для слушанія молитвы, ханака, иѣчто въ родѣ длинныхъ и широкихъ, съ низкими сводами, на кирничныхъ колоннахъ, коридоръ, отдѣленный отъ залы особыми деревянными съ дверьми рѣшетками и имѣющія особые во дворъ выходы; въ нижнемъ поясе стѣны главной залы отдѣланы сѣрымъ мраморомъ; вверху купола пущено три окна, а въ средней части его сдѣлано, также на подобіе оконъ, два просвѣта. Сводъ и ниша главной залы, а также и часть стѣнъ его, расписаны различными, въ видѣ цвѣтовъ и кружковъ, украшеніями и отдѣланы густо по золоченными арабесками; стѣны и отчасти колонны обоихъ ханака выложены по мѣстамъ цвѣтными изразцами, а полъ залы и ханака всегда застланъ циновками.

Мечеть Улугъ-бека построена въ 1434 году внукомъ знаменитаго Тимура, извѣстнымъ въ свое время во всей Азіи Средней любителемъ астрономіи, Мирзой-Улугъ-бекомъ. Главное зданіе этой мечети сохранилось до нашего времени въ нѣсколько разрушенномъ видѣ: оно не имѣть ни одного купола и лишено нѣкоторыхъ надворныхъ построекъ. Съ варужной стороны этой мечети возвышается огромная триумфальная арка, по бокамъ которой взбѣгаютъ кверху два совершенно удѣлѣвшихъ высокихъ и стройныхъ минарета, по обыкновенію наклонныхъ въ разныя стороны отъ зданія,—правый вправо, лѣвый влево. Наружная отдѣлка этой мечети, въ особенности главной арки и двухъ минаретовъ, выполнена со всеми тонкостями восточ-

наго зодчества; тутъ представлены всевозможные мозаичные рисунки изъ звѣздъ, трилистенниковъ, кружковъ, треугольниковъ, лепестковъ, квадратовъ, плитокъ синяго, голубаго и зеленаго цвѣтовъ. На главной аркѣ, съ обѣихъ сторонъ ея, сдѣлано, въ два яруса, по три ниши, а закраины нишъ обведены витыми рампами; вверху арки, надъ входою дверью, сдѣлана надпись почеркомъ сюльси, въ которой правильно чередуются буквы голубаго съ бѣлымъ цвѣтомъ. Надпись эта заключаетъ въ себѣ имена Бога, стихи корана, изречения пророка и молитвы; стѣны главнаго зданія сложены изъ обожженнай розовато-желтой глины, отливающей мягкимъ для глаза свѣтомъ. Ворота главной арки ведутъ въ небольшой квадратный (48 аршинъ длины и 48 аршинъ ширины), мощенный камнемъ дворъ, обнесенный со всѣхъ сторонъ высокими стѣнами съ 28 худжра (по шести малыхъ и по одной большей въ каждой стѣнѣ) во всемъ дворѣ; всѣ стѣны двора выведены на сѣро-мраморномъ фундаментѣ, около 2 аршинъ высотою.

Съ именемъ этой мечети связанъ печальный конецъ жизни самого строителя ея, Мирзы-Улугъ-бека: противъ Улугъ-бека поднялся, въ 1449 году, его мятежный сынъ, Абдуллатифъ; побѣдивъ отца, онъ приказалъ собственому рабу убить его, а голову повѣсить на фронтонахъ выстроенной отцомъ мечети, что и было исполнено въ точности¹⁾.

Съ лѣвой стороны двора мечети Улугъ-бека виденъ одинъ неполный минаретъ, а близъ него развалины какой-то башни. Мѣстное преданіе связываетъ эту башню съ обсерваторіей, устроенной тѣмъ же Улугъ-бекомъ, питавшимъ особенную страсть къ астрономіи.

¹⁾ Самаркандъ. Сочиненіе Абу-Тагиръ-ходжа, собраніе Мирзы-Барата, изданіе Остроумова, Ташкентъ, 1884.

номъ. Обсерваторія эта была заложена въ 1440 году, при ханѣ Улугъ-бекѣ, а окончена уже при ханѣ Аликушдже. Это была известная въ свое время всему восточному миру обсерваторія, вторая и послѣдняя въ Средней Азіи¹⁾. Видъ съ этой башни, даже въ ся обрушенномъ видѣ, превосходный. Близъ этой же мечети, по словамъ Абу-Тагиръ-ходжи, находилось зданіе съ троинымъ камнемъ, кокъ-ташемъ, Тимура; въ смутное время узбеки, сдѣлавъ набѣгъ на Самаркандъ, повалили одинъ минаретъ этого зданія съ тою цѣлью, чтобы разрушить тронъ Тимура. Какъ кажется, этому зданію соответствуетъ теперь зданіе съ обрушившимся минаретомъ, стоящее за сѣверно-западной стѣной мечети Улукъ-бека, подъ южной стѣнѣ мечети Тилля-кари. Впрочемъ, тотъ-же Абу-Тагиръ-ходжа говоритъ, что рядомъ съ мечетью Улугъ-бека была еще мечеть Абдуллы, сына халифа Омара.

Мечеть Ширъ-даръ построена въ 1616 году, по утвержденію Абу-Тагиръ-ходжи, названнаго выше Ялангтушемъ Багадуромъ, изъ узбекскаго рода Алчинъ, и представляетъ собой самое великолѣпное зданіе изъ всѣхъ трехъ мечетей, стоящихъ на ригистанѣ. Свое название она получила отъ персидскаго слова „ширъ“-барстъ съ приставкою „даръ“, что въ общемъ означаетъ „имѣющая барса или украшенная изображеніемъ барса“. Лицевая сторона этой мечети, какъ и первыхъ двухъ, украшена великолѣпной аркой, на высотѣ которой, съ каждой стороны, сдѣлано по одной сернѣ, а за ними изъ желтыхъ изразцовъ — два огромныхъ, съ раскрытыми пастьми и большими глазами, барса, очевидно и давшихъ поводъ туземцамъ прозвать мечеть именемъ „Ширъ-даръ“. Фигуры барсовъ на мечети тѣмъ болѣе поражали мусуль-

¹⁾ Ванбергъ. Путешествіе по Средней Азіи, С.-Петербургъ, 1865, 107.

манъ, что, по закону Магомета, изображеніе какихъ бы то ни было животныхъ на зданіяхъ вовсе не допускается. По обѣ стороны главной арки стоять высокія стѣны, а въ концѣ стѣнъ возвышаются два прекрасныхъ, по обыкновенію нѣсколько наклоненныхъ въ стороны — правый вправо, лѣвый влево — отъ главнаго зданія. За обѣими стѣнами, стоящими между главной аркой и двумя минаретами, поднимаются вверхъ два малыхъ дынеобразныхъ, съ остатками украшеній, купола, въ замѣнѣ главнаго купола, уже давно несуществующаго. Къ лицевой стѣнѣ мечети примыкаютъ двѣ боковыя стѣны, а къ двумъ боковымъ — одна задняя стѣна. Въ общемъ мечеть Ширь-даръ представляеть изъ себя неприступную квадратную крѣпость съ невѣроятно высокими, хотя въ настоящее время и угрожающими своимъ паденіемъ, стѣнами.

Наружная отдѣлка мечети Ширь-даръ поражаетъ яркостью и разнообразіемъ своихъ цвѣтовъ. На главной аркѣ прежде всего бросаются въ глаза огромные квадраты, служащіе рампами стѣнъ, а по бокамъ ихъ, въ углубленіи тамбура, длинные пояски, бѣлаго съ синими цвѣтами, представляющіе собой изреченія изъ корана, молитвы, имена Бога, изреченія пророка. Кромѣ того, также главная арка, а за ней оба минарета и всѣ наружнія стѣны мечети, обложены по кирпичу силопѣ плитками синяго, желтаго и зеленаго дѣйта; зеленый дѣйтъ служить каймой для краевъ всѣхъ нишъ арки.

Тroe дверей, устроенныхъ въ главной аркѣ, ведутъ въ самую мечеть, въ ея боковыя помѣщенія и небольшой квадратный (53·53 аршина), мощеный, обнесенный со всѣхъ сторонъ высокими стѣнами, дворъ. Во всѣхъ стѣнахъ двора устроены глубокія съ одной дверью и однимъ окномъ ниши, и въ ни-

шахъ полуутеснія и низкія кельи (худжра) для помѣщенія въ нихъ мултъ, молодыхъ, зрѣлыхъ и перезрѣлыхъ учениковъ. Въ одномъ изъ боковыхъ помѣщеній возвѣгнута гробница, имѣющая 17 четвертей длины, надъ прахомъ имама Гафтума, по обыкновеніюувѣшанная лоскутками различной матеріи и у изголовья обложенная рогами дикихъ козловъ. Какъ разъ противъ этой гробницы приходится одинъ изъ куполовъ, поднимающійся о-бокъ съ главной аркой мечети. Всѣ стѣны какъ самой мечети, такъ и двора ея, частично изукрашены надписями, частично сплошь облицованы по кирпичу разноцвѣтной мозаикой.

Съ высоты одного изъ минаретовъ (если смотрѣть съ площади — это лѣвый минаретъ) открывается великолѣпный и далекій видъ на весь городъ Самаркандъ, утопающій въ зелени садовъ и тѣнистыхъ рощъ, на далекія, окутанныя прозрачной синевой, горы и на развалины древнихъ городовъ и зданій, каковы: Биби-ханымъ, Шахъ-зинда, Афросіабъ, приемный дворецъ Тимура и многія другія. Но для того, чтобы взобраться на этотъ минаретъ, нужно подняться по темной, почти лишенной всякаго воздуха, узкой и высокой, изъ 54 низкихъ ступенекъ, лѣстницѣ, что для людей, страдающихъ болѣзнью сердца, грозить серьезною опасностью лишиться жизни.

На четверть версты разстоянія отъ трехъ описанныхъ мечетей, среди базарной площади, устроенной уже со временемъ взятія города русскими, возвышается огромная мечеть Биби-ханымъ („Биби“ — мать, „ханымъ“ — старшая или главная ханіца) построена знаменитымъ Тимуромъ въ 1399 (801) году въ честь любимой жены Сарай-Мулькъ-ханымъ, дочери Казань-султанъ-хана, сестры эмира Мусы, носившей прозвище Михрабанъ, т. е. Благотворительницы. О построеніи этой мечети мы находимъ у Али-Шере-

феддива и Абу-Тагиръ-ходжи слѣдующія весьма любопытныя подробности. Въ 801 году Тимуръ возвратился изъ похода на Индостанъ и привезъ съ собой на 91 слонъ множество денегъ и драгоценныхъ камней, рубиновъ, бирюзы, изумрудовъ, яхонтовъ, и туть часть же рѣшилъ построить въ Самаркандѣ огромнѣйшую мечеть, которая могла бы вмѣстить въ себя правовѣрныхъ всей столицы, приходящихъ въ пятничные дни для молитвы; архитекторы и инженеры выбрали 4-й день мѣсяца Рамадана для закладки мечети; искусные каменщики, прибывшие изъ иностранныхъ земель, готовились показать свѣту шедевры своего искусства и знаній, обѣщаючи вмѣстѣ съ тѣмъ придать прочность и крѣпость угламъ и всему фундаменту этого прекраснаго зданія; нѣсколько другихъ специалистовъ различныхъ ремесль, также прибывшихъ для этой цѣли изъ другихъ мѣстностей, наперерывъ одинъ передъ другимъ, старались проявить свои знанія. Въ серединѣ этой мечети работало 200 каменщиковъ, прибывшихъ изъ Индіи, Персіи и Аджарбаджана; 500 человѣкъ занимались въ горахъ рѣзкой, тесаніемъ и отправкой камней въ Самаркандъ. Для перевозки этихъ громадныхъ камней понадобилось 95 каравановъ слоновъ, которые тащили ихъ при помощи колесъ и машинъ, по закону механики двигательныхъ силъ. А для того, чтобы не терять дорогоаго времени и привести къ скорѣйшему окончанію эту грандиозную постройку, возложена была обязанность на принцевъ крови и эмировъ слѣдить за рабочими и понукать ихъ. Самъ Тимуръ, когда былъ въ столицѣ, строго следилъ за рабочими и собственнымъ присутствиемъ поощряя ихъ; его можно было видѣть или подлѣ мадрасы Ханымъ, находившейся возлѣ строящейся мечети, или подлѣ госпиталя Туманъ-ака. Наконецъ, это громадное зданіе

было окончено и, благодаря стараніямъ Тимура, доведено до страшной высоты: оно имѣло 480 колоннъ (соломы) каменныхъ или гранитныхъ, а каждая плита заключала въ себѣ 7 локтей высоты; каждая колонна этой мечети сдѣлана была изъ чистаго мрамора и имѣла 5 аршинъ высоты и 2 аршина ширины; сводъ мечети былъ разукрашенъ громадными мраморными, преимущественно очищенными и отполированными, плитами; отъ перекладины верхней части стѣны до высоты свода было девять локтей. Сверху мечети, кругомъ ся купола, въ почеркахъ куфи и моаккали, сдѣлана была надпись: „Царство—Богу и постоянство—Богу“. На внутреннемъ фронтона мечети, по мрамору, почеркомъ сюльси, вырѣзаны были слова: „Это есть блестящая и священная мечеть царя эмира Тимура Гурягана, сына эмира Тургая... сына эмира Алангира, сына эмира Бахала; въ году 801“. На вѣнчаніи фронтона мечети, по мрамору, въ томъ же почеркѣ, вырѣзана была надпись: „Сія мечеть величайшаго султана, столба міра и вѣры, эмира Тимура Гурягана, сына эмира Тургая, сына эмира Бергеля, сына эмира Алангира, сына эмира Бахала, сына Каракана. Да увѣковѣчить его Всевышній Богъ; въ году 806“. Подобныя же надписи сдѣланы были и на малыхъ куполахъ мечети, которыхъ здѣсь очень много было. Входная дверь мечети была бронзовая; на обѣихъ сторонахъ этой двери отлиты были изъ формы украшения въ трехъ почеркахъ куфи, моаккали и корани. Вся поверхность стѣнъ, какъ снаружи, такъ и внутри, равно какъ и своды купола, были украшены рельефными позолоченными, вырѣзанными по мрамору, надписями, въ которыхъ можно было прочесть слова изъ главы корана, называемой „Пещера“, также молитвы, имена Бога и изреченія пророка; каѳедра для проповѣдника и амвонъ, гдѣ читаютъ

молитву за царя; представляли изъ себя крайнее великолѣпіе; ниша мечети была изукрашена пластинаами вызолоченного желѣза и представляла собой образецъ совершенійней красоты. Снаружи на каждомъ углу мечети поставленъ былъ минаретъ. Тимуръ не все время при постройкѣ мечети могъ находиться въ Самаркандѣ, и потому когда онъ вернулся въ столицу, то нашелъ, что трибуна, сдѣланная въ мечети, слишкомъ мала. Тогда онъ приказалъ немедленно разрушить ее и въ замѣнъ разрушенной воздвигнуть новую, гораздо выше прежней, а архитектору Кай-Махмуду-Дауду сдѣлать строгій выговоръ за оплошность. Внослѣдствіи, во время случившагося въ странѣ голода, неимущіе жители города Самарканда всѣ драгоцѣнности и украшенія мечети разграбили, ея бронзовыя двери совсѣмъ унесли безслѣдно¹⁾.

Мечеть Биби-ханымъ дѣйствительно одна изъ самыхъ большихъ и самыхъ великолѣпныхъ мечетей во всемъ Самаркандѣ. Къ сожалѣнію, она сильно пострадала отъ времени, отъ землетрясенія и отъ русскихъ ядеръ во время взятія Самарканда, такъ что въ настоящее время на половину обратилась въ развалины и грозить въ самомъ близкомъ времени полнымъ паденiemъ: арки ся обвалились, минареты полуразрушились, куполь на половину осунулся. Однако, при всемъ томъ великолѣпіе этой мечети видно даже и подъ развалинами, какъ видно величие царицы въ ложмотьяхъ винцей.

Мечеть Биби-ханымъ стоитъ среди огромнаго двора, 44 сажени длины, 35 сажень пирины, по пре-

1) Cherefeddin Ali. Histoire de Temur-bec, Traduite de la Croix, 1723, III, 173; VI, 177; I, 225, 193, 290; Самаркандъ. Сочиненіе Абу-Тагиръ-ходжи, переводъ съ персидскаго на тюркскій Мирзен Барата, изданіе Остроумова, Ташкентъ, 1884, 13.

дашю, нѣкогда вымощенаго мраморомъ, усаженнаго роскошными деревьями и снабженнаго обширными водосмами-хаузами. Расположеніе зданій въ этомъ дворѣ таково, что въ южномъ концѣ его возвышается самая мечеть, а въ сѣверномъ концѣ, противъ мечети, поднимается триумфальная арка; кроме того, съ восточной стороны мечети стоитъ еще боковая арка. Стѣны мечети сложены изъ кирпича: нижняя часть ихъ, около 2 аршинъ ширины, обложена сѣрымъ мраморомъ; на верху мечети воздвигнутъ огромный куполь, весь отдѣланный голубыми плитками. въ яркую солнечную погоду отдѣляющими отъ себя необыкновенно пріятный и мягкий свѣтъ, сливающейся съ небесною лазурью. Преданіе говоритъ, будто-бы нѣкогда весь куполь мечети снаружи обтягивался кожами, для предохраненія великолѣпной отдѣлки его, и открывался лишь въ дни пятницъ и великихъ праздниковъ у мусульманъ. Тоже преданіе передаетъ, будто внутри этого купола вѣдь было семь золотыхъ колокольчиковъ, въ которые звонили во время самаго усерднаго воззванія молящихся къ Аллаху.

Внутренность мечети оптикуатурена алебастромъ, а по алебастру великолѣпно отдѣлана громадными кругами кирпичнаго цвѣта, квадратиками, звѣздочками, своеобразными, на подобіе двухъ перекрестныхъ стрѣль, крестиками и неизбѣжно лѣпными, тончайшей работы, арабесками. Наружность мечети обведена, въ видѣ оконъ, огромными рампами и изукрашена плитками, звѣздочками, квадратиками разныхъ цвѣтовъ: голубаго, синяго, бѣлаго и зеленаго. Такою-же отдѣлкой изукрашены и всѣ полуразвалившіеся минареты, стоящіе близъ мечети.

Съ обѣихъ сторонъ мечети видны остатки какихъ-то круглыхъ башенъ и упавшаго минарета, а за оградой двора, съ правой стороны, бросается въ глаза

высокий, по обыкновению, нѣсколько склоненныи въ сторону, минаретъ, разукрашенній всѣми украшениями мечети и сверхъ того фигурами совершиенно правильныхъ паралелограмовъ и превосходяющими арабесками на самой капители.

Тріумфальная арка мечети сложена также, какъ и мечеть, изъ кирпича, но отдѣлка ея великолѣпнѣе отдѣлки самой мечети: тутъ чередуются мозаика гранатнаго цвѣта съ терракотой розоватаго цвѣта и арабскими письменами бѣлаго съ синимъ цвѣтомъ; низъ ея обшитъ мраморомъ; ворота, ведущія черезъ нее во дворъ мечети, всѣ мраморныя, изукрашеннія арабесками, съ разноцвѣтными плитными украшениами; лавки, поставленныя вдоль арки передъ воротами, также изъ чистаго мрамора.

Остается лишь пожалѣть о томъ, что это дивное произведеніе архитектуры мусульманскаго востока съ каждымъ годомъ разрушается и превращается въ груды камней и мусора. Зато это самое разрушеніе болѣе, чѣмъ въ другомъ какомъ-либо зданіи, обнажаетъ передъ зрителемъ и самый способъ построенія его: кладка его производилась рядами, по два кирпича, самые ряды скрѣплялись попечными бревнами, проходящими черезъ всю толщину стѣнъ, а скрѣпляющимъ матерьяломъ была глина.

Среди двора мечети Биби-ханымъ стоитъ огромный, въ $3\frac{1}{2}$, аршина длины (по откосу $1\frac{1}{2}$ аршина, а въ основаніи 3 аршина и 2 вершка ширины), рѣзной, съ арабскими письменами по краямъ, сѣро-мраморный люпитръ, который нѣкогда служилъ подставкой для корана. Люпитръ этотъ имѣетъ такую форму, какая необходима для того, чтобы положить на него полураскрытый и весовѣтъ разогнутый коранъ. До 1875 года этотъ люпитръ стоялъ въ

самой мечети, а потомъ, въ виду ежеминутно грозящаго своимъ паденіемъ зданія, перенесенъ изъ мечети во дворъ. Въ настоящее время для мѣстныхъ мусульманъ онъ имѣетъ цѣлительное значеніе: подъ него подлашатъ всѣ страдающіе синими болѣзнями мужчины и всѣ пеимѣющиа дѣтей женщины и, говорятъ, первые получаютъ исцѣленіе, а вторыя — дѣтей.

Во ста саженяхъ по прямому направлению отъ главной арки мечети Биби ханымъ стоитъ небольшой, но полуразвалившійся мавзолей или часовня надъ прахомъ самой ханши, въ честь которой воздвигнуто зданіе мечети. Мавзолей украшено внутри арабесками и разноцвѣтными плитками и вмѣщає подъ своими сводами пять могилъ съ надгробными сѣро-мраморными плитами, въ числѣ коихъ главное место занимаетъ могила Биби-ханымъ.

Не въ далекомъ разстояніи отъ описанаго мавзолея, между мечетью Биби-ханымъ и Ригистаномъ, стоитъ памятникъ Шейбани-хана. Онъ находится во дворѣ мадрасы имени этого-же хана и представляеть изъ себя огромный четырехъ-угольникъ изъ темносѣраго мрамора, 9 аршинъ длины, 8 аршинъ ширины и $3\frac{1}{2}$, аршина высоты; на верху его положено нѣсколько (числомъ 31) надгробныхъ плитъ, исписанныхъ различными надписями и скрывающіхъ подъ собой прахъ какъ самого Шейбани-хана, такъ и его близкайшихъ родственниковъ. Памятникъ этотъ нѣкогда стоять среди самой улицы Биби-ханымъ, но при разбивкѣ города (1872—1877) былъ снятъ съ мѣста и вмѣстѣ съ костями покойниковъ перенесенъ въ сособдній дворъ мадрасы Шейбани-хана. Было бы, кажется, цѣлесообразнѣе оставить этотъ памятникъ на мѣстѣ, среди самой улицы, оградивъ его лишь новою рѣшеткой для предупрежденія отъ насилиственнаго разрушенія; тогда-бы, по крайней мѣрѣ, и

улица и наука не только ничего не потеряли, а на-
противъ того, даже выиграли—первая въ красотѣ, а
вторая въ точности.

О мѣстѣ погребенія Шейбани-хана Абу-Тагиръ-
ходжа сообщаетъ слѣдующія, не лишнныя интереса,
подробности. Шахидъ Шейбани-ханъ умеръ въ 1510
году (христіанской эры): тѣло его было погребено
сыновьями въ Самарканѣ, въ мечети, построенной
святымъ Багди-Улья¹⁾). Впослѣдствіи, въ смутное
время, эта мечеть была разрушена, и Шейбани-ханъ
быть похороненъ посреди двора мадрасы, сооружен-
ной эмиромъ Маасумомъ-Гази на развалинахъ преж-
ней мечети и называемой теперь мадрасой Шейба-
ни-хана.

Главный памогильный камень изъ этого памятни-
ка, по взятіи русскими города Самарканда, найденъ
быть, вмѣстѣ съ развалинами воротъ Акъ-Дарваза,
въ цитадели города и отправленъ въ С.-Петербургъ.
въ Императорскій Эрмитажъ. На этомъ камнѣ высѣ-
чена слѣдующая, въ переводѣ на русскій языкъ,
надпись: „Небо счастія, Шейбани-Мухаммадъ-ханъ,
царь вселенной, котораго красотѣ и нѣжности зави-
довали небесный мѣсяцъ. Судьба сожалѣтъ о своей
жестокости и несправедливости. Сердце стопѣть отъ
криводушія неправосудного неба, отъ котораго на-
селенный міръ повернулся лицемъ къ сторонѣ раз-
рушенія. Если умъ спросить тебя о годѣ его смер-
ти, отвѣчай: „о, сто сожалѣй о Мухаммадѣ-ханѣ-
Шейбани“. Начальныя буквы словъ, составляющихъ
это послѣднее восклицаніе, по замѣчанію г-на Ма-

1) По другимъ источникамъ, Шейбани-ханъ былъ убитъ во время войны
съ эміромъ Исаюломъ; посѣдній отрубилъ голову своего врага отъ туло-
вища и, оправивъ ее золото, употребилъ черенъ выѣтого кубка.

ва, составляютъ цифру 977 (1569), т. е. годъ смер-
ти Шейбани-хана¹⁾). Но въ толкованіи Маева оче-
видная ошибка: изъ исторіи Бокари Германа Вам-
бери мы узнаемъ, что Шейбани-ханъ быть убитъ въ
916 (1510) году, имѣя отъ роду 61 годъ²⁾, а не въ
977 году. Въ посѣдніемъ случаѣ ему было бы отъ
роду 120 лѣтъ.

На разстояніи четверти версты внизъ отъ мечети
Биби-ханымъ стоитъ мечеть Шахъ-зинда. Основаніе
мечети Шахъ-зинда („Шахъ“—царь, „зинда“—живой;
отсюда Шахъ-зинда—живой царь) положено знамени-
тымъ Тимуромъ построеніемъ мазара въ честь главы
арабовъ, насадителей ислама въ Самарканѣ, Касыма-
ибнъ-Аббаса.

О построеніи этой мечети мы находимъ у Абу-
Тагиръ-ходжи слѣдующія указанія. Изъ всѣхъ зданій,
существовавшихъ при Тимурѣ, первое зданіе было
мазаръ (мавзолей) царевича Касыма-ибнъ-Аббаса. Для
сооруженія этого зданія вызваны были изъ Тегерана
и разныхъ городовъ другихъ странъ искусные калли-
графы, съ хорошими идеями люди и умные поэты.
Они украсили купола и фронтоны этого мазара разно-
цвѣтными кирпичами—красного, бѣлаго, желтаго, си-
няго, чернаго цвѣтовъ и расписали зданіе надписями,
въ почеркахъ—куфи, моаккали, сюльси, корани и ки-
таби. Надписи эти изображаютъ имена Бога, молит-
вы, стихи корана, изречения пророка, имена царичъ,
царевичей. Въ немъ, кромѣ главнаго святаго, погребе-
ны дѣти и сподвижники Тимура³⁾.

Название мечети мѣстное преданіе объясняетъ тѣмъ,

1) Ежегодникъ, С.-Петербургъ, 1873, II, 285.

2) Исторіи Бокари, С.-Петербургъ, 1873, II, 28.

3) Самарканѣ. Сочиненіе Абу-Тагиръ-ходжи, переведено съ персидскаго
на тюркскій Мирзой-Баратомъ, издано Остроузскимъ, Ташкентъ, 1884, 10.

что будто бы подъ ней скрыть какой-то живой царь. Этот царь такъ былъ нраведенъ и оттого такъ сдѣлался угоденъ Богу, что когда онъ прожилъ положенный срокъ своей земной жизни, то вмѣсто того, чтобы умереть, онъ сошелъ подъ своды мечети и тутъ въ разступившейся передъ нимъ во всѣ стороны землѣ остался жить навсегда живымъ. Отъ него-то мечеть и получила свое название мечети „Живого царя“ — „Шахъ-зинда“. Мечеть Шахъ-зинда — самая великолѣпная и вмѣстѣ съ тѣмъ самая оригинальная изъ всѣхъ мечетей Самарканда, а можетъ быть и всего Туркестанского края. Она поставлена на взгорье развалинъ древняго города Афросіаба и представляетъ собой пѣлую систему отдѣльныхъ строеній, соединенныхъ между собою въ одно общее зданіе и, какъ кажется, возникшихъ не одновременно, а постепенно въ разное время, путемъ пристройки одного зданія къ другому. Связующимъ звѣномъ всѣхъ строеній мечети Шахъ-зинда служить открытая, уходящая вверхъ галлерей, болѣе 29 саженъ длины при различной ширинѣ (вверху — пять аршинъ и три четверти, по срединѣ — шесть аршинъ и двѣ четверти, внизу — пять аршинъ съ шестью вершками), имѣющая почти на половинѣ своей длины широкую, въ 37 ступеней, изъ кирпича, лѣстницу. По обѣ стороны этой длини галлереи идутъ различные зданія — часовни, молельни, мадрасы, стѣнныя ниши, а самый конецъ ея, противоположный входной аркѣ и главной двери, оканчивается круглымъ, безъ покрова зданіемъ.

Всѣхъ такихъ помѣщений, не считая нишъ для сосудовъ съ водой, съ обѣихъ сторонъ галлереи, счетомъ одиннадцать. Большинство изъ этихъ помѣщений занято могилами родственниковъ и близкихъ людей Тимура — его кормилицы, дочерей, сестеръ, женъ, племянницъ, министровъ, командировъ, и т. п.

Изъ надписей, сдѣланныхъ частію на часовняхъ, частію на памогильныхъ камняхъ, видно, что здѣсь покоятся: какая-то (безъ имени) царскаго рода женщина, умершая въ 1477 (880) году; потомъ жена Тимура, дочь „праведнаго“ эмира Мусы, по имени Туманъ-ака; затѣмъ Ширимъ-бинъ-бекъ-ака¹⁾, умерший въ 1485 (788) году; потомъ Чучукъ-бинъ-ака; далѣе эмиръ Хасанъ и другіе. Изъ надписей, сдѣланныхъ на стѣнахъ зданій, видны и имена самыхъ мастеровъ или строителей ихъ: шейха Мухаммада, сына Ходжи изъ Тавриза; Шамсъ-уд-дина и Зайнъ-уд-дина въ 1270 (773) году; какихъ-то неизвѣстныхъ строителей 1359 (762), 1484 (787) и 1485 (788) годовъ гиджры.

Если войти черезъ главную арку въ галлерею Шахъ-зинда, то первое зданіе съ лѣвой стороны будетъ мечеть; мечеть эта небольшихъ размѣровъ, безъ всякихъ украшеній извѣтъ, сильно испорчена реставраціей нашего времени внутри. Выше этой мечети, съ той же лѣвой стороны, слѣдуетъ открытая молельня или, правильнѣе сказать, небольшой навѣсъ, всегда устланный кошмами и барданами или циновками, подъ которыми правовѣрные возносятъ свои молитвы Аллаху. Противъ этой открытой молельни, съ правой стороны, устроены небольшой квадратный дворикъ, въ трехъ стѣнахъ котораго подѣланы маленькия полутемныя худжра (келии), числомъ 10, для зимняго помѣщенія мултъ: эти худжры вмѣстѣ съ тѣмъ служатъ и мадрасой для учениковъ; у одной изъ стѣнъ двора (восточной) устроены круглый колодецъ, обложенный до дна кирпичемъ.

Пройдя отъ молельни и мадрасы нѣкоторое раз-

1) „Бинъ“ по арабски „сынъ“, „ака“ — старшій братъ.

стояніе по галлерей и поднявшись вверхъ по широкой кирпичной лѣстницѣ, приходящейся почти на половинѣ длины всей галлереи (длина галлереи отъ лѣстницы внизъ 37 аршинъ, отъ лѣстницы вверхъ 51 аршинъ и 11 вершковъ), съ лѣвой стороны увидимъ превосходнейшей отдѣлки часовню съ пятью могилами—Ширимъ-бинъ-бека-ака, одной сестры Тимура и трехъ дѣтей ея; за этой часовней, съ той же стороны, увидимъ другую, почти столь-же великолѣпную, часовню съ могилами двухъ погребенныхъ въ ней покойниковъ—Чучукъ-бин-ака и другой сестры Тимура. Прямо противъ этихъ двухъ часовенъ, только съ правой стороны, воздвигнуты еще двѣ часовни, одна надъ прахомъ дочери Тимура, другая надъ прахомъ министра Тимура, эмиръ-Хасанъ-багадура. Выше этой ниши, съ той-же стороны, идутъ небольшія ниши со вмазанными въ нихъ глиняными для воды сосудами.

Минуя ниши съ сосудами съ правой стороны и одну часовню съ лѣвой и поднявшись выше по галлереѣ, мы увидимъ сперва крытую широкую арку, не рекинутую съ одного конца галлереи на другой, а подъ аркой слѣва—помѣщеніе для мулль, справа — превосходную рѣзной работы деревянную съ бронзовыми петлями и желѣзнымъ оригинальнейшимъ замкомъ дверь и поверхъ двери надпись съ именемъ Хазрета-Касымъ-бинъ-Аббаса. За этой дверью идетъ небольшой, почти квадратный коридоръ; изъ коридора направо слѣдуетъ комната, въ которой лежать, за деревянной перегородкой, на особыхъ юнитрахъ, два корана, одинъ шести футовъ длины и четырехъ футовъ ширины, другой около двухъ вершковъ величины, оба разрисованные по поламъ цветами и оба написанные всего лишь 34 года тому назадъ. За комнатой корановъ слѣдуетъ небольшая, устланная ков-

рами, украшенная висячей люстрой, слабо освѣщенная свѣтомъ мечеть съ слѣдами живописи и арабесковъ по всѣмъ стѣнамъ. Отъ этой мечети отдѣлена особая усыпальница святаго Хазрета-Касымъ-бинъ-Аббаса, въ честь которого названо зданіе мечети. Усыпальница эта задѣлана деревянной, вставленной въ большое окно, рѣшеткой, которая отпирается только черезъ каждые 10 лѣтъ и то лишь для того, чтобы привести въ порядокъ могилу святаго; въ другое время ни одинъ мусульманинъ, не говоря уже объ иновѣрицѣ, не смѣеть проникнуть въ завѣтное святилище праведника. Надъ рѣшеткой окна подняты одинъ бунчикъ и два знамени зеленое и красное—и надъ знаменами деревянная съ пятью пальцами рука, въ знакъ того, что пророкъ зналъ все, какъ свои пять пальцевъ. Съ правой стороны усыпальницы сдѣлана небольшая комната, въ которой поставлена бѣлая мраморная плита, ширины почти 3 аршина, высоты около $1\frac{1}{2}$ аршина; у плиты поднять бунчикъ, увѣшанный разноцвѣтными лоскутками матеріи, которые прикрѣпляются правовѣрными въ чайніи исцѣленія ихъ отъ физическихъ и душевныхъ недуговъ; а на самой плите положены огромные рога дикихъ козловъ (кіиковъ) и архаровъ (аргали). Самая комната устроена для помѣщенія въ нее различныхъ приношеній отъ усердныхъ мусульманъ, высоко чтущихъ святаго Касымъ-Аббаса и за много верстъ стекающихся на поклоненіе праху его.

Выше помѣщенія славнаго святаго, по той же галлереѣ и съ той же правой стороны, слѣдуетъ послѣдняя часовня съ обвалившимся куполомъ и съ выросшимъ въ самой срединѣ строенія вѣтвистымъ деревомъ. Кто погребенъ въ этой часовнѣ да и былъ ли кто погребенъ въ ней, остается совершенно неизвѣстнымъ. Судя по уцѣлѣвшимъ въ ней украшеніямъ мож-

но думать, что эта часовня нисколько не уступала другимъ ни по богатству, ни по своей великолѣпной отдѣлкѣ.

Конецъ галлереи упирается въ открытое, безъ свода, круглое зданіе, значительно попорченное и временемъ и человѣкомъ, но и въ свою очередь увѣчье носящее слѣды превосходной отдѣлки. Въ лѣвой сторонѣ этого зданія продѣлана небольшая калитка, ведущая за стѣны Шахъ-зинда на обширныя развалины мертваго города Афросіаба. Нужно думать, что это круглое, теперь открытое, но яѣкогда закрытое, зданіе и было главною мечетью Шахъ-зинда.

Надъ отдѣльными зданіями мечети Шахъ-зинда сохранилось восемь небольшихъ куполовъ, на коихъ два дынеобразные, два формы небеснаго свода, два формы шатра и одинъ формы усѣченного конуса. Самый эффектный изъ нихъ куполъ надъ часовней Ширимъ-бина-бекъ-ака, изукрашенный зеленаго, синяго и бѣлаго цвѣтовъ изразцами, кружками, квадратиками, мелкими звѣздочками и треугольниками.

Излишне говорить о томъ великолѣпии и роскоши, которыми поражаетъ всякаго зрителя мечеть Шахъ-зинда. Мечеть Шахъ-зинда есть дѣйствительно великое архитектурное произведение восточнаго гения и для точнаго описания его, говоря арабской пословицей, языку не достанетъ слова, а воображенію — красокъ. Въ наружной отдѣлкѣ ея сочетались всевозможные цвѣта — зеленый, голубой, бѣлый, синий, красный, лиловый, розоватый, черный, гранатовый — и во всевозможныхъ фигурахъ — звѣздочкахъ, пятилистеникахъ, цвѣтахъ, травахъ, чередующихся съ превосходными арабесками, мраморными плитами и куфическими надписями. Особеннымъ великолѣпiemъ поражаютъ здѣсь изразцы, вогнутыя во внутрь, колонны съ превосходными капителями вверху и чуд-

ной работы подушками внизу. Описаніе всѣхъ этихъ украшеній составило бы особое изслѣдованіе и все-таки могло бы дать лишь самое слабое представленіе о тѣхъ красотахъ, которыми блеститъ знаменитая мечеть.

„Зданіе мечети Шахъ-зинда, замѣчаетъ на этотъ счетъ графиня Уварова, уже издалека побѣждаетъ ваше воображеніе; переступая же его порогъ, вы на первыхъ порахъ такъ поражены и очарованы, что сидите и не знаете, чѣмъ больше любоваться — синевой ли непроницаемаго неба, силуэтами ли и профилями зданій, блескомъ ли голубыхъ изразцовъ, сѣроватой ли листовой деревьевъ, распустившихся подъ сѣнью этихъ стѣнь и куполовъ, солнцемъ ли муллами, перебирающими четки во дворахъ и на ступеняхъ мечети. Вы сидите и смотрите.... и только мало-по-малу начинаете разбираться въ формахъ, рисункахъ, цвѣтахъ. Тогда только вы понимаете, что приказать построить подобное зданіе могъ только великий, могущественный повелитель, что построить его могъ только художникъ-архитекторъ съ массою такихъ-же художниковъ-помощниковъ въ лицѣ строителей, рисовальщиковъ, химиковъ, формовщиковъ. Разсмотрите на самомъ дѣлѣ всѣ эти зданія и вы увидите, что на каждую колонну, на каждую капитель, на арку, на стѣнку, поясокъ — на все требовалась отдѣльная форма, отдѣльная отливка: на колонкахъ то годъ, то имя мастера, на всѣхъ аркахъ, поясахъ, гробницахъ то имя основателя, то имя покойника, то благочестивое изреченіе, и вездѣ свое особое, оригинальное. Любовь къ текстамъ и изреченіямъ доведена до того, что все покрыто ими: шейки куполовъ, арки, цѣлыя громадныя стѣны; изреченія и надписи эти или вылиты отдѣльными кусками, или составляютъ изъ удлиненныхъ изразцовъ цѣлую сѣть рисунковъ, которые неопытный глазъ, незнакомый съ восточнымъ алфавитомъ,

расположенъ постоянно принимать за простой восточный орнаментъ¹⁾.

Всего поразительнѣе здѣсь, какъ и въ другихъ мечетяхъ, разнообразные изразцы, которыми отѣлано зданіе: свѣжестъ ихъ красокъ и пѣльность самой композиціи заставляютъ удивляться искусству мусульманскихъ зодчихъ даже и въ настоящее время. Наші, даже самые лучшіе, изразцы уже по истечениі 2—3 лѣтъ даютъ наружнія трещины и облущиваются; тогда какъ изразцы средне-азіатскихъ зодчихъ прошлыхъ вѣковъ, не смотря ни на время, ни на рѣзкую перемѣну погоды зимой и лѣтомъ, днемъ и ночью, сохранились до нашего времени совершенно безъ всякихъ трещинъ и облущиваній. Порча всякихъ изразцовъ, какъ известно, происходитъ отъ неодинаковой степени расширения, вслѣдствіе дѣйствія теплоты, глины и композиціи на глинѣ намазанной. Искусство же мастера состоитъ въ томъ, чтобы сдѣлать одинаковымъ соотношеніе коэффиціента глиняной массы къ массѣ композиціи; вотъ это-то знаніе соотношеній и поразительно въ восточномъ зодчествѣ, совсѣмъ, очевидно, неизвѣстное нашимъ архитекторамъ. При такихъ, по истинѣ замѣчательныхъ, знаніяхъ восточныхъ архитекторовъ физики и химіи тѣмъ болѣе удивительно незнаніе съ ихъ стороны основнаго закона при возведеніи всякаго капитального зданія: они построили большинство мечетей, не исключая въ томъ числѣ и самой Шахъ-зинда, безъ всякаго фундамента.

Къ мечети Шахъ-зинда въ былое время примыкаль обширный дворъ, усаженный тѣнистыми деревьями и снабженный прохладными прудами. Этотъ

дворъ приходился какъ разъ противъ главной подъѣздной арки зданія: теперь онъ отдѣленъ отъ мечети проѣзжей дорогой, проложенной со временемъ взятія Самарканда русскими. Къ нему ведетъ широкая, въ нѣсколько ступеней, каменная лѣстница, сильно пострадавшая отъ реставраціи послѣдняго времени.

Этой реставраціи подвергаются и самыя зданія мечетей Самарканда. Конечно, эта мѣра необходима для сохраненія великихъ произведений восточного зодчества, но нельзя не сказать по этому поводу и того, что подобная реставрація производить однолично грустное впечатлѣніе на зрителя: каждая заплатка на мечети тоже, что грязное пятно на прекрасномъ платьѣ невѣсты.

Величіе, красота и грандіозность мечети Шахъ-зинда, говорять, были причиною того, что самъ знаменитый Тимуръ не разъ избиралъ ее въ качествѣ лѣтней резиденціи своей и однажды въ бытность свою въ мечети, начерталъ будто-бы собственноручно какую-то надпись у стѣны усыпальницы главнаго святаго. Впрочемъ, этой надписи никто изъ муллъ не можетъ указать въ настоящее время.

Заканчивая описание мечети Шахъ-зинда, не можемъ не поставить на видъ описание этой-же мечети, сдѣланное извѣстнымъ ученымъ, профессоромъ восточныхъ языковъ въ Пештѣ, Г'ерманомъ Вамбери. Это описание представляетъ собой лишь одну путаницу, не дающую ровно никакого представления о дивномъ произведении восточного гenія и объяснимую только тѣмъ положениемъ, въ которомъ былъ этотъ учennyй во время своего путешествія по Средней Азіи: скрывая свое настоящее имя и происхожденіе подъ рубицами странствующаго дервиша, онъ ежеминутно опасался за собственную жизнь и потому не могъ ни вести подробнаго дневника, ни останов-

¹⁾ Русская Мысль, 1891, XII, 4.

ливаться съ должнымъ вцимавіемъ на главныхъ досто-
примѣчательностяхъ города, къ числу коихъ прина-
длежитъ и Шахъ-зинда. Вотъ его слова во всей ихъ
полнотѣ и точности обѣ этой мечети: „Въ этомъ двор-
цѣ (Хазрети-Шахъ-зинда) до сихъ поръ сохранилось
много прежней роскоши и великолѣпія. Онъ помѣ-
щается на значительной возвышенности и къ нему(!)
ведутъ сорокъ (!), довольно широкихъ мраморныхъ(!)
ступеней. Самое зданіе находится въ ковицѣ малень-
каго садика. Нѣсколько (!) маленькихъ коридоровъ
(!) ведутъ къ большой комнатѣ, а отсюда маленькой,
мрачной тропинкой (!!)) можно пройти къ могилѣ свя-
таго. Кромѣ вышеупомянутой комнаты тамъ есть еще
нѣсколько комнатъ съ пестрыми кирпичными стѣнами
и мозаичными полами, потому комнаты и до сихъ
поръ кажутся совершенно новыми“¹⁾.

Изъ другихъ мечетей внутри города Самарканда
слѣдуетъ упомянуть о мечети халифа Касыма, впро-
чемъ, единственно лишь потому, что рядомъ съ ней, во
дворѣ сарата Суфи-Разыка, сохранилось два над-
гробныхъ мраморныхъ камня, подъ которыми погре-
бены какіе-то мусульманскіе святые Самаръ и Ка-
маръ; имена этихъ святыхъ интересны собственно
тѣмъ, что народное преданіе приписываетъ имъ ос-
нованіе самого города Самарканда. Но такое преда-
ніе, разумѣется, не имѣть никакой исторической
правды, такъ какъ городъ Самарканда существовалъ
гораздо раньше появленія въ Средней Азіи самого
мусульманства.

Изъ мечетей, находящихся въ окрестностяхъ го-
рода Самарканда, слѣдуетъ отмѣтить двѣ—мечеть
Ходжи-Ахраръ и мечеть Надиръ-Мухаммада, иначе
мечеть Намазга.

¹⁾ Путешествіе по Средней Азіи, С.-Петербургъ, 1865, 104.

Мечеть Ходжи-Ахраръ находится въ 4 верстахъ
отъ русской части города Самарканда; она построена
около 400 лѣтъ тому назадъ Надиръ-Мухаммадомъ-ди-
ванъ-беки, рядомъ съ маваромъ благочестиваго Ходжи-
Ахрара, потомка Омара, уроженца города Ташкента
(онъ-же Убайдулла), почему и была прозвана мечетью
Ходжи-Ахрара. Ходжа-Ахраръ былъ вызванъ въ Са-
марканъ (1442), для жительства, Абу-Сайдомъ и
умеръ въ 1489 году. Такъ разсказывается обѣ немъ въ
описаніи Самарканда Абу-Тагиръ-ходжи¹⁾ и въ книгѣ
„Мавляна Суфи“, писанной однимъ изъ муридовъ
Ходжи-Ахрара.

Главное зданіе этой мечети представляеть изъ се-
бе правильный, безъ купола, осьмигранникъ, съ ту-
пыми углами, съ высокой аркой противъ двери, съ
просторнымъ дворомъ (60 арш. длины и 43 арш. ши-
рины) и съ обширной тагаратъ-ханой для омовенія
зимой. Въ срединѣ двора, по всѣмъ четыремъ стѣнамъ
и по всѣмъ четыремъ угламъ его, подѣланы глубокія въ одинъ этажъ ниши съ чердаками, а въ ни-
шахъ устроены помѣщенія для мулль и ихъ учени-
ковъ, числомъ 30. По обыкновенію, стѣны этой мече-
ти изукрашены разноцвѣтными плитками, большими
треугольниками, а также бѣлыми, синими, голубыми
и золотистыми цвѣтами, и на самыхъ видныхъ мѣс-
тахъ испещрены различными надписями. Эта мечеть
славилась своимъ кораномъ, писаннымъ почеркомъ куфи
руково сподвижника Магомета, Османа. Этотъ коранъ
представляетъ собой единственный и точный списокъ
вѣроучительной книги Магомета, написанной на
бараньихъ лопаткахъ и хранившіся у вдовы умер-

¹⁾ Самарканъ, Миры-Барата, издание И. Остроумова, Ташкентъ,
1884, 22.

паго пророка. На немъ видны слѣды крови самаго калифа Османа, который былъ убитъ избунтавшемся черною, въ собственномъ дворцѣ, во время чтенія имъ священной книги. Изъ всѣхъ преданій, указывающихъ на времена занесенія корана въ Туркестанъ, наиболѣе правдоподобнымъ кажется то преданіе, которое связываетъ это дѣло съ именемъ Тимура: коранъ Османа, какъ говорятъ, есть одинъ изъ манускриптовъ, которые Тимуръ, будучи самъ писателемъ, старательно собиралъ отовсюду въ свою столицу, Самарканда. Послѣ взятія русскими города Самарканда этотъ коранъ былъ купленъ губернаторомъ Абрамовымъ у местныхъ имамовъ за 125 рублей и отправленъ въ Императорскую С.-Петербургскую публичную библиотеку¹⁾.

Могила самого святаго находится въ мечети, въ концѣ двухъ небольшихъ, усаженныхъ деревьями, двориковъ; въ послѣднемъ изъ этихъ двориковъ имѣется прекрасный, также небольшой, прудикъ съ превосходною, чистою, какъ хрусталь, водою. За этимъ прудикомъ возвышается квадратный черно-срѣдний мраморный памятникъ, 14½ аршинъ длины и ширины, и нѣсколько меньше 2 аршинъ высоты; къ нему, справа, придѣланъ такой же памятникъ, 4 аршина съ 6 вершками ширины и шестью аршинъ съ шестью вершками длины. На обоихъ этихъ памятникахъ имѣется 16 мраморныхъ, испещренныхъ различными надписями, плитъ, изъ коихъ 8 подняты на памятникъ вертикально, а 8 положены горизонтально. Между этими плитами есть одна плита надъ прахомъ Ходжи-Ахрага, неизбѣжно обложенная рогами сайгаковъ. Рядомъ съ памятникомъ раскинулось древнее кладбище, также съ остатками различныхъ намогильныхъ плитъ.

¹⁾ Ежегодникъ Маева, С.-Петербургъ, 1874, III, 401.

Вправо отъ памятника стоитъ еще одна небольшая съ голыми стѣнами, но съ раскрашеннымъ потолкомъ, мечеть; рядомъ съ ней имѣются 4 комнаты, а за ней особое помѣщеніе для мутавалія, т. е. эконома мечети и школы.

Мечеть Намазга построена тѣмъ же Надиромъ-Мухаммадомъ-Диванъ-беги и имѣла въ окружности 50 ташаповъ (каждый ташапъ равняется 400 саж.). Это самая бѣдная изъ всѣхъ мечетей Самарканда. Хотя она сохранилась сравнительно съ другими весьма хорошо, но служба въ ней происходитъ одинъ разъ въ годъ, ранней весной, около времени нашего праздника Пасхи. Мечеть эта увѣнчана большимъ куполомъ, украшеннымъ полосами изъ синихъ, голубыхъ и желтыхъ плитокъ. Противъ этой мечети стоитъ большая арка, а близъ нея по три малыхъ, справа и слѣва, отъ арки. Внутри мечети сдѣланъ небольшой, изъ 7 мраморныхъ ступеней, мирабъ для проводы муллы. Ни арки, ни внутренняя помѣщенія этой мечети не имѣютъ никакихъ украшений. Все богатство ея состоитъ въ обширномъ, въ нѣсколько десятина, дворѣ, съ тѣнистыми деревьями и тремя, однимъ большимъ и двумя малыми, прудами (хаузами). Стоящія передъ мечетью ворота сдѣланы всего липь около полугода тому назадъ.

Слѣдуетъ замѣтить вообще, что каждая изъ описанныхъ мечетей въ одно и тоже время была и мадрасой: въ ней отведены были помѣщенія для ученыхъ и учащихся мусульманъ. Помѣщенія эти дѣлались во всѣхъ стѣнахъ, окружавшихъ дворъ мечети; тутъ размѣщались ученые, учащіеся, благочестивые муллы, имамы, предававшіеся и по днямъ и по ночамъ тихому религиозному міросозерцанію. Усѣвшісь въ восточной позѣ, поджавши подъ себя ноги, кто среди комнаты, кто во дворѣ, у какой-нибудь колонны,

кто у одной изъ арокъ, муллы тихо шептали стихи изъ корана; совершенно закрывъ свои глаза и вполнѣ отрѣшившись отъ видимаго земнаго міра, они слегка покачивали своими головами то въ одну, то въ другую сторону и медленно перебирали навѣшанными на рукахъ четками.

Изъ мавзолеевъ города Самарканда самый замѣчательный мавзолей надъ прахомъ Тимура, известный у туземцевъ подъ именемъ Гуръ-эмира („Могила по-велителя“) и неправильно называемый у нѣкоторыхъ туристовъ мечетью. Гуръ-эмиръ находится неподалеку отъ почтовой станціи и превосходнаго такъ называемаго Абрамовскаго парка.

Передъ фасадомъ Гуръ-эмира стоитъ невысокій порталъ съ двумя выступающими впередъ колонками, украшенными кубиками, изразцами, звѣздами, цвѣтами; верхъ портала исписанъ надписями голубаго, синяго, зеленаго, бѣлаго и золотистаго, теперь уже нѣсколько поблекшаго, цвета; по угламъ портала видны слѣды арабесковъ. За порталомъ слѣдуетъ небольшой квадратный (50 аршинъ длины и 50 ширины) дворикъ, вымощенный плитнякомъ и обнесенный невысокою кирпичною оградою, слѣданною уже въ послѣднее время, послѣ взятія города русскими. Въ концѣ дворика, прямо противъ портала, возвышается самий мавзолей. Съ правой стороны его (передъ зрителемъ) отдѣляется великолѣпный, съ полуразрушенной верхушкой, минаретъ; средняя часть минарета украшена громадными витыми, зеленаго съ синимъ цветомъ, полосами;; остатокъ капители отдѣланъ синимъ, зеленымъ и бѣлымъ цветами.

Правая сторона фронтона самого мавзолея мѣстами изукрашена шестилистvenниками голубаго съ бѣлымъ цветомъ, разноцвѣтными съ осьмью концами звѣздами, голубыми кубиками, большими кружками

бѣлаго, зеленаго и голубаго цветовъ; мѣстами отдѣлана рѣшетчатымъ (въ родѣ спинки английскихъ желѣзныхъ кроватей) украшеніемъ; вдоль всей стѣны протянута колонка, украшенная шестилистvenниками голубаго съ бѣлымъ цветомъ, а во всю ширь ея слѣданы три арки, заложенные въ настоящее время кирпичемъ, кромѣ одной средней, дверь которой ведеть въ особое боковое помещеніе, усыпаныиу отдаленныхъ родственниковъ Тимура, счетомъ восемь человѣкъ, скрытыхъ подъ осьмью сѣро-мраморными надгробными плитами.

Къ средней части фронтона ведеть небольшая мраморная лѣстница, за которой слѣдуютъ двѣ деревянныя двери, изъ коихъ одна совершенно новая, а другая древняя карагачевая, изумительно тонкой рѣзбы съ инкрустацией и оригинальнѣйшими петлями и замками; надъ дверью слѣдано два окна, изъ коихъ одно совсѣмъ открыто, другое задѣлано бѣлыми звѣздочками и треугольниками: вокругъ дверей протянута надпись, открывающая имя строителя мавзолея: „Бѣлый Абдулла, сынъ Махмуда Испаганскаго“. По увѣренію мѣстныхъ мулль зданіе мавзолея построено за 34 года раньше смерти Тимура. Надъ центральною частью мавзолея поднять огромный куполь, освѣщенный четырьмя открытыми окнами и изукрашенный, по обыкновенію, сочетаніемъ пяти различныхъ цветовъ. Верхняя часть этого купола опоясана сверху внизъ, на подобіе огромныхъ полудугъ, толстыми полосами; за этими полосами идутъ треугольники синяго, голубаго и оранжеваго цветовъ; за треугольниками слѣдуютъ четыре пояса: первый голубой съ синимъ; второй голубой съ зеленымъ; третій зеленый съ преобладаніемъ надъ голубымъ; четвертый, самый широкій изъ поясовъ, зеленаго, бѣлаго и синяго цветовъ.

Лѣвая сторона фронтона изукрашена изразцами зеленаго и бѣлаго и надписями голубаго и бѣлаго цвѣта; въ ней сдѣлана деревянная рѣзная дверь, ведущая въ небольшую, въ родѣ передней, комнату, и за ней въ длинное, въ родѣ корридора, полуутемное помѣщеніе, называемое по арабски Раграви-да-раматъ¹⁾). Надъ лѣвой стороной фронтона нѣкогда возвышался высокій минаретъ, теперь совершенно развалившійся. Въ одну линію съ дверью въ лѣвой сторонѣ фронтона, но только нѣсколько дальше отъ самой двери, сдѣлана глубокая камера, подъ сводами которой погребено пять покойниковъ, одинъ внукъ Тимура и четыре товарища друга Тимура, Миръ-Берке-Саида. Надъ тремя изъ этихъ покойниковъ лежать мраморныя плиты, надъ двумя — кирпичныя.

Въ общемъ мавзолей Тимура представляеть собой правильный осьмигранникъ, вѣнчающійся на верху огромнымъ куполомъ, нѣкогда обставленный съ обѣихъ сторонъ минаретами и превосходно разукрашенный разными цвѣтами съ преобладаніемъ, однако, надъ всѣми другими голубаго цвѣта; на самыхъ видныхъ мѣстахъ этого мавзолея, по дорогому камню япимъ, вырѣзаны стальными и алмазными инструментами, въ почеркѣ сюльск., имена Тимура, его отца и предковъ²⁾). Подъ сводами этого мавзолея покоятся если не половина, то цѣлая треть исторіи всей Средней Азіи.

Внутренность мавзолея Тимура раздѣлена на два помѣщенія, верхнее и нижнее. Верхнее помѣщеніе

въ самомъ центрѣ имѣть одну большую комнату; въ которой лежить девять различной величины намогильныхъ камней; изъ этихъ камней восемь приходятся въ самомъ центрѣ комнаты, одинъ у правой стѣны, противъ михраба: первые восемь камней ограждены одною общею невысокою мраморною четырехъ-стороннею рѣшиетчатою оградой; послѣдній девятый камень огражденъ особою, также низкой мраморной оградой.

Главное мѣсто между всѣми камнями принадлежитъ намогильному камню Тимура. Это большой, прекрасно отполированный, чистый, почти безъ всякихъ постороннихъ включеній, темно-зеленый нефритъ, состоящій изъ двухъ вмѣстѣ сложенныхъ, плотно другъ къ другу пригнанныхъ и почти равныхъ по длини половинъ. У туземцевъ онъ извѣстенъ подъ именемъ камня Сютона или Таша. На камень поарабски и поперсидски сдѣлана надпись, которая, по словамъ академика барона Розена, содержитъ въ себѣ: „Во-первыхъ, генеалогію Тимура до Туманай-хана; во-вторыхъ, генеалогію Чингизъ-хана до Бузанджара, сына Аланкува; въ-третьихъ, разсказать о томъ, какъ Аланкува забеременѣла отъ луча солнца, проникшаго въ ея палатку черезъ верхнее отверстіе; въ четвертыхъ, точное указаніе дня смерти Тимура — 14 числа мѣсяца Шаабана, года 807; тутъ упоминается еще, что по другимъ свѣдѣніямъ Тимуръ происходилъ отъ Алія, сына Абу-Талиба“³⁾.

Камень этотъ привезенъ былъ, какъ доказываетъ профессоръ Мушкетовъ, изъ области Хотана, лежащей у сѣверной подошвы западнаго конца Күэнь-Луня; считая его за цѣльный камень, проф. Муш-

1) Порусски собственно значить дорога для входа, т.е. отдаленіемъ значаю коридоръ для входа; здесь хулы читаютъ корантъ.

2) Самаркандъ. Сочиненіе Абу-Тагиръ-ходжа, собрано Мирзой-Баратомъ, издано Остроумовъ, Ташкентъ, 1884.

3) Мушкетовъ. Туркестанъ, С.-Петербургъ, 1886, I, 377.

кетовъ называетъ его единственнымъ изъ всѣхъ до сихъ поръ извѣстныхъ образцовъ монолитовъ нефрита; по его измѣрению, камень имѣеть длины 1, 92 метра, ширины сверху 36, 75 сантиметровъ, снизу 34 сантиметра, высоты 30 сантиметровъ; по нашему измѣрению, 11 четвертей длины, 2 четверти съ $\frac{1}{2}$ вершкомъ ширины и 2 четверти высоты. Камень лежитъ на фундаментѣ бѣлого известняка и направленъ изголовьемъ въ сторону священного для мусульманъ города Мекки. Надпись, сдѣланная на немъ, по замѣчанію Абу-Тагиръ-ходжи, вырѣзана стальными и алмазными инструментами.

Относительно того, кто и какъ разбилъ этотъ камень Сютопъ, существуетъ два преданія: по одному, это дѣло рукъ персидскаго царя Шахъ-Надира, который, завоевавъ Самаркандъ, приказалъ снять и привезти въ свою столицу дорогой камень или только съ цѣлью посмотретьъ на него, или же надѣясь найти въ немъ сокровища; въ это именно время и былъ разбитъ завѣтный камень.

По другому преданію, это сдѣлали неизвѣстные воры уже въ то время когда камень былъ привезенъ въ Самаркандъ для укладки его на могилѣ Тимура: они прослышали, будто онъ внутри состоитъ изъ золота, и потому ночью похитили его и стали наыватьвать на верблюда, но въ это время случайно разбили и, не найдя въ немъ золота, бросили на мѣсто, а сами безслѣдно скрылись. Тогда двѣ половины камня сложены были въ одно цѣлое, отѣланы и установлены на мѣсто, противъ могилы Тимура.

Соответствуетъ ли приведенное преданіе дѣйствительности, этотъ вопросъ, разумѣется, излишній. Неизлишне, однако же, сказать, вопреки мнѣнію профессора Мунисетова, что сдва ли оба куска этого камня никогда составляли одно цѣлое. Къ тому приво-

дить внимательный осмотръ обѣихъ половинъ камня: ни общій рисунокъ, ни мелкая пятна, ни отдельные жилки одной половины камня не соответствуютъ тому же другой половинѣ его; даже больше того: усматривая длинную жилку на самой срединѣ одной половины камня въ мѣстѣ надлома его, мы вовсе не видимъ продолженія той же жилки въ изломѣ другой половины его.

Также позволительно сдѣлать замѣчаніе и относительно мѣста родины знаменитаго камня. Дѣло въ томъ, что совершенно одинаковая порода нефрита съ породой Сютопа имѣется не только въ мѣстахъ далекаго Хотана, но и въ мѣстахъ болѣе близкихъ къ Самарканду, какъ напримѣръ въ Бухарѣ. Это подтверждаютъ образцы нефрита, найденные жителемъ города Самарканда, капитаномъ Л. С. Барщевскимъ, много лѣтъ путешествовавшимъ по Бухарѣ и составившимъ у себя прекрасную коллекцію минераловъ бухарскаго ханства. Отсюда возможно предположеніе о вывозѣ камня Сютопа не изъ Хотана, а изъ Бухары. Но если оцѣльности и мѣстѣ родины камня Сютопа можно говорить разнорѣчиво, то о мѣстѣ обработки его не можетъ быть никакого разнорѣчія: шлифовка его происходила несомнѣнно уже по доставкѣ на мѣсто, близъ самого мавзолея Тимура. Дѣло въ томъ, что при распланировкѣ города Самарканда, послѣ взятія его русскими, въ улицѣ, ведущей къ Гуръ-эмиру, найдено было руководителемъ работъ З. Э. Жижемскимъ цѣлое гнѣздо нефритовыхъ обломковъ, однородныхъ съ камнемъ Сютопомъ.

Вокругъ камня Тимура лежать семь другихъ камней: надъ прахомъ его друга Миръ-Саида-Берке (сѣромраморный), старшаго сына 'Тимура' Мухаммадъ-

¹, По указанію историка Шерифеддина, у Тимура было 36 сыновей и 17 дочерей: Исторія Тимури-бека, IV, 301.

Джагангира (съромраморный), внука Тимура (сына Джагангира) Мирзы-Пирь-Мухаммада-Султана, умершаго 19 лѣтъ отъ роду, въ 1385 году (алебастровый), седьмаго сына Тимура Мираншаха (съромраморный), министра Кумаръ-Ивака (алебастровый), двухъ малолѣтнихъ дѣтей Сайдъ-Берке (оба алебастровые); кромѣ этого, за особой оградой, у самаго михраба, лежитъ отдельно съро-мраморный камень надъ прахомъ министра Атгумъ-Умара¹).

У камня Тимура подняты бунчукъ и бѣлое знамя, какъ знакъ его чистоты и правдивости, и тутъ же поставленъ „чирагъ-микаръ“ для зажиганія свѣчей, а у камня Умара водруженъ большой бунчукъ, по обыкновенію, увѣшанный маленькими лоскутками разноцвѣтной матеріи.

Рассказываютъ, будто Гурь-эміръ построенъ Тимуромъ собственно для его друга Миръ-Саида-Берке (правильнѣе Баракъ), къ которому великій завоеватель питалъ во всю жизнь глубокое уваженіе за его святость, происхожденіе, первое пріиѣтствіе Тимура титуломъ „султана“ и за предсказаніе въ пользу Тимура нѣкоторыхъ побѣдъ надъ его заклятыми и самыми страшными врагами. Объ отношеніяхъ Тимура къ Миръ-Саиду-Берке находимъ слѣдующія указанія у персидскаго историка, современника Тимура, Али Шерефеддина. Въ 1367 (769) году Тимуръ, во время войны съ Хусайномъ, недалеко отъ Термиза, впервые познакомился съ благочестивымъ турецкимъ монахомъ, потомкомъ Мухаммада, Шерифомъ-Сайдъ-Берке, считавшимся за его убѣжденія святымъ человѣкомъ. Сайдъ-Берке находился здѣсь случайно²); онъ подошелъ

¹⁾ По другимъ указаниемъ это какой-то богатый бухарскій бупецъ; Ежегодникъ Маэса, С.-Петербургъ, 1878, II, 287.

²⁾ По замѣчанію Абу-Тагира-ходжи, Миръ-Сайдъ-Берке былъ родомъ изъ Балха.

къ Тимуру, подалъ ему тамбуръ и знамя и запѣлъ съ вдохновеннымъ видомъ священный гимнъ, гласившій о побѣдѣ, а вслѣдъ за этимъ предсказалъ Тимуру царскій тронъ. Съ тѣхъ поръ Тимуръ заключилъ съ нимъ неразрывную дружбу. и Берке навсегда поселился съ Тимуромъ. Тимуръ тогда же рѣшилъ, что послѣ смерти они оба должны быть вмѣстѣ погребены подъ однимъ мавзолеемъ и что его лицо должно быть обращено въ сторону Берке съ тою цѣлью, чтобы въ день страшнаго суда, когда всякий подниметъ руки къ небу и будетъ умолять близъ лежащихъ людей о ходатайствѣ передъ Богомъ, то чтобы руки Тимура могли цѣпляться за платье святаго человѣка, потомка пророка Мухаммада. Эта дружба продолжалась до самой смерти Сайдъ-Берке, послѣдовавшей въ 1403 (806) году. Сайдъ-Берке заболѣлъ во время зимовки въ Карабагѣ; болѣзнь его была такъ тяжела, что, сколько ни старались возлѣ него врачи, онъ не могъ встать съ постели и съ полной покорностью волѣ божіей перешелъ въ иной міръ. Тимуръ горько оплакивалъ смерть своего лучшаго въ мірѣ друга, затѣмъ приказалъ перевезти дорогой прахъ покойника въ Андкудъ, откуда вносились иеромоники, послѣ смерти Тимура, остатки Сайдъ-Берке перенесены были въ Самаркандъ и погребены рядомъ съ Тимуромъ и его внукомъ Мирзой-Пирь-Мухаммадъ-Султаномъ, подъ однимъ мавзолеемъ: съ одной стороны Тимура лежитъ Сайдъ-Берке, а съ другой Мухаммадъ-Султанъ¹).

Внутреннее помѣщеніе Гурь-эміра носить на себѣ слѣды великолѣпныхъ украшеній: стѣны его, въ нижнихъ частяхъ, облицованы мавританскимъ

¹⁾ Cherefeddin Ali. Histoire de Timur-bec, Traduite de la Croix, 1723, a Delf, I, 182, IV, 141, 284.

алебастромъ, въ солнечный день переливающимъ всѣми цветами небесной радуги; средняя часть стѣнъ изукрашена разноцвѣтными изразцами, плитками и золотыми изъ корана надписями; углы сводовъ отдѣланы сталактито-образными арабесками; полъ по самой срединѣ выложенъ мѣстнымъ мраморомъ, а по бокамъ известнякомъ мраморовидной породы.

Таково верхнее помѣщеніе Гурь-Эмира. Что касается нижняго, то оно представляется въ нѣсколько иномъ видѣ. Въ него ведетъ изъ верхняго помѣщенія небольшая, всего лишь изъ 7 ступеней, темная мраморная лѣстница. По устройству своему—это обыкновенный подвалъ, неимѣющій никакихъ украшеній, но устланной мраморными плитами²⁾). Въ немъ-то именно и погребены останки Тимура и всѣхъ близкихъ ему, выше названныхъ лицъ. Надъ каждымъ изъ покойниковъ положены длинныя намогильныя плиты, пять мраморныхъ и четыре алебастровыхъ; они расположены въ такомъ-же порядкѣ, какъ и въ верхнемъ помѣщеніи и также, какъ и тамъ, исписаны кругомъ надписями.

Ко всему сказанному о Гурь-Эмирѣ нужно добавить еще то, что внутренность этого прекрасного архитектурного произведенія, къ немалому сожалѣнію, постоянно загаживается навозомъ египетскихъ голубей, которыхъ такъ много во всемъ Туркестанскомъ краѣ и къ которымъ туземцы питаютъ какое-то благоговѣйное уваженіе, а потому и не рѣжутъ и не употребляютъ ихъ въ пищу; отъ этого они вездѣ гнѣздаются: и на крышахъ домовъ, и подъ крышами дво-

²⁾ У Вейбера лѣстница, ведущая изъ верхняго помѣщенія въ нижнее, названа „лѣстницей“, а о самой помѣщеніи сказано, будто бы оно очень похоже на верхнее своимъ арабескамъ: Путешествіе, С.П.Б., 1865, 106.

ровъ и подъ куполами мечетей, и внутри могильныхъ памятниковъ. Отъ этого-же всѣ зданія въ городахъ Туркестанскаго края, особенно тѣ изъ нихъ, которыя имѣютъ карнизы, положительно обезображены этой птицей, къ тому-же странно раздражающей свойствомъ безпрерывнымъ турчанъ слухъ даже и не особенно нервнаго человѣка.

Кромѣ перечисленныхъ мечетей и памятниковъ въ самомъ городѣ Самарканѣ въ окрестностяхъ его есть также нѣсколько памятниковъ старины, каковы: подвижническія кельи, народныя училища (числомъ до 20) и могилы разныхъ святыхъ (числомъ до 200). Между послѣдними особенно славится могила святаго Даньяра (Даниила), сподвижника Касымъ-ибнъ-Аббаса, находящаяся въ тѣсной долинѣ, у подошвы Афросіаба, и славящаяся непомѣрнымъ ростомъ погребенного въ ней святаго. По словамъ простыхъ мусульманъ, этотъ святой постоянно прибавляется въ свое мѣсто ростъ по мѣрѣ усердія къ нему правовѣрныхъ. По словамъ ученыхъ мусульманъ, ростъ не самъ Даньяръ, а его могила, потому что у ногъ его постепенно хоронятъ его ближайшихъ родственниковъ и тѣмъ постепенно же удлиняютъ могилу святаго. Въ настоящее время она имѣеть безъ одной четверти 26 аршинъ длины, почти 3 аршина ширины и $2\frac{1}{2}$ аршина (у изголовья) высоты.

Особенное множество могилъ святыхъ какъ въ самомъ городѣ, такъ еще больше того въ его окрестностяхъ, подало поводъ туземцамъ назвать городъ Самарканѣ именемъ „Чарбаги-Вузрукана“, т. е. „Садомъ угодниковъ“.

Изъ памятниковъ нерелигіознаго характера въ окрестностяхъ Самарканда имѣются еще такъ называемый лагерь Тимура и развалины Афросіаба.

Лагерь Тимура (скорѣе одинъ изъ загородныхъ

замковъ), находится въ 9 верстахъ отъ русского Самарканда, за Царгомонъ, въ степи, оправившейся въ древнее время Манашемъ, близь Шахрисяблскаго ущелья, на лѣвой сторонѣ ущелья Агалыка, противъ кишлака Чанака. По своей формѣ этотъ лагерь представляется изъ себя четырехугольникъ около полуторы версты длины и одной версты ширины. Въ самомъ центрѣ его возвышается бугоръ Чунъ-чуль, господствующій надъ всей мѣстностью. На этомъ бугорѣ, говорятъ, стояла палатка Тимура, изъ которой онъ смотрѣлъ на парадировавшія передъ нимъ войска. Все пространство лагеря обнесено высокими глинянитыми стѣнами, въ однихъ мѣстахъ совершенно уцѣлѣвшими, въ другихъ совершенно обвалившимися. Центральный бугоръ лагеря подвергался раскопкамъ известнымъ романистомъ Всеволодомъ Крестовскимъ и, какъ говорятъ, раскрылъ передъ копателемъ фундаментъ какого-то зданія очень древней кладки.

Развалины Афросіаба находятся между арыками Сіабомъ и Сіабчей и представляютъ собой видъ не-правильного четырехугольника, имѣющаго окого 5 верстъ въ окружности. Думаютъ, что городъ Афросіабъ это тоже, что городъ Маракандъ, переименованный въ Афросіабъ, по имени своего строителя, иранскаго царя Афросіаба, хотя въ имени этого города нельзя не видѣть имени арыка Сіабъ, означающаго съ персидскаго на русскій языкъ черную воду („сія“—черный, „абъ“—вода). Но въ какомъ вѣкѣ жилъ этотъ царь и на сколько его существованіе неоспоримо, объ этомъ фактическихъ данныхъ мы не имѣемъ. Правда, туземные мусульманскіе ученые говорятъ, что, онъ царствовалъ за 4000 лѣтъ до Р. Х.; но тѣ же туземные ученые утверждаютъ, что Афросіабъ былъ современникомъ Моисея и Александра Дзулькарнайна, т. е. Александра царя македонскаго. Говорятъ также, что Аф-

росіабъ уже черезъ 500 лѣтъ послѣ своего основанія былъ разрушенъ какимъ-то народомъ и съ тѣхъ поръ никогда больше не поднимался изъ подъ своихъ развалинъ. Но кто не знаетъ, какъ широка и какъ богата фантазія восточнаго человѣка, живущаго всегда большие изображеніемъ и творчествомъ, чѣмъ разсудкомъ и критикой? Одно здѣсь несомнѣнно, что тутъ действительно былъ нѣкогда городъ, судя по находимымъ въ городищѣ пережиткамъ человѣка, каковы: кремневыя стрѣлки, бронзовыя зеркала¹⁾, бронзовые предметы мужскихъ и женскихъ уборовъ, различные, металлические и глиняные, сосуды, всевозможныя монеты, разноцвѣтныя стекла, морскія раковины, погребальные урны, глиняные свѣтильники, куски слюды, терракотовыя, съ изображеніемъ людей и животныхъ, фигурки, куски кирпича, древніе колодцы, развалившіяся могильники, памогильныя плиты, земляные валы, каменные стѣны (близь мечети Шахъзинда), а также вблизи Афросіаба подземныя пещеры съ многочисленными внутри ихъ ходами. Произведенныя на развалинахъ Афросіаба археологическія изысканія привели пока къ открытію здѣсь двухъ эпохъ: эпохѣ греко-восточной послѣ Александра Македонскаго и эпохѣ Тимура²⁾.

Не вдалекѣ отъ Афросіаба, на лѣвомъ берегу рѣки Заравшана, имѣется еще такъ называемый мостъ Тимура. Мостъ этотъ состоитъ изъ двухъ кирпичныхъ арокъ, поставленныхъ подъ угломъ одна къ другой и, по совершенно справедливому объясненію начальника ирригациіи въ Самаркандинѣ З. Э. Жижемскаго,

¹⁾ У капитана Л. С. Барщевскаго имѣется бронзовое зеркало, выкопанное имъ лично въ Афросіабѣ и имѣющее въ диаметрѣ 22 сантиметра, или безъ осьмой одну четверть аршина.

²⁾ Русскія древности Толстаго и Кондакова, С.П.Б., 1890, III, 26.

представляетъ изъ себя въ дѣйствительности не мостъ, а водораздѣлъ для упорядоченія течеія рѣки Заравшана. Это тѣмъ вѣроятнѣе, что ниже этихъ арокъ открыть былъ тѣмъ-же г-мъ Жижемскимъ въ русль рѣки водосливъ, уничтоженный уже въ самое послѣднее время. Есть указаніе, что арки эти были возведены въ 1571 году при ханѣ Шадманъ-Маликѣ, изъ династіи Шейбанидовъ.

V.

Путь отъ Самарканда до Ташкента; переправа черезъ рѣку Заравшанъ; арбы, грилюды, ишаки; почва окружающей мѣстности; жилища обитателей; народность и значеніе слова сартъ, характеристика сартовъ, замкнутость женщинъ; значеніе поездки въ Среднюю Азію для всякаго русскаго ученаго человѣка; важнѣе постоки на жизнъ людей древней Руси.

Отъ Самарканда до Ташкента путешественникъ долженъ проѣхать на лошадяхъ 13 станцій—Джамбай, Каменныій-мостъ, Сарайлыкъ, Яны-курганъ, Джизакъ, Учъ-Тюбе, Агачлы, Мурзарабадъ, Малекъ, Чиназъ, Иски-Ташкентъ и Ніазбапъ—на протяженіи 285 верстъ, за 25 рублей одинъ или за $12\frac{1}{2}$ съ попутчикомъ, если такой найдется, что, впрочемъ, всегда возможно, если объявить о томъ на станціи вольныхъ почтъ, находящейся рядомъ съ почтамтомъ и телеграфомъ. Всего лучше отправляться изъ Самарканда въ путь около 5 часовъ утра, въ тѣхъ видахъ, чтобы переправиться черезъ рѣку Заравшанъ, находящуюся verstахъ въ 8 вышѣ Самарканда, во время незначительнаго въ нее прилива воды изъ горъ. Дѣло состоить здѣсь въ томъ, что эта рѣка, получая свои воды отъ таящихъ снѣговъ въ горахъ, въ жаркое время дня бываетъ полноводнѣе, въ прохладное мелководнѣе: за ночь она значительно понижается, и потому къ утру дѣлается болѣе удобною для переправы, чѣмъ въ другое время дня.

Пріятно путешественнику вылѣзти изъ закупоренного ящика, называемаго вагономъ, и пересѣсть въ открытый тарантасъ, запряженный бойкою тройкой степныхъ азіатскихъ лошадей; при всемъ томъ и поѣздка въ открытомъ экипажѣ, если впереди предстоитъ перспектива проскакать 285 верстъ, едва-ли можетъ доставить пріятное удовольствіе, особенно въ лѣтній зной и подъ неумолимо палящими лучами средне-азіатского солнца. Но вся такая прелесть признается путешественникомъ только подъ конецъ дороги, а до тѣхъ поръ онъ весело вваливается въ крытый сзади и совершенно открытый спереди тарантасъ и со словомъ „айды“ пускается въ путь. Впереди тарантаса сидитъ ямщикъ, типичный киргизъ, въ типичной войлочной шапкѣ, покроя шапки на каменной бабѣ въ Новороссіи. Время отъ времени этотъ ямщикъ берется за небольшую темную цвѣта тыковку или синій пузырекъ, чаще всего висящій у него за поясомъ, рѣже спрятанный за пазухой, вытряхиваетъ изъ него на ладонь темно-зеленаго цвѣта табакъ и запихиваетъ этотъ табакъ въ ротъ подъ языкъ, долго жуетъ его во рту и потомъ выбрасываетъ вонъ изо рта. Эта страсть жеванія табаку между туземцами распространена повсемѣстно и вызываетъ у непривыкшаго къ такому зрѣлищу человѣка положительное отвращеніе.

Первое, что обращаетъ на себя особенное вниманіе путешественника, отѣхавшаго вѣсколько верстъ отъ Самарканда, это переправа черезъ рѣку Заравшанъ. Рѣка Заравшанъ, у древнихъ писателей¹⁾ Политиметъ, т. е. Многопочтенная, имѣть

¹⁾ Страбонъ. Географія, Москва, 1879, 528; Аппіанъ. Походы Александра, С.П.Б., 1887, 465; Quinti Curtii Rufi. De rebus Alexandri Magni, Lipsiae, MDCCXLV, VII, 10, 1—3.

очень быстрое теченіе и разливается не однимъ, а вѣсколькими рукавами, съ значительными между ними промежутками совершенно свободными отъ воды. Дѣхавъ до рѣки, ямщикъ останавливается, приглашаетъ проѣзжающихъ вылѣзти изъ тарантаса и вынуть наружу всѣ свои вещи. Путешественники выходятъ изъ тарантаса и видятъ передъ собой необыкновенной высоты двухъ-колесныя арбы и возлѣ этихъ арбъ вѣсколько человѣкъ арбакешей. Арбакешъ бросается къ вещамъ путешественниковъ, поднимаетъ ихъ по лѣстницѣ на одну изъ арбъ, укладываетъ возможно плотнѣе одну возлѣ другой, увязываетъ тщательно веревками и потомъ, втиснувши лошадь въ оглобли, а самъ взобравшись ей на хребтъ, пускается вплывь черезъ рѣку. Вода въ рѣкѣ песется съ неимовѣрной быстротой и хотя вѣсколько относить арбу внизъ по теченію, но все-же не дѣластъ ей никакого вреда. Дѣло въ томъ, что арба эта, будучи поставлена на два колеса, изъ коихъ каждое имѣть въ окружности 15 аршинъ (въ обыкновенномъ колесѣ арбы 9 аршинъ) и надѣто на ось не прямо, а такъ, что нижняя часть его вѣсколько выступаетъ наружу, а верхняя вдавливается во внутрь,— такая арба и прекрасно сопротивляется теченію и прекрасно сохраняетъ вещи отъ подмочки водой. Въ слѣдъ за арбой плыветь по рѣкѣ и тройка съ тарантасомъ, который почти подъ самую будку иногда заливается водой. Послѣ четверти часа времени путешественникъ переплываетъ рѣку Заравшанъ уплачиваешь за переправу арбакешу 30 копѣекъ, вновь складываетъ свои вещи въ тарантасъ и продолжаетъ свой дальнѣйший путь уже безпрепятственно до самого Ташкента. Зато сѣвши въ тарантасъ, онъ чувствуетъ себя вѣскоторое время въ чрезвычайно томительномъ состояніи. Дѣло въ томъ, что отъ во-

ды, попавшей въ тарантасъ во время переправы, вслѣдствіе дѣйствія жгучаго солнца, отдаляются пары, которые наполняютъ собой будку и поднимаютъ температуру, и безъ того высокую, до того предѣла, когда человѣкъ совсѣмъ задыхается и чувствуетъ какое-то особенно беспокойное томленіе во всемъ тѣлѣ. Но такое состояніе, къ счастью, продолжается небольшое часу, послѣ чего путешественникъ приходитъ въ нормальное состояніе; тѣмъ болѣе, что теперь съ каждымъ шагомъ для него открывается масса новыхъ и любопытныхъ явлений.

Прежде всего бросается въ глаза путешественнику то, что онъ ёдетъ нѣсколько верстъ по пре-восходѣйшій аллѣѣ, окаймленной глубокими арыками съ обѣихъ сторонъ, обсаженной съ обѣихъ же сторонъ двумя рядами тѣнистыхъ деревъ и въ добавокъ усердно политой арычною водой. Поливку эту производятъ, черпая воду желѣзными ведрами изъ арыковъ и выбрасывая ее на дорогу, босые, полуголые, совершенно бронзоваго цвѣта туземцы, одѣтые только отъ поясницы внизъ до колѣнъ, всегда съ гладковыбритыми головами, покрытыми такъ называемыми тюбетейками, по формѣ совершенно схожими со скуфьями нашихъ православныхъ священниковъ. Пріятная свѣжесть отъ воды и густая отъ деревьевъ тѣнь дѣлаютъ совершенно нечувствительную жару, дающую страшно себѣ знать въ открытой мѣстности Средней Азіи уже съ 9—10 часовъ утра. Особенно цѣнно въ этомъ отношеніи дерево, носящее название карагача („кара“ —черный, „агач“ —дерево). По своему виду карагачи бываютъ двухъ родовъ — сада и боджимъ; сада — это дерево съ круглой, въ видѣ шапки, но огромной по размѣрамъ коронкой; боджимъ съ конусообразной, обращенной книзу, коронкой, нѣсколько меньшей по размѣрамъ;

но оба вида этого дерева отличаются такимъ обилиемъ темновеленыхъ листьевъ и такою густотою ихъ, что чрезъ вѣтви карагача не проникаютъ ни лучи солнца, ни капли дождя. Ставъ подъ вѣтви карагача, человѣкъ становится точно подъ зонтикомъ огромныхъ размѣровъ и совершенно не боится здѣсь ни солнца, ни дождя.

Затѣмъ, не менѣе самой аллеи, по которой несется путешественникъ отъ Самарканда впередъ къ Ташкенту, бросаются ему въ глаза цѣлые вереницы бѣлобѣгихъ животныхъ, излюбленныхъ всѣми восточными людьми, благородныхъ, смиренныхъ и невзыскательныхъ верблюдовъ. Верблюды попадаются путешественнику и гораздо раньше не доѣзжая города Самарканда, но тамъ изъ оконъ вагоновъ всматриваться въ нихъ не столь удобно, какъ здѣсь, когда путешественникъ ёдетъ на перекладныхъ, въ открытомъ тарантасѣ. Въ степной равнинѣ Средней Азіи преобладаютъ двугорбые верблюды, айры: одногорбые же, такъ называемы арды, составляютъ здѣсь рѣдкость: они, какъ говорятъ, употребляются для передвиженія тяжестей только въ горахъ. Двугорбые верблюды идутъ длиннѣшими вереницами, одинъ за другимъ, обвязанные съ обоихъ боковъ квадратными тюками и различными товарами, всего чаще тюками хлопка, и предводимые вожатымъ (лауча), ёдущимъ впереди верблужьяго каравана на лошади или на осль. Всѣ верблюды привязаны одинъ къ другому посредствомъ веревокъ, прикрепленныхъ однимъ концомъ или къ току или къ хвосту верблюда, а другимъ къ палкѣ, продѣтой поперекъ въ носовой хрящъ несчастного животнаго. Для того, чтобы сдѣлать дырку въ носу верблюда, ему съ раннихъ лѣтъ протыкаютъ раскаленнымъ желѣзнымъ прутомъ хрящъ и въ прожженную дырку вставляютъ палочку, которая

навсегда остается въ его носу и къ которой потомъ привязываютъ веревку для управления имъ въ пути. Безъ сомнѣнія это—дикій и варварскій способъ прирученія верблюда къ человѣку; несчастное животное, всегда по натурѣ своей пугливое, часто, идя въ караванѣ, бросается отъ болезни къ какому-нибудь невиданному имъ предмету и разрывается пополамъ весь своей хрящъ вмѣстѣ съ переносицей. Въ Бухарѣ проживаніе переносицы верблюдамъ строго воспрещено, и виновники такого варварскаго способа прирученія животныхъ наказываются тамъ лишенiemъ собственныхъ носовъ. Отъ того въ Бухарѣ на всѣхъ верблюдахъ имѣются вмѣсто налокъ уздечки, изукрашенныя иногда бляхами, обмотанныя ленточками и сверху увѣнчанныя, въ видѣ небольшихъ кисточекъ, конскими волосами и пучками травы.

Вереницы верблюдовъ то-и-дѣло тянутся по дорогѣ на встрѣчу проѣзжающимъ; уже издали можно узнатъ движеніе каравана верблюдовъ по особому, какому-то тупому и унылому, звону большихъ и длинныхъ (до полуторы четверти аршина длины) красной мѣди колоколовъ, подвѣшанныхъ подъ шеи верблюдовъ. Верблюды двигаются нескоро: тяжело передвигая свои ноги-толкачи съ мѣста на мѣсто, они какъ-то особенно важно выступаютъ, поднявъ кверху свои небольшія морды и нѣсколько вытянувъ впередъ свои длинныя шеи. Въ песчаной и голодной пустынѣ Средней Азіи верблюдъ съ его раздвоеннымъ копытомъ, съ его терпѣніемъ и удивительною выносливостью никѣмъ и ничѣмъ незамѣнимъ; пески—для него родная стихія, гдѣ онъ находитъ себѣ и мягкое ложе и вкусную пищу, а именно полынь и джантакъ—колючку: чрезъ эти-же пески онъ несетъ огромную тяжесть, совсѣмъ непосильную другимъ животнымъ. Одно только не-пріятно для культурнаго человѣка въ верблюда: это

тотъ рѣзкій и специфическій запахъ, который онъ распространяетъ вокругъ себя.

Но на встрѣчу путешественника єдутъ по дорогѣ не только верблюды, но и лошади, и ишаки. Лошади здѣсь вовсе не отличаются тою породистостью, красотой и граціей, которую мы привыкли соединять съ представленіемъ среднеазіатскихъ коней; напротивъ того, невзрачный видъ мѣстныхъ лошадей даже поражаетъ европейца. Но еще больше того поражаетъ европейца обычай туземцевъ єздить верхомъ по два, чаше иногда по три человѣка на одной лошади. Въ сѣдль обыкновенно сидитъ одинъ человѣкъ, а за спиной его, держась за халатъ, сидитъ другой, чаше всего подростокъ 14, 15, 17 лѣтъ; оба въ длиннополыхъ полосатыхъ халатахъ; оба въ тибетейкахъ или въ коническихъ шапкахъ, а не то въ огромныхъ цвѣтныхъ чалмахъ. Не мало єдетъ людей и на ишакахъ, т. е. ослахъ. На это маленькое крохотное, но съ длинными ушами животное взбирается огромнѣйшаго роста сартице въ длинномъ по самыя пятки халатѣ и въ огромной, точно половина ржанаго снопа, чалмѣ и єздить по дорогѣ, чуть не касаясь земли своими ногами; мало того, онъ посадить сзади себя еще порядочнаго мальчугана, пуда въ полтора тяжестью, и шествуетъ библейскимъ способомъ по узкой дорогѣ, стараясь єхать не только шагомъ, а даже и рысью. точно на какомъ-нибудь скакунѣ.

Двигаются на встрѣчу путешественника и двухъ-колесныя арбы, запряженныя всегда въ одну лошадь. Арба въ Средней Азіи вовсе не то, что арба въ Новороссіи или Малороссіи. Устройство ея слишкомъ просто: дѣлается обыкновенная деревянная лѣстница, три аршина длины и полтора (спереди) или два (сзади) ширины; одинъ конецъ этой лѣстницы переплетается хворостомъ, другой оставляется свободнымъ

отъ переплета; свободный конецъ служить вмѣсто оглобель, куда впряженется лошадь; переплетенный конецъ кладется на деревянную ось съ надѣтymi на нее двумя очень высокими (девять аршинъ въ окружности) колесами,—и арба готова. Для защиты отъ жары на такую арбу ставится иногда сквозная будка, открытая спереди и сзади, но защищенная сверху, а для красоты въ ней расписываются разными узорами и разными красками, преимущественно красной съ черной, наружнія стороны оглобель. Къ арбѣ не полагается ни дуги, ни шлеи, ни черезсѣдельника, ни длинныхъ вождей; самъ возница всегда помѣщается не на арбѣ, а непремѣнно на спинѣ лошади, гдѣ онъ устраиваетъ себѣ особое, въ видѣ сѣдла, углубленіе, а обѣ ноги уставляетъ на оглобли арбы. Устройство и форма арбы, какъ это можно положительно утверждать, не измѣнились въ Средней Азіи со времени потопа,—другого экипажа (ни фэттона, ни брички, ни тарантаса, ни воза, ни телѣги) здѣсь нѣть и никогда не было; самъ ханъ передвигался со своимъ дворомъ и со всемъ своимъ гаремомъ въ той же арбѣ первобытнаго устройства.

Отъ людей и животныхъ, встречающихся по дорогѣ, путешественникъ переносить свое вниманіе на самую почву мѣстности. Почва эта—плодороднѣйший, превосходнаго качества и невѣроятной глубины, лесъ. Онъ залегаетъ здѣсь иногда не только на нѣсколько аршинъ, а даже на нѣсколько сажень (2—4) глубины. Отсюда понятно изумительное плодородіе этого лесса, если только онъ орошень посредствомъ арыковъ или искусственныхъ каналовъ проведеною изъ горъ водою. Какъ великъ бываетъ здѣсь урожай, видно изъ того, что туземецъ, обработавшій и засѣявшій свою миниатюрную полосу, собираетъ въ одинъ разъ столько хлѣба, что запаса отъ него стаетъ не

только на одинъ годъ, а на два и даже на три года. Превосходныя поля риса, сорго, хлопка, разнаго рода шиншицы (кизиль-бугдай, акъ-бугдай, кара-сюллю, яцликъ), проса, джугары, кунака, джунуники (родъ люцерны), кунжути: прекрасные сады винограда, урюка, (абрикоса), тута, смоковницы, персиковъ, гранатовъ, яблокъ, грушъ, вишнъ, сливъ, сиджиды, волошскихъ орѣховъ; изумительные лѣса тополей, карагачей, илимовъ, айлантузовъ (китайскій ясень), таловъ, шунгъи—все это свидѣтельствуетъ о необыкновенномъ богатствѣ и плодородіи лесса.

Однако лесъ самъ по себѣ, безъ воды, бытъ-бы мертвымъ капиталомъ въ этой странѣ. лишенной небесной и атмосферной влаги. Дѣло въ томъ, что страна эта съ начала апрѣля и по начало октября совершенно лишена всякаго дождя, и если въ это время случится дождь, то такое явленіе составляетъ событие первой важности, которое бываетъ предметомъ разговора въ теченіи долгаго времени людей всякаго званія и состоянія. По этому естественная влага замѣняется въ Средней Азіи искусственной: здѣсь человѣкъ похищаетъ воду съ горъ, какъ похитилъ онъ, по греческимъ миѳамъ, съ неба огонь; пропустивъ ее въ искусственные канавы, величиной иногда съ пѣлую рѣку, обыкновенно же не болѣе 3 четвертей глубины и около одной четверти ширины, и опутавъ землю цѣлою системою этихъ канавъ, подобно живому организму со всѣми его кровеносными сосудами, венами и артеріями, человѣкъ обратилъ лесъ въ богатѣшую и ничѣмъ незамѣнимую ниву. Это поистинѣ гигантская работа, стоящая сооруженія всѣхъ египетскихъ пирамидъ и дающая полное право сказать, что человѣкъ побѣдилъ природу въ Средней Азіи.

На почвѣ благодатнѣйшаго лесса, въ тѣни роскошной растительности, у свѣтлыхъ текучихъ водъ

Заравшанской долины уже во время Александра Македонского (IV в. до Р. Х.) существовало множество городов и селений. Теперь въ тѣхъ же мѣстахъ, по дорогѣ отъ Самарканда до Ташкента, существуетъ также не малое число селений, называемыхъ на туземномъ языке кишлаками. Кишлаки эти обилуютъ довольствомъ, обилуютъ населеніемъ, но при всемъ томъ производятъ на человѣка, выросшаго въ европейской культурѣ, и мрачное и давящее впечатлѣніе. Дворы въ кишлакахъ обнесены высокими дувалами, т. е. глинобитными сѣраго цвѣта стѣнами; дома спрятаны въ самомъ концѣ дворовъ и на улицу вмѣсто домовъ выдвинуты конюшни; крыши жилья вмѣсто теса, желѣза, черепицы или соломы, все безъ исключенія, покрыты сѣрой глиной; ворота (совершенный прототипъ великорусскихъ досчатыхъ съ крышей всротъ) подняты выше дуваловъ и поверхъ покрыты деревянной крышей; улицы протянуты до невозможности криво, стороны улицъ сходятся до невозможности близко.

Такое-же впечатлѣніе, какъ жилища, производятъ, за немногими исключеніями, и самые обитатели ихъ; недаромъ-же говорятъ, что на архитектурѣ народа оказывается характеръ его. Обитатели эти носятъ название сартовъ.

Русскій путешественникъ, изѣздившій сѣверную, среднюю, южную и западную Россію, побывавший въ Финляндіи, Польшѣ, Малороссіи, на Кавказѣ и въ Сибири, нигдѣ не услышитъ слова „сартъ“,—впервые онъ встрѣтить это слово, въ примѣненіи къ пѣлому народу, только въ Средней Азіи.

Корень и значение этого слова остается до сихъ поръ неразгаданнымъ, не смотря на то, что въ объясненіи его принимали участіе люди какъ специально призванные къ тому наукой, такъ и случайно заявив-

ше себя въ ней. Но намъ кажется, что этотъ вопросъ остается неразрѣшеннымъ единственно потому, что ни одинъ изъ тѣхъ, кто пытался объяснить значеніе слова „сартъ“, не приложилъ въ этомъ случаѣ надлежащаго пріема. Пріемъ-же этотъ долженъ быть чисто историческій: мы обязаны прежде всего допросить на этотъ счетъ древнихъ писателей, и потомъ уже, на основаніи ихъ показаній, дѣлать такія или иныя заключенія.

Изъ древнѣйшихъ писателей, жившихъ до Р.Х. и нѣсколько спустя послѣ Р.Х., Страбонъ, Арріанъ, Птоломей и Марцеллинъ, даютъ намъ указанія о рѣкѣ Яксартѣ и о народахъ яксартахъ, жившихъ по берегамъ этой рѣки¹⁾. Страбонъ говоритъ, что рѣка Яксартъ служила границей между согдіанами и яомадами; Арріанъ передаетъ, что название рѣки Яксартъ не греческое, а заимствованное греками отъ туземцевъ—варваровъ; Птоломей разсказываетъ, что по рѣкѣ Яксарту жилъ большой народъ яксарты, доходившій до того мѣста рѣки, гдѣ она, близъ Тапурскихъ горъ, уклоняется отъ своего теченія: „Потомъ послѣ (аорсовъ) живеть великий народъ яксартовъ, возлѣ рѣки этого-же имени. вилють до того мѣста, гдѣ она, вблизи Тапурскихъ горъ, уклоняется отъ своего теченія“. Амміанъ Марцеллинъ, говоря о рѣкѣ Яксартѣ, протекающей вдоль области Согдіаны, въ тоже время говоритъ и о народахъ, жившихъ въ бассейнѣ этой рѣки, каковы: яксарты, саки, галактофаги и другие.

Обращаясь къ источникамъ послѣ Р.Х., а именно

¹⁾ Арріанъ. Иоходы Александра, С.И.Б., 1837, 461; Claudi Ptolemaei Geographia, Edit Vilberg, 1838, 427; Географія Страбона, Москва, 1879, 517, 521, 524, 527, 528.

Начиная съ XIII вѣка, мы находимъ въ примѣненіи къ пароду уже слово не „як-сарты“, а короче „сарты“. Первое извѣстіе (1246) о сартахъ находимъ у итальянскаго путешественника Илано Карпиви, который, перечисляя имена туземцевъ, жившихъ въ Средней Азии и покоренныхъ татарами, называетъ между прочими и сартовъ¹⁾; затѣмъ название „сартъ“ мы встречаемъ послѣдовательно какъ у многихъ восточно-мусульманскихъ, такъ и у иѣкоторыхъ православно-русскихъ писателей²⁾: Рашидъ-Эддина (XIII), Тимурхана или Тамерлана (XIV), Миръ-Анира (XV), Захируддинъ-Бабура (XV—XVI), Абуль-Гази (XVII), Романа Старова и Иава Гречанинова (XVII), Шубая Арасланова, Мансура Юсупова и Семена Дроздова (начала XVIII), врача Бланкеннагеля (конца XVIII) и наконецъ полковника Данилевскаго (начала XIX).

О племениніи происхожденіи сартовъ существуетъ нѣсколько, болѣе или менѣе приближающіхся одно къ другому, мнѣній. Таковы: 1) сарты — это таджики, издавна обитавшіе въ Туркестанскомъ краѣ, жившіе главнымъ образомъ въ равнинѣ праваго берега рѣки Сыра, перемѣнившіе свой родной языкъ иранскій на турецкій и отъ турокъ усвоившіе себѣ название; 2) сарты — осѣдлый народъ, включавшій въ себя арійскихъ таджиковъ, татарскихъ узбековъ и другихъ народовъ; 3) сарты — осѣдлое населеніе городовъ и деревень Туркестанскаго края, безъ различія ихъ патріности; 4) сарты — горожане, строго отличающіеся отъ казаковъ, кочующаго племени, занимающіеся земледѣліемъ, торговлею и ремеслами; 5) сарты — собира-

тельное имя, подъ которымъ скрываются таджики, узбеки, татары, киргизы, таранчи, перемѣнившіе свой кочевой образъ жизни на осѣдлый; 6) сарты — смѣсь иранцевъ съ узбеками и киргизами, совершенно отличающіеся отъ таджиковъ; 7) сарты — это смѣшанный типъ, большую частью съ монгольскою кровью; 8) сарты — это смѣшанная раса съ преобладаніемъ, однако, иранскаго элемента.

Сводя къ общему всѣ мнѣнія о народности сартовъ, мы видимъ, что большинство этихъ мнѣній и притомъ мнѣній, принадлежащихъ людямъ наиболѣе авторитетнымъ, говорить за арійское или иранское происхожденіе сартовъ¹⁾. Это мнѣніе вамъ кажется вполнѣ справедливымъ, и потому мы принимаемъ его какъ за доказанную истину.

Почти столько же существуетъ мнѣній и относительно названія „сартъ“. По одному мнѣнію, сартъ киргизское слово, происшедшее или отъ „сары-итъ“, что значитъ „желтая собака“, или отъ слова „сартъ“, означающаго особаго рода звѣрька, изъ котораго прибрежные жители Сыра дѣлали себѣ шапки и по тѣмъ шапкамъ получили прозваніе сартовъ; по другому мнѣнію, сартъ есть китайское слово „сэръ“ отъ слова „сэ“ — шелкъ, производствомъ котораго по преимуществу занимались жители Трансоксаніи и отъ того занятія усвоившіе себѣ название; по третьему мнѣнію, сартъ значитъ старьевщикъ; по четвертому, сартъ — бранное слово, означающее дурнаго человѣка, барышника, труса, бабу, нѣженку; по пятому мнѣнію, сартъ — испорченное киргизское слово „партлы“, что значитъ „обязанный исполненіемъ извѣстныхъ условій“; по

1) Илано Карпиви. Путешествія къ татарамъ, С.И.В., 1825, 191.

2) Остроумовъ. Сарты, Ташкентъ, 1890, 4—9; Автобіографія Гамерлана, переводъ Лакошина, Ташкентъ, 1892.

1) Каковы: Федченко, Хорошевъ, Уйфалы, Бамберн, Миддендорфъ, Роклю, Лерхъ.

шестому мнѣнію, сартъ—тоже, что древнєе иранское слово „ксатра“, т. е., городъ, съ мѣстоименномъ приставкою спереди слова въ видѣ „я“, что въ общемъ означаетъ „человѣка, принадлежащаго къ городу“¹⁾.

Весь этотъ лабиринтъ мнѣній явился, разумѣется, вслѣдствіе того, что сарты, какъ и многіе другіе народы, не оставили у себя первоначальныхъ письменныхъ памятниковъ, которые могли бы устранить всякихъ произвольныхъ догадокъ на счетъ происхожденія и имени ихъ. Многіе изъ толкователей слова „сартъ“, нестѣслимые никакими историческими указаніями, подыскивали въ разныхъ языкахъ однозвучные слова со словомъ „сартъ“ и тотъ же часъ, такъ сказать, сцепляли эти слова другъ съ другомъ. Но это, разумѣется, также научно, какъ научно сближеніе слова „казакъ“ со словомъ „козерогъ“, или русскаго „парень“ съ греческимъ „Парисъ“.

При объясненіи слова „сартъ“ надо брать во вниманіе свидѣтельство Клавдія Птоломея и Амміана Марцеллина, которые говорятъ о народѣ яксартахъ, жившемъ по рѣкѣ Яксарту. Въ этомъ-то указаніи древнѣйшихъ писателей, какъ намъ кажется, и заключается вся разгадка слова „сартъ“. Очевидно, что дѣло здѣсь идетъ отъ рѣки Яксарта и представляется намъ въ такомъ видѣ: сперва прибрежный житель рѣки Яксарта на вопросъ, откуда онъ, могъ говорить: „Я съ Яксарта“, а потомъ короче: „Я яксартъ, я сартъ“. А что рѣки давали и даютъ названия для цѣлаго народа, тому примѣровъ много видимъ мы во всемирной исторіи, въ частности въ исторіи славянъ вообще и русскихъ въ особенности: борисениты (Борисенъ рѣка), секваны (Секвана или Сена рѣка),

1) Н. И. Остроумовъ. Сарты, Ташкентъ, 1890, I—28, 33.

мороване (Морава рѣка), бужане (Бугъ рѣка), суличи (Сула рѣка), волховитяне (Волховъ рѣка), суздальцы (Суздаль рѣка), по-рсане или по-рисане (Рось рѣка), московитяне (Москва рѣка), волгаре (Волга рѣка); наконецъ въ наше время говорятъ: вологжане (Вологда рѣка), заволжане (Волга рѣка), кубанцы (Кубань рѣка), уральцы (Ураль рѣка), донцы (Донъ рѣка) и т. п.

Но отъ чего-же сама рѣка получила свое название Яксарта? Если мы признаемъ, на основаніи большинства мнѣній, что сарты-народъ арійского происхожденія и если мы вполнѣ довѣримся Арріану, что слово Яксартъ, „варварскаго“, т. е. туземнаго или арійского происхожденія, то въ такомъ случаѣ отвѣтъ на данный вопросъ нужно искать въ одномъ изъ арійскихъ языковъ. Намъ неизвѣстно доподлинно, на сколько свѣдущъ въ знаніи восточныхъ языковъ нѣмецкій ученый Валь, но онъ утверждаетъ, что название рѣки „Як-сартъ“ составлено изъ двухъ словъ „яка“—рѣка и „сартъ“—поперсидски „холодный ледяной, замерзшій“²⁾). Подтвержденіе этого объясненія находимъ въ краткомъ словарѣ проф. Коссовича, составленномъ имъ къ четыремъ статьямъ Зендъ-Авесты: въ немъ слово „сарта“ (*sarēta*) переводится также въ значеніи „холодный“ (нѣмецкое *kalt*), а „як“ (*jas*) приведено только какъ корень въ значеніи „стремиться“, но не приведено, вслѣдствіе краткости словаря, отъ этого корня существительного имени³⁾; зато въ настоящее время у персовъ мы знаемъ слово „яка“ (съ твердымъ, какъ бы двойнымъ „к“) въ значеніи „берегъ“.

Правдоподобно-ли такое объясненіе названія рѣки

2) Allgemeine Beschr. des Persisch. Rechts, 3 Abschlu.

3) Труды восточ. отдѣл. археол. общ., VIII, 228, 218.

или нѣтъ, но оно, по крайней мѣрѣ, совершенно совпадаетъ со свойствами ея. Дѣло состоить въ томъ, что эта рѣка въ зимнее время замерзаетъ почти до Ходжента и потому для людей, вышедшихъ изъ болѣе теплыхъ мѣстъ и поселившихся въ ся бассейнѣ, она могла дѣйствительно называться Яксартомъ, т. е. Холодною рѣкой.

Относительно національности сартовъ нужно сказать, что это народъ несомнѣнно иранскаго происхождѣнія, хотя съ примѣсью, и то сравнительно болѣе поздняго времени, тюркско-монгольскаго элемента: отступленія отъ этого типа говорятъ лишь въ пользу подмѣси чуждой крови въ кровь сарта. Языкъ сартовъ тюркскій, но отличающійся отъ узбекскаго и киргизскаго, и известный подъ именемъ сартъ-тили¹).

Предѣлы распространенія сартовъ — главнымъ образомъ древній Маураннагръ или Трансоксанія, потѣперешнему Сырь-Даргинской области, части Ферганской и часть Аму-Даргинскаго отдѣла.

По видѣніи сарты довольно представительны: они вѣсколько выше средняго роста, на видъ смугловаты, иногда совершенно бронзовы, вѣсколько суhi, всегда стройны, имѣютъ лицо болѣею частью продолговатое, глаза каріе, носъ прямой, голову небольшую круглую, брови густыя дугообразныя, руки и ноги небольшихъ размѣровъ; носятъ длинныя бороды (сакаль); все, безъ исключенія, брѣютъ головы, надѣваютъ довольно узкихъ размѣровъ, обыкновенно ситцевыя и рѣже холщевыя штаны, поверхъ штановъ одѣваются въ два просторныхъ халата (тунъ); на головѣ имѣютъ или расписную узорчатую тюбетейку (тиопче) или блѣющую красиво свороченную чалму (салля); на

ноги надѣваютъ высокіе сапоги (махсы) непремѣнно со вставляемыми на ихъ залкахъ небольшими кусками зеленої юфты (булгаръ); къ сапогамъ у достаточнѣхъ людей непремѣнно полагаются кожаныя на высокихъ каблукахъ калоши (каучъ). По характеру своему сарты хитры, лѣнивы, скупы, иногда даже скаредны, корыстолюбивы; они довольствуются ничтожнымъ количествомъ пищи, одното—двумя лепешками (ионъ) да вѣсколькими фруктами въ теченіи всего дня, а больше всего — любимымъ напиткомъ чаемъ, который пьютъ и дома, и въ лавкахъ, и въ чай-ханахъ, большую частію безъ сахара и безъ хлѣба. Они питаютъ особенную страсть къ базару и къ торгаществу, и если какой-нибудь изъ нихъ имѣть рубль или два, а тѣмъ болѣе пять или десять рублей, то въ такомъ случаѣ онъ считаетъ себя уже баемъ, т. е. богатымъ купцомъ, и открываетъ торговлю въ лавченкѣ (дукантѣ) при собственномъ домѣ. Путешественникъ, проѣзжающій отъ Самарканда до Ташкента, вездѣ видѣтъ одну картину: у открытой лавченки, вмѣщающей въ себя на гропъ товару, на разостланной копиѣ или буйрѣ лежитъ на боку сартъ и пить изъ піалы, т. е. большой безъ блюдечка чашки (подобіемъ и иногда размѣромъ нашей чайной полоскателевой чашки) чай, а противъ него, также въ полулежачемъ состояніи, бренчить на двухъ—струнной домбрѣ доморощеній музыкантъ; время отъ времени къ каждому изъ двухъ валяющихся на копиѣ сартовъ подходитъ третій и предлагаетъ имъ длинную трубку, — это называется подносить чилимъ. Сартъ рѣдко сдвигается со своего мѣста, если къ нему даже обратиться съ какимъ-либо вопросомъ; только увидя передъ собой какого-нибудь башни или улура, т. е. начальника или власть, онъ встанетъ на ноги и сдѣлаетъ, смотря по рангу начальствен-

¹) Милдендорфъ. Очерки Ферганской области. СПБ., 1862, 409 и др.

наго лица, большой или малый кулдукъ, т. е. или сложить руки на нижней части живота (хватаясь руками, точно у него болить животъ), или же приложить одну правую руку къ верхней части груди. Самая лавченка сарта, въ которой вмѣщаются его копѣчный товаръ, не стоитъ свыше трехъ—пяти рублей; это самый простой и незатѣйливый навѣстъ, спереди поддерживаемый двумя столбами, сверху крытый землей и по бокамъ обставленный циновками, или такъ называемыми чіями, особымъ стеблевиднымъ безъ узловъ растеніемъ связывающимъ при помощи шерстяныхъ нитокъ.

Напрасно путешественникъ сталь-бы искать среди этого праздного и лѣниваго базарнаго пейзажа сартовскихъ женщинъ: онъ находятся въ полномъ смыслѣ взаперти у своихъ мужьевъ; для нихъ во дворахъ отведены даже особыя помѣщенія, находящіяся въ самомъ заднемъ и отдаленномъ углу усадьбы и называемыя посартовски ичкари. Если же онъ иногда и показываются на улицахъ, то, во-первыхъ, не иначе, какъ съ позволенія своихъ мужьевъ, а во-вторыхъ, съ ногъ до головы закутанныя въ фараанджи (женскій халатъ) и завѣшаныя въ чашмъ-бандъ (конскаго волоса сѣтка). И вблизи и издали это выходитъ то, что мы привыкли въ Великороссіи называть огороднымъ пугаломъ, а въ Малороссіи опудаломъ на горохъ. Трустно дѣлается на сердцѣ у европейца—путешественника при видѣ такого чудищнаго эгоизма восточнаго человѣка-мусульманина, осудившаго свою женщину на вѣчное заточеніе и абсолютное рабство, лишивъ ее сытага, жизни и мірскихъ удовольствій. Половина человѣческаго рода совсѣмъ отстранена отъ міровыхъ событий, отъ поэзіи, музыки, художества, скрапивающихъ мрачныя стороны человѣческой жизни и развивающихъ въ

человѣкѣ тонкій вкусъ и возвышенныя чувства. Магометъ былъ безспорно великий законодатель и гениальный человѣкъ, но своей религіей онъ положилъ печать страшнаго гнета и жестокаго деспотизма на всѣхъ своихъ послѣдователей. Особенно безотрадно бываетъ русскому человѣку проѣзжать сартовскіе кишлаки въ вечернее время, по заходѣ солнца: въ матушкѣ Россіи въ это время слышишь лѣсни, музыку, шутки, остроты, прибаутки, видишь пляски, игры, хороводы; не то въ сартовскихъ поселкахъ: въ вечернес время здѣсь ни живой души, ни живаго слова, ни живаго звука; все скрылось за свои высокія, точно въ мрачномъ острогѣ, стѣны и все попряталось за свои досчаныя, покрытыя не-проводиаемой крышей, точно въ неприступномъ замкѣ, ворота. Только и жизни, только и веселья, что въ чай-ханахъ, но опять таки безъ участія женщинъ...

Грустная картина! А между тѣмъ картина эта въ половину родная намъ. Вѣдь наши древніе предки немало чего заимствовали съ востока и занесли въ нашу древнюю Русь. Заимствованіе это во-очію бро-сается вся кому русскому путешественнику, єдущему по люднымъ и не люднымъ дорогамъ Средней Азіи. Тутъ онъ можетъ увидѣть и длиннополые кафтаны, столь дорогие нашимъ предкамъ до—петровскаго вре-мени; тутъ онъ увидѣть такие-же точно сапоги, сдѣ-лавные изъ цвѣтной юфты, съ неимовѣрно высокими и неимовѣрно острыми, какъ хвостъ большой груши, каблуками, подобные тѣмъ, какіе хранятся, подъ именемъ сапогъ царя Михаила Федоровича, въ Москвѣ, въ домикѣ Романовыхъ, на Варваркѣ; тутъ же онъ уви-дѣть такъ называемыя намитки, головной уборъ, теперъ совсѣмъ почти вышедший изъ употребленія у нашихъ малороссіянокъ, но весьма распространенный у киргизокъ; тутъ онъ увидѣть прототипъ нашихъ

великороссийскихъ деревенскихъ дворовъ съ ихъ высокими непроницаемыми заборами, съ еще болѣе высокими досчаными воротами и съ большими избами, спрятанными внутри дворовъ; здѣсь онъ услышитъ звуки такъ называемой домбры, въ наше время совсѣмъ неизвѣстнаго музыкального инструмента, но въ древней Руси повсемѣстно распространеннаго и называемаго обыкновенно во множественномъ числѣ домрами; здѣсь передъ нимъ образецъ нашихъ священническихъ скуфекъ, именуемыхъ туземцами тюбетейками и совершенно похожихъ по формѣ своей, а иногда и по цвѣту своему со скуфьями на православной Руси; здѣсь передъ нимъ повсюду верховая щада, распространенная гораздо болѣе, чѣмъ экипажная, предпочтаемая на всемъ востокѣ и въ такой-же мѣрѣ предпочитавшаяся въ древней Руси; здѣсь передъ его глазами въ полномъ развитіи затворничество женщинъ, извѣстное и наимѣнѣе древнимъ предкамъ, но не извѣстное намъ со времени Петра Великаго; здѣсь у туземцевъ онъ увидитъ тѣ-же широкіе пояса, какіе носились нашими казаками въ Запорожье, и тотъ-же обычай держать за поясами разные предметы первой необходимости — табакъ, огниво, деньги, платокъ, чай, сахаръ и т. п. А сколько словъ услышитъ здѣсь русскій человѣкъ, привыкшій съ дѣтства считать ихъ чисто русскими, но въ дѣйствительности оказывающими-ся занесенными на Русь съ дальн资料а востока. Вотъ для примѣра первыя попавшияся слова: алмазъ, амбаръ, атласъ, арба, арканъ, базарь, байдакъ (слово извѣстное въ Запорожье въ смыслѣ бобиль, одинокій, сокращенно байда), балыкъ (рыба вообще), башка (башъ-голова), беркутъ (буркутъ-порода орла), бирюза, бронза (бринджъ), богатырь (батырь), буранъ, бурдюкъ, буряя (бурганъ — полынь; въ Малороссіи высокая сорная трава), выюкъ (юкъ), гаманъ (гаманъ-

кошелекъ; слово извѣстное во всей Малороссіи), гарманъ (хырманъ; слово извѣстное во всей Новороссіи въ смыслѣ каменного катка, которымъ молотятъ на току); гитара (дутаръ); джура или чура (джура-другъ; или ч-урау каракиргизовъ оруженоносецъ, слово извѣстное во всемъ Запорожье въ смыслѣ оруженоосца или прислужника при начальственномъ лицѣ), домбы (домбра-музыкальный инструментъ, родъ двухъ-струнной балалайки; слово извѣстное всей древней Руси); изумрудъ (зумуррадъ), изюмъ (узюмъ), казна (хазна), казанъ, камзомъ (камзуръ калоши (кавингъ), канканъ (кабканъ-ловушка¹), каунъ (дыня; слово извѣстное во всей Малороссіи въ смыслѣ арбуза), камышъ, караванъ, карій (кара-черноглазый, вороной), караулъ, кизякъ (тизиакъ: ово извѣстное во всей Малороссіи), кисеть (киса-мѣшечекъ); кишло (кишлакъ у запорожцевъ въ смыслѣ люднаго мѣста); лалы (ляль-рубинъ; слово извѣстное древней Руси); лелека, (лейлякъ-аистъ. слово извѣстное во всей Малороссіи); пилавъ (палау); очагъ (учакъ); пулы (шуль-деньги; слово извѣстное древней Руси); ракія (аракъ-водка; слово извѣстное въ Запорожье), сапеть (саватъ-корзина; слово извѣстное во всей Новороссіи), серуга (исеруга), сурьма, сундукъ (сандукъ), тамга, торба (торба-сумка; слово извѣстное во всей Малороссіи); тесьма (тэсма); тирликъ (потникъ; слово извѣстное всей древней Руси); туманъ, тютюнъ (собственно значить дымъ, у малороссовъ табакъ); тюфякъ (тиюшакъ), хамутъ (хамутъ), цифра (цифръ), чугунъ (чуянъ). шатеръ (чадыръ), шептала (шафтала-персикъ), штаны (иштанъ), яразашъ (ара-лашъ путаница, беспорядокъ), яръ (оврагъ, обрывъ).

Вліяніе востока на древнюю Русь такъ велико, что этотъ вопросъ могъ бы составить цѣлый трактатъ для самаго серьезнаго изслѣдователя древнерусской старинны, исторіи и литературы. Если начи-

нать русскую историю, то начинать ее съ Азии, а не съ Европы, и если посыпать куда молодыхъ ученыхъ, посвятившихъ себя изучению русской истории, то посыпать ихъ прежде всего въ Среднюю Азию и только потомъ въ Западную Европу. Въ Азию-же не мѣшиало бы также направиться и тѣмъ изъ нашихъ ученыхъ, которые отрицаютъ или, по крайней мѣрѣ, весьма мало придаютъ значенія вліянію востока на древнюю жизнь древней Руси.

— — —

VI.

Ущелье Джиланъ-уте, Ворота Тимура, надписи на камняхъ у Ворот Тимура 1425, 1571 годовъ; река Сангзарь; городъ Джизакъ и его краткая история; Голодная степь и ее обитатели, предания объ Александрѣ Македонскомъ, степные колодцы сардаба, предания объ Абдуллахъ-ханѣ; река Сыръ-Дарья; древние наследники бассейна Сыръ-Дарыи, гибель отъ нихъ Кира, царя персидского; перевала Чинаръ и станція Иски-Ташкентъ.

Но почтовый тарантасъ катить все дальше и все дальше удаляется отъ Самарканда, но зато все ближе подходитъ къ Ташкенту. Уже давно прекрасная тѣнистая аллея смѣнилась открытой, пыльною, знойною и удушливой дорогой; уже много разъ смѣнялись и лошади, и ямщики, и станціи. Порядки и здѣсь таковы, какъ на Руси; тотъ-же узаконенъ и обычай подачки ямщику, называемый только здѣсь терминомъ силяу, что значитъ вообще подарокъ.

Пробѣжавъ много верстъ по гладкой и однообразной равнинѣ, путешественникъ, наконецъ, послѣ станціи Яны-Кургана („Новая-Крѣпость“), въѣзжаетъ въ узкое и каменистое ущелье, носящее название Джиланутинскаго, т. е. змѣвидной дороги отъ тюркскихъ словъ „джилинъ“ змѣя и „уте“—пропелъ, пропила. Устье этого ущелья носить название Воротъ Тимура. Мѣстное преданіе говоритъ, что когда Тимуръшелъ со своими войсками изъ глубины Азии въ Европу и встрѣтился на своемъ пути Джилану-

тинъ, то гора сама собой разстутилась передъ нимъ и образовала широкое ущелье для прохода его громадныхъ полчищъ. И точно, устье этого ущелья издали кажется большими воротами, отъ которыхъ отдѣляются по бокамъ громадные выступы, какъ-бы для навѣшиванія на нихъ двухъ створокъ. То — естественные каменисто-желѣзистаго цвѣта устои, отдѣляющіеся отъ горъ и выступающіе другъ противъ друга впередъ.

Противъ этихъ воротъ, на большомъ утесѣ, на высотѣ осьми аршинъ отъ земли; выбиты, по арабски, двѣ надписи; первая относится къ 1425, вторая къ 1571 году нашего лѣточисленія. Вотъ содержаніе ихъ.

„Съ помощью Господа Бога его высочество великий султанъ, покоритель царей, народовъ, тѣнь божія на землѣ, подпора постановленій сунны и закона божескаго, государь, всепомоществующій вѣрѣ, Улугъ-Бекъ-Г'уряганъ — да продлитъ Богъ время его царствованія и его правленія — предпринялъ походъ въ страну Джетовъ¹⁾) и Моголовъ, и отъ того народа возвратился въ эти страны невредимымъ. Въ восемь сотъ двадцать осьмомъ новолунномъ годѣ“.

„Да вѣдаютъ проходящіе пустыни и путешествующіе по пристанямъ на сушѣ и на водѣ, что въ девять сотъ семьдесятъ девятомъ году происходило сраженіе между отрядомъ вмѣстилица халифата, тѣни Всевышнаго, великаго хакана Абдулла-хана, сына Искандеръ-ханова, въ тридцать тысячъ боеваго люда, и отрядомъ Дервишъ-хана и Баба-хана и прочихъ сыновей; сказанного отряда было всего:

родичей султановыхъ до 50 человѣкъ и до 400,000 служилаго люда изъ Ташкента, Туркестана, Ферганы и Дештъ-Кипчака. Отрядъ обладателя счастливаго сочетанія звѣздъ одержалъ побѣду; побѣдивъ упомянутыхъ султановъ, онъ изъ того войска предаль столькихъ смерти, что отъ людей убитыхъ въ сраженіи и въ плену, въ теченіи одного мѣсяца, въ рѣкѣ Дизахской на поверхности воды текла кровь. Да сдѣлается это извѣстнымъ“¹⁾).

Пройхавъ еще нѣсколько станцій, переправившись черезъ извилистую, свѣтлую горную рѣку Сангаръ (правильнѣе Сангзаръ, персидское слово, составленное изъ окончанія „зар“, означающаго мѣсто изобилующее тѣмъ, что выражено въ переднемъ словѣ, и „сангъ“ — камень; отсюда Сангзаръ рѣчка особенно каменистая), путешественникъ наконецъ прибываетъ въ уѣздный городъ Джизакъ (правильнѣе Дизахъ, что съ арабскаго значитъ адъ) и здѣсь даетъ себѣ болѣе или менѣе продолжительный отдыхъ.

Джизакъ — мѣсто историческое. Если вѣрить нѣкоторымъ изслѣдователямъ, здѣсь стоялъ древнѣйший городъ Газа, чрезъ который проходилъ съ своимъ ополченіемъ въ IV в. до Р. Х. Александръ, царь македонскій. Но если извѣстіе о Джизакѣ до Р. Х. подвержено сомнѣнію, то указанія на него послѣ Р. Х. вѣрѣ всякаго сомнѣнія. Такъ, въ XI вѣкѣ Джизакъ (подъ именемъ Дизака) извѣстенъ былъ арабскому писателю Ибнъ-Хаукалу, а въ XIII вѣкѣ армянскому историку Каракосу Гандзакеци: чрезъ этотъ городъ проѣзжалъ армянскій князь Гетумъ въ ставку Батыя

¹⁾ Джеты обитатели Моголистана, преимущественно нынѣшней Семиреченской области съ Ауліектинскимъ уѣздомъ Сиръ-Дарыинской области.

¹⁾ Лерхе. Археологическая поездка въ Туркестанский край, С.-Петербургъ, 1870, 28, 31.

и Мангу-хана¹). Въ 1497 году у Джизака былъ убитъ бухарскій ханъ Абдулль-Мумынъ, возвращавшійся съ похода противъ двоюроднаго брата своего, Узбекъ-хана, правившаго въ Аксы. Въ томъ-же году братъ Шейбани-хана, впослѣдствіи правитель бухарскаго ханства, Султанъ-Махмудъ, сдѣлалъ набѣгъ на бухарскія владѣнія при жизни послѣдняго Тимурида, Байсанкуръ-мирзы, и дошелъ было уже до Джизака, но здѣсь потерпѣлъ неудачу и отступилъ назадъ.

Исторія Джизака болѣе всего связана съ исторіей кокандскаго ханства: входя въ составъ бухарскаго ханства, Джизакъ всегда представлялъ изъ себя предметъ желаній для кокандскихъ хановъ. Отсюда цѣлый рядъ набѣговъ со стороны кокандскихъ властителей на Джизакъ. Въ 1778 году въ Джизакѣ нашелъ себѣ пріютъ противникъ кокандскаго хана Нарбуты Худаяръ-бій; тутъ-же и въ это-же время проживалъ престарѣлый отецъ Худаяръ-бія, Пазыль-бій; отсюда-же Худаяръ-бій, съ благословеніемъ своего отца, ходилъ на города Ура-Тюбе и Ходжентъ. Въ 1809 году къ Джизаку приходилъ кокандскій правитель Алимъ-ханъ, чтобы вырвать его изъ рукъ бухарскаго эмира, Хайдара; добравшись до Джизака и узнавши, что вмѣсто эмира, отступившаго отъ города, въ немъ находился намѣстникъ его, Алимъ-ханъ обложилъ городъ, но послѣ неудачи снялъ осаду и ушелъ въ Кокандъ; черезъ годъ послѣ этого жители Джизака уже сами выступили изъ своего города для того, чтобы помочь жителямъ Ура-Тюбе, осажденнымъ Алимъ-ханомъ.

¹) Исторія монголовъ. Переходъ Натканова, С.-Петербургъ, 1874, 48; S閞ographie d'Aboufeda, Paris, 1848; II, 224.

Въ 1816 году къ Джизаку съ завоевательными цѣлями приходилъ Омаръ-ханъ, скоро, впрочемъ, возвратившійся въ свой Кокандъ. Въ 1818 году подъ Джизакъ снова явился Омаръ-ханъ, продержавшій городъ въ осадѣ сутки, но потомъ безуспѣшно вернулся назадъ; черезъ два года послѣ этого тотъ-же Омаръ-ханъ въ третій разъ приходитъ подъ Джизакъ, но и на этотъ разъ, простоявъ здѣсь около двухъ недѣль, вернулся въ Кокандъ, потерявъ много людей и лошадей. Въ 1840 году подъ Джизакъ имѣть идти походомъ, всего лишь со ста человѣками нукеровъ, кокандскій ханъ Мадали, но, побѣженный своими приближенными, во время ушелъ въ Ура-Тюбе, а оттуда черезъ Ходжентъ въ Кокандъ, оставивъ свои войска на произволъ судьбы. Въ 1843 году изъ Джизака посланъ быть бухарскимъ эмиромъ отрядъ войска въ помощь бухарскому намѣстнику, сидѣвшему въ Ташкентѣ. Мухаммадъ-Перифу-Аталыку, для отраженія кокандскихъ войскъ, шедшихъ къ Ташкенту. Въ 1859 году отрядъ кокандцевъ, посланный къ Джизаку кокандскимъ властителемъ Малия-ханомъ, разбилъ 70—80 человѣкъ джизакцевъ и ушелъ обратно въ Кокандъ. Въ 1863 году въ Джизакѣ удаленъ быть побѣженный бухарскимъ эмиромъ Музafferомъ кокандскій ханъ Худаяръ; въ слѣдующемъ году тотъ-же ханъ Худаяръ изъ Джизака, подъ покровительствомъ тогоже бухарскаго эмира Музafferса, снова вступилъ въ Кокандъ и оставался здѣсь до 1863 года, то липаясь, то вновь получая званіе хана¹).

Кромѣ своего исторического проплааго Джизакъ

¹) Вамбери. Исторія Бухари, С.-Петербургъ, 1878, II, 8; Наливкинъ. Краткая исторія кокандскаго ханства, Казань, 1885, 45, 70—72, 108, 116, 117, 190, 200, 203.

замѣчательнѣе еще тѣмъ, что отъ него начинается такъ называемая Голодная степь, известная туземцамъ подъ названіемъ Ачъ-дала. Преданіе, перенося настоящее ко временамъ отдаленнымъ, внушиаетъ отважному путешественнику, чтобы онъ „безъ крайней необходимости не бросался въ Голодную степь“. Степь эта тянется на протяженіи 130 верстъ съ востока на западъ и еще болѣе того съ юга на сѣверъ. Чтобы избѣжать палищаго зноя и страшной пыли, поднимающейся въ Голодной степи, путешественники обыкновенно стараются проѣхать ее ночью, снимаясь въ путь изъ Джизака передъ самымъ заходомъ солнца. Да, нужно думать, что Голодная степь была нѣкогда дѣйствительно страшна для того, кто волей или неволей долженъ быть проѣзжать черезъ нее. Какая громадная и вмѣстѣ съ тѣмъ мертвая пустыня!... А дай ей пить, и она ва тысячу всякихъ голосовъ заговорить, т. е. говоря, иначе, ороси только эту пустыню водой, и то будетъ одинъ изъ богатѣйшихъ для русской колонизации участокъ земли, на которомъ появятся и люди, и звѣри, и птицы, и лѣса, и травы... И мы твердо вѣримъ, что такое время скоро или нескоро настанетъ, и тогда потянетсѧ сюда наша русская Русь, тогда зазвучитъ здѣсь наша плавная русская рѣчъ, разольется наша могучая широкая пѣсня, внѣдрится наша святая православная вѣра. И у кого только есть живая душа, у кого только есть живое сердце, тотъ не можетъ не сочувствовать этому...

Но пока того нѣть, теперь въ Голодной степи путешественникъ увидитъ безлюдную пустыню, наполненную множествомъ желтыхъ черепахъ, скорпионовъ, фалангъ, пауковъ, (кромѣ каракуртовъ, ядъ которыхъ безусловно смертеленъ, но которые къ счастію водятся исключительно въ горахъ), различныхъ видовъ

змѣй, и особенно ящерицъ, достигающихъ здѣсь невѣроятныхъ для европейца размѣровъ, до $2\frac{1}{2}$ аршинъ съ хвостомъ длины¹⁾). Только изрѣдка вмѣстѣ со всѣмъ этимъ „зѣѣрьемъ“ путешественникъ увидитъ здѣсь кочевыхъ киргизовъ съ ихъ табунами лошадей и съ ихъ круглыми, какъ колпакъ, юртами. Киргизъ—законный сынъ степи. Онъ страстно любить степь; онъ гордится званіемъ степняка, всегда величая себя не иначе, какъ казакомъ (название „киргизъ“ онъ вовсе не знаетъ) и всегда настойчиво отличая себя отъ сарта горожанина. Какъ истое дитя природы, онъ откровеннѣе, честнѣе, гостепріимнѣе, щедрѣе и по всему этому симпатичнѣе сарта. Таковъ онъ въатурѣ, таковъ и въ поэзіи: его пѣсни складнѣе, осмысленѣе, мелодичнѣе сартовской пѣсни. И немудрено: онъ рожденъ, вскормленъ и взлелѣянъ среди степи, а степь эта всегда рождала богатырей, сильныхъ тѣломъ, возвышенныхъ чувствомъ.

Кто любить природу, кто любить широкій просторъ, кто можетъ внимать торжественной тишинѣ въ ночное время, кто умѣеть любоваться необъятнымъ небомъ, усыпанымъ миriadами тихо мерцающихъ звѣздъ—„этихъ стражей вселенной“, тотъ испытаетъ при проѣздѣ черезъ Голодную степь невыразимое и неизѣяснимое наслажденіе и узрить здѣсь невиданный имъ дотолѣ картины: вотъ по небу разлилось нѣжное молочно-розовое облачко, а среди этого облачка отдѣлилась синяя-синяя, точно цвѣть ляписъ-лазури, небольшая лодочка, и въ ней тихо плывутъ настоящіе живые пловцы, медленно пово-

¹⁾ Это такъ называемая *Varanus scincens* или *Pseudosaurus caspius*, у сартовъ икнимеръ.

рачивающіе то въ одну, то въ другую сторону свои головы, медленно поднимающіе и также медленно опускающіе свои длинныя прозрачныя руки. А кругомъ чистѣйшій, какъ нектаръ олимпійскихъ боговъ, живительный, какъ бальзамъ, воздухъ степной; чувствуешь, какъ онъ вливается въ грудь, какъ бодрить уставшее отъ дневной жары тѣло, какъ нѣжно касается онъ лица, рукъ, головы... Чувствительные колокольцы подъ лугой мягко переливаютъ свой звонъ въ воздухѣ и разносятъ его далеко-далеко по необъятной степи. Мѣряое переливаніе колокольцовъ и легкое вѣяніе воздуха постепенно клоняютъ путника ко сну и постепенно убаюкиваютъ его...

А между тѣмъ дорога идѣть впередъ, и станціи сменяются станціями. Путешественникъ видитъ у многихъ изъ этихъ станцій (Агачлы, Мурзарабада, Малека) своеобразныя, точно огромный куполь, кирпичныя постройки съ широкими отверстиями внизу для входа въ нихъ. Подъ этими куполами погребаны глубокія котловины, а въ котловинахъ, по самой серединѣ, вырыты глубокіе колодцы. Это такъ называемыя сардабы, что съ персидскаго на русскій значитъ колодцы. Одни изъ нихъ, какъ напримѣръ, сардаба у станціи Агачлы, имѣетъ въ окружности до 95 аршинъ; другая, какъ напримѣръ у станціи Мурзарабада, до 256 аршинъ; при нихъ иногда (у того-же Мурзарабада) стоять развалины караванъ-сараевъ. Сооруженіе всѣхъ этихъ построекъ у станцій Голодной степи преданіе приписываетъ знаменитому властителю Средней Азіи Абдулла-хану (1555-1597), известному строителю, завоевателю и благодѣтелю народа. Говорятъ, Абдулла-ханъ обладалъ несмѣтнымъ числомъ войска и посредствомъ него возводилъ всѣ постройки въ степи: солдаты его разставлены были отъ Бухары до Сыръ-Дары и

передавали одинъ черезъ другаго всѣ кирпичи, необходимые для степныхъ построекъ. Говорятъ также, что этотъ ханъ далъ обѣтъ возвести въ свое царствѣ сто различныхъ построекъ, и уже 99 изъ нихъ успѣлъ соорудить, но сотую не могъ окончить: неумолимая смерть не дала ему въ точности исполнить обѣта.

Кромѣ преданій объ Абдуллѣ-ханѣ путешественникъ услышитъ въ Голодной степи любопытныя преданія и о знаменитомъ царѣ Александрѣ Македонскомъ, по мѣстному названію царь Искандеръ.

„Царь Александръ родился съ рогомъ на головѣ, и ему предсказано было, что если онъ лишится рога, то послѣ этого сдѣлается безсильнымъ и перестанетъ побѣждать своихъ враговъ. Оттого Александръ всегда носилъ на головѣ высокій шлемъ и никогда не снималъ его: онъ боялся, чтобы кто-нибудь не увидѣлъ у него рога и не срубилъ его. Только и показывалъ свой рогъ Александръ, когда стригъ себѣ волосы на головѣ. Зато всякий разъ послѣ стрижки волосъ онъ собственою рукой убивалъ цирульника, чтобы тотъ не рассказалъ о томъ, что царь имѣеть рогъ на головѣ. Такъ дѣлалъ царь очень много разъ. Только однажды призвалъ онъ къ себѣ какого-то цирульника и велѣлъ ему заняться своимъ дѣломъ. Когда цирульникъ исполнилъ свое дѣло, то царь спросилъ его: „Ты видѣлъ у меня на головѣ рогъ?“— „Нѣтъ, не видѣлъ, царь!“ Я тебя спрашиваю, видѣлъ ли ты у меня на головѣ рогъ?“— „Нѣтъ, не видѣлъ, царь!“ А цирульникъ слышалъ уже раньше, что отъ царя ни кто не возвращался живымъ послѣ того, какъ стригъ ему голову. Тогда онъ и смекнулъ, что тутъ дѣло не ладное: потому и сталъ завѣрять царя, что никакого рога онъ у него не видалъ. „Такъ ты не видалъ у меня на головѣ рога?“— „Нѣтъ, царь, не видалъ у

тебя рога". „Ну, иди же себѣ съ миромъ, но знай, что если ты увидишь у меня рогъ, то смерть и тебѣ и всему твоему роду". Цирульникъ ушелъ, и долго онъ послѣ того хранилъ у себя тайну царя, можетъ быть, нѣсколько десятковъ лѣтъ, но наконецъ не въ терпежъ ему стало. Тогда попалъ онъ въ безлюдную степь, въ той степи нашелъ глубокій колодецъ, а во-кругъ колодца увидѣлъ густой и высокій камышъ. Подошелъ онъ къ колодцу, наклонился къ нему лицомъ и закричалъ: „У Александра Македонскаго на головѣ рогъ, а кто срубить ему рогъ, тотъ сдѣлаетъ его безсильнымъ у враговъ". Тѣ слова выскочили изъ колодца и пошли по камышу, а камышъ, попшатываясь отъ легкаго вѣтерка изъ стороны въ сторону, понесъ ихъ въ степь, а въ степи услышали ихъ люди; тогда кто-то изъ враговъ Александра подкрался къ нему незамѣтно сзади и срубилъ ему рогъ. И сдѣлался царь Александръ Македонскій слабымъ, какъ малое дитя. Зато жъ и цирульнику пришлось плохо отъ царя: онъ, со всѣмъ его родомъ, погибъ отъ самой лютой казни. Послѣ этого царь Александръ Македонскій уже не могъѣздить самъ на войну,—его возили вездѣ полководцы. Но и тутъ съ нимъ случилась бѣда. Отправился онъ походомъ въ далекія горы, за которыми конецъ свѣта начинается. Въ тѣхъ горахъ протекалъ ручей живой воды, и кто пилъ ту воду, тотъ вѣчно жилъ на землѣ. Александръ набралъ той воды цѣлыхъ два бурдюга и съ этими бурдюгами возвратился въ свое царство. По дорогѣ онъ заболѣлъ какою-то тяжкою болѣзнью, а въ это время на его войско напала стая хищныхъ вороновъ и проклевала оба бурдюга съ живой водой. Вода вытекла, а царь скоро послѣ этого умеръ, потому что ему никакое лѣкарство не могло помочь. А если бы онъ проглотилъ хоть каплю той воды, то остался бы живъ; а пей онъ

ту воду по каплѣ въ день, онъ жилъ бы миллионы лѣтъ,— сколько капель воды, столько и лѣтъ жизни"¹).

О томъ же Александръ Македонскому существуютъ въ Голодной степи и другія преданія. Такъ, между прочимъ, говорятъ, будто этотъ царь первый嘗试ался оросить водой Голодную степь; оттого его именемъ назывался одинъ изъ большихъ, теперь заселенныхъ, арыковъ „Искандеръ-арыкъ".

Отъ станціи Мурзарабада 4—5 часовъѣзды, и послѣ этого открывается рѣка Яксартъ, теперь Сыръ-Дарья, получившая свое второе наименование, по толкованію Левшина, отъ турецкаго слова „сыр"—желтый и арабскаго „даръя"—рѣка, т. е. Желтая рѣка. Этимъ именемъ рѣка называлась жившими по ея берегамъ турецкими племенами уже въ 1253 году во время похода монгольского хана Булака въ Персию²). Нелишне при этомъ замѣтить, что на карте Большой Азии Квинта Курція, подъ рѣкой Сыръ-Дарьей означено „Jaxartes falso Tanais", т. е. Яксартъ, должно (называемый) Танаисъ. а въ сочиненіяхъ арабскихъ географовъ, каковы: Масуди, Якутъ, Абульфеда и другіе, Яксартъ называется рѣкой Ходжентской или рѣкой Шапемъ³).

У лѣваго берега Яксарта кончалась древняя Согдіана, гдѣ, въ 560 году до Р. Х., убитъ былъ персидскій царь Киръ, ходившій войной противъ народовъ массагетовъ.

Объ этихъ массагетахъ⁴) мы узнаемъ изъ Геродота слѣдующее: „По одеждѣ и образу жизни ма-

1) Записано отъ киргиза Кадыра Каударбая близъ станціи Мурзарабада.

2) Левтипъ Описаніе киргизъ казачьихъ ордъ, С.-Пет. 1882, I, 261.

3) Фергана по запискамъ Бабура, С.-Петербургъ, 1884, 33.

4) Григорьевъ видѣлъ въ массагетахъ великихъ готовъ массагетовъ: О скіескомъ народѣ сакахъ, С.-Петербургъ, 1871, 187.

ссагеты похожи на скиоовъ. Сражаются они верхомъ на лошадяхъ и пѣши, — знаютъ оба способа войны; сражаются луками и копьями; вооружены обыкновенно сѣкирами. Всѣ предметы у нихъ изъ золота и мѣди: все, что требуется для копій, стрѣль и сѣкиръ приготавляется изъ мѣди; головные уборы, пояса и наплечные знаки украшаются золотомъ. Также изъ мѣди дѣлаютъ они грудные панцыри для лошадей; напротивъ узелочки, удила и фалеры приготавливаются изъ золота. Желѣза и серебра они вовсе не употребляютъ, потому что этихъ металловъ нѣтъ въ ихъ странѣ, тогда какъ золото и мѣдь у нихъ въ изобилии. Обычаи ихъ таковы: хотя каждый изъ нихъ женится на одной женщинѣ, но женами они пользуются сообща. По словамъ эллиновъ такой обычай у скиоовъ; на самомъ дѣлѣ такъ поступаютъ не скионы, а массагеты. Если какой-нибудь массагетъ пожелаетъ имѣть сообщеніе съ женщиной, то онъ вѣшаешь колчанъ свой передъ ея повозкой и сообщается спокойно. Предѣла жизни у нихъ не полагается вовсе, но кто очень состарится, къ тому сходятся всѣ родственники, убиваютъ его, а вмѣстѣ съ нимъ и разный скотъ, варятъ это вмѣстѣ и погадаютъ. Такой конецъ жизни считаются они счастливѣйшимъ. Умершаго отъ болѣзни они не сѣдаютъ, но хоронятъ, горюя о томъ, что ему не пришлось быть убитымъ. Они ничего не сѣютъ, питаясь домашними животными и рыбой, которую въ изобилии доставляется имъ рѣка Араксъ. Они пьютъ молоко. Изъ боговъ чтутъ только солнце, которому приносятъ въ жертву лошадей. Смыслъ этой жертвы тотъ, что быстрѣйшему изъ всѣхъ боговъ подобаетъ быстрѣйшее животное¹⁾.

¹⁾ Геродотъ, переводъ Мищенка, Москва, 1886, I, 112.

Страбонъ, повторяя слова Геродота, прибавляетъ къ характеристикѣ массагетовъ несколько новыхъ данныхъ. „Массагеты обитають въ области рѣки Аракса; одни изъ нихъ живуть въ горахъ, другие въ равнинахъ, третьи въ болотахъ, четвертые на островахъ среди болотъ. Массагеты, живущіе на островахъ, питаются коренями и дикими плодами, потому что у нихъ нѣтъ посѣвовъ. Одѣваются они въ древесную кору (скота у нихъ нѣтъ), пьютъ сокъ, выжимаемый изъ древесныхъ плодовъ. Живущіе въ болотахъ питаются рыбой, одѣваются въ пижу тюленей, выходящихъ изъ моря. Горные жители питаются дикими плодами. Впрочемъ, они имѣютъ немногого овецъ, которыхъ однако не рѣжутъ, сохраняя ихъ для шерсти и молока. Платя ихъ пестро раскрашиваются соками, долго не теряющими своего блеска. Жители равнинъ, имѣя землю, не обрабатываютъ ее, живутъ мясомъ овецъ и рыбою, образъ жизни ведутъ кочевой и скиоскій. Всѣ эти народы имѣютъ одинаковый образъ жизни; ихъ погребальные обряды, нравы и весь житейскій обиходъ сходны; каждый народъ въ отдѣльности коваренъ, дикъ и воинственъ, но въ сношеніи съ другими правдивъ и простодушенъ“¹⁾.

Отъ этихъ-то массагетовъ и погибъ Киръ, царь персидскій. Ему отомстила царица массагетовъ Томира за своего сына Спаргаписеса, попавшагося въ плѣнъ персамъ и наложившаго на себя руки. Побѣдивъ Кира и отрубивъ ему голову, Томира наполнила мѣшокъ кровью изъ труповъ непріятелей и въ этотъ мѣшокъ бросила голову ненавистнаго ей врага. Гдѣ именно происходила эта битва, ни Геро-

¹⁾ Географія Страбона, переводъ Мищенка, Москва, 1879, 523.

доть, ни Страбонъ не даютъ намъ точнаго указанія. По словамъ Геродота, событіе совершилось послѣ того, когда Киръ отошелъ отъ рѣки Аракса впередъ на восемь дней пути. Но дѣло въ томъ, что подъ именемъ Аракса Геродотъ разумѣеть двѣ рѣки: Аму и Сыръ-Дарью, или, лучше сказать, смѣшивающиихъ ихъ. На основаніи Страбона можно думать, что это было близъ рѣки Сыръ-Дары, но гдѣ именно, въ точности неизвѣстно.

Изъ Чиназа путешественникъ, сдѣлавши одинъ перегонъ, прибываетъ на станцію Старый-Ташкентъ, стоящую при рѣчкѣ Чирчикѣ, правомъ притокѣ Сыръ-Дары. Старый-Ташкентъ или Иски-Ташкентъ несомнѣнно нѣкогда былъ если не главнымъ, то однимъ изъ главныхъ пунктовъ той самой „Ташкиніи“, гдѣ когда-то жило скиоское племя саки, оказавшее такое упорное сопротивленіе македонскому царю, Александру Великому, приходившему въ IV вѣкѣ до Р.Х. въ Среднюю Азію съ завоевательными цѣлями. Мѣстное преданіе говоритъ, что Ташкентъ былъ вовсе не тамъ, гдѣ онъ въ настоящее время стоитъ, а тамъ, гдѣ теперь почтовая станція Старый-Ташкентъ, т. е. на $41\frac{1}{2}$ версту ближе къ рѣкѣ Сыръ-Дарѣ, у праваго берега рѣчки Чирчика. Перенесеніе города съ Чирчика на мѣсто теперашняго Ташкента произошло, потому-же народному преданію, за сто лѣтъ до времени покоренія Бухары ханомъ Баракомъ¹⁾, вслѣдствіе разрушительного дѣйствія быстрой и стремительной рѣчки Чирчика. (недаромъ она и прозвана киргизами „Джинды“, т. е. Бѣшеной рѣчкой), еже-

годно подтачивавшей свой правый берегъ и ежегодно уносившей за собой часть города внизъ по течению. Хотя для подтвержденія справедливости приведеннаго преданія вѣтъ рѣшительно никакихъ историческихъ данныхъ, но за то есть иѣкоторыя данные въ томъ городицѣ, которое уцѣляло до настоящаго времени близъ станціи Старый-Ташкентъ. Городище это находится на правомъ берегу рѣчки Чирчика, противъ кишлака Киршаула, къ востоку отъ Иски-Ташкента. Оно протянулось на восемь верстъ вдоль берега рѣчки и на двѣ или на три версты, отдѣльными валунами, на западъ въ степь; на этомъ городищѣ валяются различные остатки культурныхъ пережитковъ человѣка — кирчи, битая посуда, кости, стекло, зола и т. п. Судя по наслоеніямъ городища и по культурнымъ остаткамъ, находимымъ на немъ, каковы, напримѣръ, черепки различной посуды, можно думать, что это городище одно изъ древнѣйшихъ и что на немъ дѣйствительно нѣкогда существовалъ большой городъ. Отсюда выходитъ, что преданіе о непосредственной связи города Ташкента со станціей Иски-Ташкентомъ не лишено иѣкотораго основанія. Нельзя также не поставить на видъ и того обстоятельства, что название поселка Иски-Ташкентъ существуетъ съ самыхъ отдаленныхъ временъ и, конечно, дано ему также не безъ основанія.

¹⁾ То есть около 1455 г.. въ дѣйствительности это произошло гораздо раньше, такъ какъ въ теперешнемъ г. Ташкентѣ имѣется мазаръ, построенный уже въ 926 году христіанской эры.

VII.

Краткая история города Ташкента; восемь периодов его исторической жизни: господство арабовъ, господство хорезмийцевъ, господство монголовъ, господство узбековъ и киргизъ-кайсаковъ, господство кокандцевъ, господство бухарцевъ, господство кокандцевъ, господство бухарцевъ. Достопримечательности азиатского города Ташкента.

По изысканиямъ русскихъ ученыхъ ориенталистовъ—Григорьева, Тизенгаузена и Фrena¹⁾), сдѣланымъ на основаніи восточныхъ историческихъ писателей, городъ Ташкентъ въ разное время носилъ различныя названія—Чачъ, Шалъ, Джаджъ и Бинкетъ. Первоначально онъ назывался Чачъ-Кентъ; такое название дали ему таджики, одни изъ первыхъ обитателей Средней Азіи арійского происхожденія; въ переводѣ на русский языкъ Чачъ-Кентъ значитъ каменный городъ („чачъ“—камень, „кентъ“—городъ). Это первоначальное название города Чачъ-Кентъ измѣнено было потомъ въ Ташъ-Кентъ; такое измѣненіе могло произойти только тогда, когда область, где лежалъ Ташкентъ, занята была кочевниками-тюрками: тюрки, взявъ таджикій городъ, своеобразно передѣлали название его: они оставили таджицкое окончаніе „кентъ“—городъ и замѣнили начало „чачъ“ словомъ „ташъ-камень“, потому что въ арабскомъ языке буквы „ч“ вовсе не есть, а есть вместо нея буквы „т“; отсюда и вышло вместо Чачкентъ Ташкентъ²⁾.

Таково объясненіе имени Ташкента, представленное нашими русскими учеными. Объясненіе это заслу-

¹⁾ Григорьевъ. О скіескомъ народѣ сакахъ, С.П.Б., 1871, 69; Тизенгаузенъ. О саамандскихъ монетахъ: Труды восточного отдѣленія, 1855, I, 35; Främl. Das Muhammedanische Münzkabinett, С.П.Б., 1821, 24.

²⁾ Григорьевъ. О скіескомъ народѣ сакахъ, С.П.Б., 1871, 79, пр. I.

живаетъ вѣры въ общемъ, но не въ частностихъ; такъ напримѣръ, что касается отождествленія Чача, Шаша или Джаджа съ городомъ Ташкентомъ, то это правдоподобно именно потому, что оно сдѣлано на основаніи болѣе или менѣе достовѣрнаго источника Түрепской Географіи (глава 16-я) Катиба Челеби; но что касается отождествленія имени Бинкета съ именемъ Ташкента, то это едва ли правдоподобно уже потому, что оба эти города одновременно фигурируютъ какъ совершенно различные города. Такъ, изъ истории Тимура Али Шерифдинъ мы знаемъ, что Ташкентъ и Бинкетъ (или Финакентъ), иначе называемый городомъ Шахрухіей, вовсе не однозначущіе города; правда, оба они считались городами праваго берега рѣки Яксарта, но оба же они строго различались одинъ отъ другаго: какой-нибудь узбекскій воитель, идя походомъ противъ бухарскаго эмира, бросается сперва въ Ташкентъ и беретъ его на щитъ; потомъ отъ Ташкента направляется къ Бинкету и также захватывается его въ свои руки; въ другой разъ какіе-нибудь два союзные воителя, вступающіе противъ того-же бухарскаго эмира, собираются вокругъ себя совмѣстныя силы. но одинъ изъ нихъ на время располагается около Ташкента, а другой около Бинкета. Отсюда ясно, что Ташкентъ, и Бинкетъ совершенно различные города¹⁾). „Городъ Шахрухія, замѣчаѣ Шерифдинъ, раньше назывался Финакентомъ; послѣ нападенія Чингизъ-хана онъ такъ былъ разрушенъ, что до 1392 года въ этомъ городѣ не оставалось и слѣдовъ жилья; затѣмъ этотъ городъ возстановилъ Тимуръ и такъ какъ онъ отдалъ его Мирза-Шахруху, то отъ этого имени и произошло название Шахрухія²⁾). Арабскій географъ XIII

¹⁾ Вайвери. Исторія Бухары, Санктъ-Петербургъ, 1873, I, 255, II, 15.

²⁾ Шерифдинъ. Histoire de Timur-bee, Traduite de la Croix. 1723, IV, 206.

въка Абульфеда положительно различаетъ городъ Бинкетъ отъ города Таша, т. е. Ташкента; по словамъ Абульфеды, городъ Бинкетъ былъ однимъ изъ городовъ, находившихся въ зависимости отъ Шаша; тоже подтверждаетъ и другой арабскій географъ Ибнъ-Гаукалъ¹). Съ древнимъ Бинкетомъ скорѣе все-го можно связать имя теперешняго кишлака Бискента или Бскента (по другому выговору Пскента), находя-щагося на 47 верстъ ниже Ташкента по почтовому тракту на Ходжентъ; по крайней мѣрѣ, и название, и мѣстоположеніе этого кишлака совпадаютъ съ на-званиемъ и мѣстоположеніемъ (въ бассейнѣ Яксарта) древняго Бинкета. Кромѣ этого невозможно связы-вать Бинкета съ Ташкентомъ еще и потому, что по словамъ восточныхъ писателей, близъ Бинкета имѣлся серебряный рудникъ, на которомъ устроенъ былъ монетный дворъ, носившій имя Мадены и стоявшій всего лишь въ 7 верстахъ отъ города. По изыска-ніямъ-же нашихъ геологовъ²) близъ Ташкента нѣтъ никакихъ серебряныхъ рудниковъ; есть, правда, свин-цовые залежи, но они находятся на довольно значи-тельномъ разстояніи отъ Ташкента, въ Кумсанѣ.

Начало города Ташкента народное преданіе от-носить къ очень отдаленнымъ временамъ. Въ со-чиненіи знаменитаго въ свое время хорезмійскаго хана Абуль-Гази „Родословная тюркскаго племени“ находимъ указаніе, что городъ Ташкентъ, подъ на-стоящимъ его именемъ, существовалъ уже при мон-гольскомъ ханѣ Угузѣ, 35 предкѣ знаменитаго Чин-гизъ-хана. Этотъ Угузъ-ханъ, овладѣвъ царствами Талашемъ и Сэрымомъ, съ тѣмъ вмѣстѣ будто-бы взялъ приступомъ и городъ Ташкентъ, не смотря на

то, что ташкентскій царь выставилъ противъ него болыше войско и готовился съ нимъ сразиться. Угузъ такъ напугалъ ташкентскаго царя, что тотъ спря-тался въ свой городъ и въ немъ искалъ защищы про-тивъ своего грознаго врага¹). Но это извѣстіе мало правдоподобно по тремъ причинамъ. Во-первыхъ, по-тому, что ни одинъ изъ восточныхъ писателей, кромѣ Абуль-Гази, не говорить объ этомъ. Во-вторыхъ, по-тому, что самая личность Угузъ-хана также леген-дарна, если не больше того, какъ личность какого-нибудь Рюрика на Руси или Леха въ Польшѣ, и ни одинъ изъ восточныхъ писателей не говоритъ не только о годѣ его рожденія или смерти, но даже и о столѣтіи, въ которомъ онъ жилъ и дѣйствовалъ; по словамъ Абуль-Гази, Угузъ тотъ часъ послѣ своего рожденія въ теченіи трехъ дней не при-нималъ груди у своей матери и въ теченіи трехъ ночей являлся во снѣ ей, внушая мысль принять мусульманскую вѣру и сдѣлаться правовѣрною; одного дня отъ рожденія онъ всталъ на ноги, твердо подошелъ къ родителямъ и, громко загово-ривъ, объявилъ, что имя ему должно быть Угузъ, и дали ему имя Угузъ; родъ его идетъ прямо отъ Адама, и послѣ Іафета, сына Ноева, онъ по счету девятый ханъ. Въ-третьихъ, потому, что источникъ, которымъ пользовался Абуль-Гази,—а пользовался онъ имъ почти дословно,—„Исторія монголовъ“ Рашидъ-Эддина²), разсказывая о покореніи Угузъ-ханомъ царствъ отъ Талаша и Сэрыма до Бухары, совсѣмъ не говоритъ ни единаго слова о Ташкентѣ; разница же между этими писателями, хотя оба они наиболѣе

1) Géographie d' Aboulfeda, Paris, 1848, II, 222.

2) Геологическая карта Туркест. края Романовского и Мушкетова.

1) Абуль-Гази. Родословная тюркскаго племени, Казань, 1854, 19.

2) Труды восточного отдѣленія археологическаго общества, 1858, V, 17.

достовѣрные изъ всѣхъ восточныхъ сказателей, та-
кова, что Рашидъ-Эддинъ жилъ въ половинѣ XIII
вѣка, а Абуль-Гази въ половинѣ XVII вѣка.

Въ исторіи города Ташкента можно отмѣтить
восемь періодовъ времени, смотря по тому, какому изъ
народовъ онъ принужденъ былъ подчиняться,—арабамъ,
хорезмійцамъ, монголамъ, узбекамъ, кокандцамъ
и бухарцамъ.

Первый періодъ съ VII—XI вѣкѣ, второй періодъ
XI—XIV, третій періодъ XIV—XVI, четвертый
періодъ XVI—XIX, пятый періодъ 1810—1840, ше-
стой періодъ 1840—1846, седьмой періодъ 1846—
1863, осмой періодъ 1863—1865.

Во все времена исторического существованія городъ
Ташкентъ занималъ всегда болѣе или менѣе незави-
симое положеніе по отношенію къ центральной вла-
сти въ краѣ и представлялъ собой своего рода Гам-
бургъ для всякого рода вольныхъ и недовольныхъ
людей, неужившихся со всѣми порядками на родинѣ
или нестерпѣвшихъ деспотизма со стороны своихъ
властителей; нерѣдко-же онъ служилъ просто оча-
гомъ смуты, всякаго рода крамоль и хищническихъ
предпріятій противъ всего того, что носило харак-
теръ порядка и законности. Такой независимости
Ташкента способствовали главнымъ образомъ три
обстоятельства: положеніе города на дальнемъ сѣве-
рѣ, за большой рѣкой; богатство торговыхъ и про-
мышенныхъ жителей его; сопѣстьство съ дикими и
непризнавшими никакой власти степными наездни-
ками, всегда готовыми идти по призывау кого угодно
и противъ кого угодно.

Первый періодъ, господство арабовъ, VII—XI вѣкѣ.
Отъ этого періода сохранились первыя достовѣрныя
историческія данные о Ташкентѣ, если, впрочемъ,
отождествлять городъ Ташкентъ съ городомъ Чачемъ;

какъ первыя свѣдѣнія, эти данныя носятъ характеръ
отрывочныхъ или, лучше сказать, попутныхъ указа-
ній. Такъ, въ VII вѣкѣ по Р. Х. обѣ этомъ городѣ,
подъ именемъ Чача, упоминаетъ китайскій путешест-
веникъ Сюань-Цзанъ¹). Въ VIII вѣкѣ (716) городъ
Шапъ завоеванъ былъ арабами; обѣ этомъ въ исто-
ріи Нарпахи расказывается слѣдующее: предводитель
арабскаго отряда Кутайба объявилъ религіозно-за-
воевательный походъ на городъ Шапъ и Фергану.
Двинувшись изъ Мерва, онъ собралъ войска въ Ки-
шѣ, Нахшабѣ и Хорезмѣ, числомъ 20,000, при-
былъ въ Согдъ и послалъ 20,000 войска на Шашъ,
а самъ отправился на Фергану. Жители Ферганы
вступили съ нимъ въ бой: послѣ одной битвы съ
мусульманами они нѣсколько разъ повторяли свои
сраженія; мусульмане вездѣ терпѣли неудачу и нако-
нецъ Кутайба отступилъ въ Кашанъ. Но тѣ 20,000
войска, которыя посланы были Кутайбой противъ Шаша,
возвратились съ полной побѣдою и съ большой добычею.
Послѣ того и самъ Кутайба возвратился въ Мервъ²).
Въ IX вѣкѣ (820) городъ Ташкентъ, подъ именемъ
Шапа, отданъ былъ третьему внуку Самана, основа-
теля саманидской династіи въ Трансоксаніи, Яхъѣ,
по милости арабскаго калифа аль-Мамуна³); уже въ
это время Шапъ, какъ можно думать, считался въ числѣ
населенныхъ пунктовъ Ферганской долины, и потому къ
нему вела дорога изъ Аксы-Кента черезъ вынѣшній
Кендырь-Даванъ⁴). Въ X вѣкѣ этотъ городъ, подъ
именемъ Чача или Джаджа, извѣстенъ былъ автору
знаменитой поэмы „Шахъ-Нама“ Фирдуси (940—1021),

¹) Григорьевъ. О скіескомъ народѣ сакахъ, С.-П.Б., 1871, 69, ч. I.

²) Туркестанская туземная газета, Ташкентъ, 1890 года, № 37.

³) Труды восточного отдѣленія археол. общ., С.-Петербургъ, 1855, I, 20.

⁴) Наливкинъ. Краткая исторія кокандскаго ханства, Казань, 1885, 4.

современнику персидского царя Махмуда Газневийского¹). Отъ этого-же периода сохранилось до нашего времени нѣсколько саманидскихъ серебряныхъ монетъ „диргемъ“, на которыхъ имя Шаша встрѣчается преимущественно передъ другимъ городами²); а въ старомъ сартовскомъ Ташкентѣ, въ сибзарской части, уцѣлѣлъ мазаръ, въ которомъ погребенъ Хазретъ Абу-Бекръ-ибнъ-Исмаилъ-Каффали-Шашскій, умершій въ 926 по христіанскому или въ 314 году по мусульманскому лѣтоисчислению³).

Второй периодъ, господство хорезмійцевъ (при саманидахъ и газневидахъ), XI—XIV вѣкѣ. Отъ этого периода сохранилось гораздо болѣе извѣстій о городѣ Ташкентѣ, чѣмъ отъ предыдущаго. Такъ въ XI вѣкѣ онъ извѣстенъ былъ арабскому географу Альбируни, который отождествляетъ городъ Шашъ съ такъ называемою „Каменнаю башнею“, упоминаемою въ географіи Клавдія Птоломея, можетъ быть, единственно на основаніи простаго сходства въ названіяхъ: „Lapidea turris“ — каменная башня и „Ташъ-кентъ“ — каменный городъ⁴). Въ XII вѣкѣ арабскому географу Эдриси извѣстно было по правому берегу рѣки Сыръ Дарьи 27 мѣстностей, а въ числѣ ихъ область Шашъ или Чачъ⁵). Въ XII же вѣкѣ этотъ городъ называется именемъ Ташкента (какъ кажется, еще несвоевременно) у хорезмійского, т. е. хивинского писателя, хана Абуль-Гази; Абуль-Гази разсказываетъ, что въ это время, а именно въ 1121 году, Ташкентъ былъ завоеванъ выходцемъ изъ Хатая, Нузи-Таперъ-бе-

¹⁾ Туркестанская туземная газета 1892 года, Ташкентъ, № 87, 3.

²⁾ Труды восточного отдѣл. археол. общ. С.П.Б. 1855, I, 35.

³⁾ Туркестанская туземная газета 1892 года, Ташкентъ, № 87, 3.

⁴⁾ Géographie d' Aboulfeda, Paris, 1848, CCCLXIX.

⁵⁾ Géographie d' Edrisi, Paris, 1840, II, 206.

комъ, взявшимъ въ свои руки управлѣніе страны Баласагука и присвоившимъ себѣ титулъ „гуръ-хана“). Въ XIII вѣкѣ арабскій географъ — компиляторъ Абульфеда описываетъ городъ Шашъ на рѣкѣ Шапѣ, которая иначе называлась рѣкой Сейхуномъ или Яксартомъ. Городъ этотъ стоялъ на ровной мѣстности, подъ $89^{\circ} 10'$ долготы и $42^{\circ} 30'$ широты, въ разстояніи четырехъ дней пути отъ города Ходжента и недалеко отъ города Баба, стоявшаго въ осьми дняхъ пути отъ Бухары; близъ Шаша была деревня Рудабарт (Rûdhabâr), а „по ту сторону (правую) Шаша“ стоялъ городъ Казанъ. По словамъ Абульфеды, Шашъ — одинъ изъ лучшихъ и замѣчательныхъ городовъ всей Трансоксаніи, давшій свое имя для цѣлой области Шаша; онъ снабженъ былъ въ весьма достаточномъ количествѣ водой, которая проведена была во всѣ городскіе дома; въ зависимости отъ Шаша находилось 25 городовъ; для сообщенія съ Ферганой изъ него шло пять дорогъ²). Въ томъ-же XIII вѣкѣ Ташкентъ, подъ именемъ Ташканя или Тханъсыганя, извѣстенъ былъ китайскимъ историкамъ; по извѣстію этихъ историковъ, городъ Ташкентъ, въ числѣ другихъ средне-азіатскихъ городовъ, былъ взятъ въ 1220 году, пятаго мѣсяца, страшнымъ покорителемъ Азіи Чингизъ-ханомъ³). Къ этому извѣстію китайскихъ историковъ нужно добавить изъ Абуль-Гази то, что около этого-же времени черезъ Ташкентъ, возвращаясь изъ похода въ Мекранъ и двигаясь на Самаркандъ, проходилъ сынъ Чингизъ-хана, Джагатай⁴).

¹⁾ Абуль-Гази. Родословная тюркскаго племени, Казань, 1854, 47.

²⁾ Geographie d' Aboulfeda, Paris, 1848, II, 55, 78, 145, 174, 218, 211, 222.

³⁾ Исторія первыхъ хановъ дома Чингизъ-хана, переводъ Іакиноа, С.-Петербургъ, 1829, 101, 377.

⁴⁾ Абуль-Гази. Родословная тюркскаго племени, Казань, 1854, 128.

Третій періодъ, господство монголоў, XIV—XVI, 1363—1500. Со второй половины XIV вѣка исторія Ташкента принимаетъ совершенно опредѣленный характеръ и вводить настъ постепенно все въ большія и большія подробности. Въ этотъ періодъ времени городъ Ташкентъ, подъ именемъ Ташкура, впервые становится известнымъ и въ русскихъ источникахъ, а именно въ Книгѣ Большаго Чертежа, составленной, какъ полагаютъ, въ концѣ XVI вѣка¹⁾.

Подробныя данныя о Ташкентѣ начинаются съ 1361 года, когда на историческую сцену Средней Азіи выступилъ знаменитый ханъ Тимуръ, называемый въ русскихъ лѣтописяхъ Тамерланомъ. Въ 1361 году, когда Тимуру было 28 лѣтъ отъ роду, онъ, въ союзѣ съ Баянъ-Сальдуромъ и Хаджи-Барласомъ, предпринялъ походъ на Самаркандъ. Цѣлью его похода было отомстить мятежнымъ подданнымъ умершаго маураннагрскаго эмира Казгана, Хисрау-Баянкули и Туклукъ-Тимуру, за Абдуллу-хана, сына Казгана, котораго Тимуръ, по его собственнымъ словамъ, считалъ за отца. Дѣло здѣсь состояло въ томъ, что Хисрау и Туклукъ свергли съ престола Абдуллу-хана и вместо него объявили ханомъ въ Маураннагрѣ Тимуръ-шахъ-Углана. Это насилие возмутило Тимура, и онъ, съ двумя названными эмирами, рѣшилъ наказать крамольниковъ. Союзники, собравшись съ силами, сперва пробыли вѣкоторое время въ Шашѣ (Ташкентѣ), а изъ Шаша двинулись на Самаркандъ, выгнали оттуда Шахъ-Углана и овладѣли всѣмъ Маураннагромъ.

Такъ разсказывается объ этомъ событии самъ Тимуръ въ собственной его автобіографіи²⁾.

¹⁾ Книга Большаго Чертежа, изданіе Спасскаго, Москва, 1846.

²⁾ Переводъ Н. С. Ікошвила, Ташкентъ, 1892, по рукописи стр. 62.

Два года спустя послѣ этого (1363) тотъ-же Тимуръ, въ союзѣ съ эмиромъ Хусайномъ и Ширъ-Баграмомъ, наеся большое пораженіе, у Ташкента и Чиназа, народамъ джетамъ, выступившимъ, подъ предводительствомъ Ильясъ-ходжи, противъ Тимура за потерю Трансоксаніи, но зато очень дорого поплатившимся: двѣ тысячи ихъ были убиты Тимуромъ на мѣстѣ, остальные бѣжали за рѣку Сыръ-Дарью. Послѣ этого союзники, съ общаго совѣта, рѣшили броситься въ погоню за отставшими отъ главной массы джетами, чтобы истребить ихъ; они переплыли черезъ рѣку Сигонъ (т. е. Сейхунъ) въ Ходжентѣ и разбили лагерь передъ городомъ Ташкентомъ. Но здѣсь Богъ, покровительствуя всегда Тимуру, на этотъ разъ послалъ ему испытаніе: онъ и его союзники заболѣли какою-то тяжелою болѣзнью. Впрочемъ, болѣзнь эта была непродолжительна: когда къ Тимуру прибыла его жена Альджой-Тюркманъ-ака, то союзники вновь затѣяли войну и, оставивъ Ташкентъ, переправились черезъ рѣку у Ходжента; проведя вѣсколько времени въ охотѣ (Тимуръ у Ходжента, а Хусайнъ у Джизака), они двинулись дальше и скоро пришли въ Самаркандъ¹⁾.

Прошло еще два года, и Тимуръ вновь (1365) очутился у Ташкента; на этотъ разъ онъ шелъ противъ своего недавняго союзника, но теперь жестокаго противника, эмира Хусайна. Въ это время Тимуръ пробылъ въ Ташкентѣ цѣлый мѣсяцъ; о своемъ пребываніи въ Ташкентѣ разсказываютъ самъ Тимуръ въ собственной автобіографіи и персидскій историкъ, современникъ Тимура, Шерифеддинъ-Али

¹⁾ Cherefeddin Ali. Histoire de Timur-bez, Traduite de la Croix, a Delf, 1733, I, 74.

следующее. Эмиръ Хусайнъ не любилъ двухъ изъ своихъ военачальниковъ, это были Кай-Хисрау и Баграмъ-Джаллаиръ, которые раньше бѣжали отъ Тимура и перешли на службу къ Хусайну. Оба они, зная, что Хусайнъ не любить ихъ, прислали Тимуру письмо съ извѣстіемъ, что раньше этого они обращались къ эмиру Читта за помощью и получили отъ него 7000 всадниковъ, съ которыми и ждутъ Тимура въ Ташкентѣ. Получивъ это извѣстіе, Тимуръ быстро двинулся въ Ташкентъ. Эмиръ Кай-Хисрау устроилъ ему торжественную встречу и богатое угожденье. Тимуръ прожилъ въ Ташкентѣ цѣлый мѣсяцъ; у Кай-Хисрау была дочь, которую онъ говорилъ за своего сына Мухаммадъ-Джагангира¹⁾. Находясь въ Ташкентѣ, Тимуръ получилъ извѣстіе, что эмиръ Хусайнъ выслалъ противъ него 12,000-й отрядъ войска, чтобы истребить своего противника. Тогда Тимуръ немедленно оставилъ Ташкентъ, взялъ съ собой Кай-Хисрау, а Баграмъ-Джаллаири, съ военнымъ обозомъ, велѣлъ слѣдовать за собой и съ 1500 воиновъ бросился къ рѣкѣ Сыръ-Дарье. Переправившись черезъ рѣку у Барсана, Тимуръ, не смотря ни на страшный градъ, выпавший въ то время, ни на ужасную темень, бросился ночью на войско своего противника и разбилъ его на голову. Хусайна въ то время при войскѣ не было, и потому онъ, узнавъ о пораженіи своего отряда, былъ крайне убитъ постигшей его неудачей. Въ это время наступила зима, и выпалъ глубокій снѣгъ. Эмиръ Хусайнъ, видя собственную неудачу и сознавая превосходство надъ собою Тимура, рѣшилъ отправиться на зиму въ Аргинсарай, а Самаркандъ оставить подъ охрану отряда самыхъ

¹⁾ Автобіографія Тамерлана, переводъ Лыкошина, Ташкентъ 1892, 75.

храбрыхъ воиновъ. Тогда и Тимуръ, послѣ совѣта съ Кай-Хисрау, рѣшился съ 600-ми воинами, къ которымъ питалъ полное довѣріе, возвратиться въ Ташкентъ и провести тамъ всю зиму; отсюда онъ послалъ двухъ своихъ полководцевъ къ джетскимъ эмирамъ просить у нихъ помощи противъ Хусайна. Съ наступленіемъ весны Тимуръ получилъ извѣстіе, что къ нему идетъ на помощь огромная армія джетовъ. Хусайнъ скоро узналъ объ этомъ и, разсудивъ о томъ, что послѣдствія отъ предстоящаго сраженія могутъ быть весьма гибельны для него, къ тому же чувствуя себя нездоровымъ, рѣшилъ просить милости у Тимура. Онъ написалъ письмо Тимуру, въ которомъ клялся кораномъ, что впредь ничего не предприметъ противъ Тимура и обѣщалъ ему полное примиреніе. Посредниками между собой и Тимуромъ Хусайнъ избралъ муллъ городовъ Ташкента, Андижана и Ходжента. Эти муллы принесли Тимуру тотъ самый коранъ, на которомъ клялся Хусайнъ, и просили съ своей стороны Тимура примириться съ Хусайномъ. Тимуръ, не довѣряя Хусайну, рѣшилъ погадать на коранѣ и, когда ему вышла глава, гласившая о необходимости примиренія даже съ заклятымъ врагомъ, сдался на ходатайство муллъ, примирился съ Хусайномъ и отступилъ отъ Ташкента¹⁾.

Вскорѣ послѣ этого (1367) Тимуръ, вмѣстѣ съ Хусайномъ, намѣревался идти походомъ на Бадахшанъ, но тутъ пришло извѣстіе, что противъ него и его союзника выступили войска джетовъ, которыхъ находились въ это время въ Ташкентѣ. Тогда Тимуръ, въ сопровожденіи эмира Мусы, вновь отпра-

¹⁾ Автобіографія Тамерлана, переводъ Лыкошина, Ташкентъ 1892, 280; Cherefeddin Ali. Histoire de Timur-bec, Traduite de la Croix 1723, I, 154.

вился вмѣсто Бадахшаңа въ Трансоксанію. Но въ это время между предводителями джетовъ произошелъ раздоръ, который привелъ ихъ войско въ полное разстройство. Тимуръ, узнавши объ этомъ, не сталъ преслѣдовать джетовъ и сказалъ, что когда между военачальниками рождается несогласіе, то надо вложить саблю въ ножны¹⁾.

Въ это-же время (1367) Тимуръ едва не попалъ въ ловушку нового врага, эмира Баязида, который стоялъ съ войскомъ близъ Шаша (Ташкента), и спасся отъ явной смерти только благодаря самому ничтожному случаю.

Вотъ какъ онъ самъ разсказываетъ объ этомъ обстоятельствѣ. „Эмиръ Баязидъ выступилъ изъ Самарканда и, дойдя до степи, вблизи Шаша, остановилъся. Эмиръ Хаджи-Барласъ, дѣйствуя за одно съ эмиромъ Баязидомъ, написалъ мнѣ письмо, въ которомъ говорилось: „Мы, друзья друзьямъ великаго царя и враги его врагамъ, выступаемъ въ сторону Ходжен-та. Если ты вѣришь въ нашу дружбу и вѣрность, то присоединись къ намъ,—это будетъ для всѣхъ выгодно“. Сначала я заподозрѣлъ, что это не болѣе, какъ хитрость со стороны моихъ враговъ: я думалъ, что они просто-на-просто хотятъ заманить меня въ свои руки и убить. Но потомъ разсудивъ, что правовѣрные не могутъ быть на столько вѣроломны, довѣрился моимъ врагамъ и пошелъ съ войскомъ на соединеніе съ ними. Подходя къ мѣсту расположенія ихъ войскъ, я замѣтилъ, что по срединѣ между юртами и кибитками разбить громадный шатеръ, и подумалъ, что это приготовлено мѣсто для меня. Меня встрѣ-

тили съ большимъ торжествомъ и пригласили войти во внутренность большаго шатра. По милости божіей, я чутьемъ угадалъ всѣ хитрости моихъ враговъ. Когда я вошелъ въ палатку и увидѣлъ эмира Баязида по правую руку, а эмира Ходжи-Барласа по лѣвую, я понялъ, что очевидно они сговорились убить меня тѣль часть послѣ угощенія и приема. Я даже думалъ, что буду убитъ немедленно. Я былъ очень встревоженъ угрожающей мнѣ немедленной гибелью и мысленно молился о помощи Всевышнему. Къ моему благополучію въ это время у меня пошла изъ носа кровь. Воспользовавшись этимъ случаемъ, я вышелъ изъ палатки, немедленно дасть знать моему войску, что моей жизни угрожаетъ опасность, и вскочилъ на коня. Никто меня не останавливалъ. Такъ Богъ спасъ меня отъ вѣрной смерти“¹⁾.

Въ 1390 году Тимуръ собрался походомъ противъ кипчаковъ. Собравъ войско и снабдивъ его всѣмъ необходимымъ, онъ выѣхалъ изъ Самарканда по направлению къ Ходженту, приказалъ напередъ построить мостъ черезъ рѣку Сейхунъ у Ходжента; нереправившись черезъ рѣку, онъ намѣревался провести зиму у Ташкента, между Барсыномъ и Чиназомъ, и отсюда уже идти на кипчаковъ, къ рѣкѣ Волгѣ. Во время пути онъ посѣтилъ могилу шейха Маслагета, славившагося своими чудесами, и роздалъ здѣсь бѣднымъ людямъ 10,000 динаровъ. Отъ могилы святаго Тимуръ направился прямо въ Ташкентъ, но по прибытии въ этотъ городъ сильно заболѣлъ. Болѣзнь эта продолжалась 40 дней, въ теченіи которыхъ эмиры и государственные сановники Тимура переживали страшную тревогу: Тимуръ былъ кумиромъ для всѣхъ, и потому

1) Cherefeddin Ali. Histoire de Timur-bec, Traduite de la Croix, a Delf, 1728; I, 165, 166.

1) Автобіографія Тамерлана, переводъ Дыкошіна, Ташкентъ, 1892, 75.

всѣ трепетали за его жизнь. Однако болѣзнь миновала, и Тимуръ, оправившись отъ сильнаго недуга, выѣхалъ изъ Ташкента въ 1391 году (793—1391), мѣсяца Сафара, 12 числа, со всѣмъ своимъ дворомъ и собраннымъ войскомъ, на кипчаковъ. Въ мѣсяцѣ Джемадуль-аввалъ того-же года Тимуръ, послѣ долгихъ переходовъ, припѣль наконецъ въ кипчацкую орду, называемую Анакаргу, находившуюся подъ 100° долготы и 54° широты, на разстояніи четырехъ мѣсяцевъ пути отъ Ташкента. Походъ его окончился блестящею побѣдой надъ кипчаками, сдѣлавшею то, что послѣ этого ни въ пустынѣ, ни при устьяхъ рѣки Волги не оказалось ни одного врага для тюрковъ. Покоривъ кипчаковъ, Тимуръ направился прямо на Самаркандинъ, оставивъ одного изъ своихъ военачальниковъ эмира Сайфуддина, съ обозомъ, у переправы Тика. Прибывъ въ Самаркандинъ и великолѣпно отпраздновавъ здѣсь свою побѣду надъ кипчаками, Тимуръ оставилъ столицу и направился на зиму въ Ташкентъ. Перейдя рѣку Сейхунъ у Ходжента, онъ разбилъ лагерь въ Барсынѣ, поселкѣ Ташкента. Въ 1392 году прибылъ въ Барсынѣ и эмиръ Сайфуддинъ. На весну же Тимуръ оставилъ Ташкентъ и вернулся въ Самаркандинъ. Изъ Самарканда въ этомъ же году онъ ходилъ походомъ на Гилянъ, гдѣ произвелъ такое кровопролитіе, подобнаго которому не запомнить исторія. Послѣ этого некоторые изъ плѣнниковъ, захваченныхъ имъ въ Гилянѣ, были отправлены, по его приказанію, черезъ Самаркандинъ въ городъ Ташкентъ¹⁾.

Черезъ четыре года послѣ этого (1396) Тимуръ вновь очутился въ окрестностяхъ Ташкента. На этотъ

¹⁾ Cherefeddin Ali, Histoire de Timur-bec, a Dels, 1723, Traduite de la Croix, II, 71, 81, 128, 130, 153.

разъ его призвали туда чисто личныя дѣла. Дѣло въ томъ, что на 63-хъ лѣтнемъ возрастѣ Тимуръ влюбился въ дочь монгольскаго хана, Тукель-ханымъ, и рѣшился вступить съ нею въ бракъ.

По маршруту невѣста Тимура должна былаѣхать къ своему державному жениху въ Самаркандинъ. Но Тимуръ самъ выѣхалъ на встрѣчу ей по направленію къ Ташкенту. Онъ остановился возлѣ поселка Чиназа и здѣсь провелъ съ молодой женой всю зиму; въ это же время онъ посетилъ могилу шейха Ахмета-и-Файзи въ поселкѣ Ясси, окажа Ташкента, а съ наступлениемъ весны возвратился въ Самаркандинъ.

Въ 1405 году Тимуръ задумалъ походъ въ Китай; для этой цѣли онъ собралъ 200,000 войска и раздѣлилъ его на нѣсколько отрядовъ, вручивъ каждый отрядъ особому военачальнику; всѣ эти военачальники разставлены были на зиму по разнымъ городамъ до наступленія весны; два изъ нихъ Мирза-Халиль-султанъ (внукъ Тимура) и Ахметъ-Умаръ-шайхъ должны были зимовать въ Ташкентѣ. Послѣ всѣхъ приготовленій Тимуръ послалъ въ Ташкентъ эмира Берендаса, чтобы привезти оттуда запасы провизіи. Берендасъ исполнилъ порученіе своего повелителя въ точности.

Но этому предпріятію не суждено было исполниться: Тимуръ умеръ во время похода въ городѣ Отрапѣ, 14 числа мѣсяца Шаабана, 1405 года. Передъ смертью приближенные его предлагали ему сбратъ всѣхъ его родныхъ и въ числѣ ихъ Мирзу-Халиль-султана, находившагося въ Ташкентѣ. Но Тимуръ отклонилъ это предложеніе; составивъ завѣщаніе, онъ объявилъ своимъ преемникомъ Пиръ-Мухаммада-Джагангира; конія съ этого завѣщанія послана была и Халиль-султану въ городъ Ташкентъ. Въ слѣдѣ за этимъ образовались двѣ партіи, изъ

коихъ одна стояла за Пиръ-Мухаммада, а другая за Халиль-султана; послѣдняя партия восторжествовала¹⁾.

Мирза-Халиль-султанъ, имѣвшиъ всего лишь 21 годъ отъ роду, былъ юноша кроткій, мечтательный, поэтъ, въ душѣ и на бумагѣ, извѣстный своею страстью и неодолимою любовью къ прекрасной невольнице Шадъ-и-Мулькъ, бывшей рабѣ Ходжи-Шериффедина. Услышавши о смерти своего великаго дѣда и узнавъ о назначеніи имъ, въ качествѣ преемника, Пиръ-Мухаммада, Халиль-султанъ объявилъ себя претендентомъ на обладаніе Тимуровой короны, бросился изъ Ташкента въ Самаркандъ и овладѣлъ столицею. Но противъ Халиля поднялся эмиръ Худадатъ изъ владѣльческаго дома джетовъ; онъ внезапно напалъ на Халиля, взялъ его въ плѣнъ, лишилъ престола и разлучилъ съ любимой женой Шадъ-и-Мулькъ. Тогда въ защиту Султанъ-Халиля выступилъ его дядя Шахрухъ-мирза, и побѣженный Худадатъ бѣжалъ изъ Самарканда въ Ташкентъ, но въ Ташкентѣ его вскорѣ схватили и предали казни, а голову отправили къ Шахруху. Въ 1410 году Шахрухъ заставилъ бѣжать въ Ташкентъ другаго ненавистнаго ему человѣка, эмира Шейхъ-Нурредина: эмиръ Шейхъ выступилъ противникомъ Шахруха, принявшаго царскій тронъ послѣ Халиля, но стѣсненный Шахрухомъ, искалъ спасенія въ послѣшномъ бѣгствѣ.

Въ 1455 году изъ Ташкента, въ помоць Тимуриду Джюги, выступалъ, съ соединенными силами узбековъ и чагатайцевъ, узбекскій султанъ Бюрге, противъ седьмаго преемника Тимура, хана Абусаида.

¹⁾ Cherefeddin Ali. Histoire de Timur-bee, Traduite de la Croix, a Delf, 1728, II, 426; IV, 206, 209, 212, 225, 252.

Въ 1467 году въ Ташкентѣ сидѣлъ Юнусъ-бекъ, считавшій себя потомкомъ Чингизъ-хана, изъ вѣти Чагатая; опираясь на монголовъ, онъ отказалъ въ повиновеніи осьмому преемнику Тимура, Султанъ-Ахметъ-Мирзѣ, но былъ побѣженъ имъ послѣ войны и лишился города Ташкента вмѣстѣ съ другими городами.

Четвертый періодъ, господство узбековъ и киргизъ-кайсацковъ. XVI—XIX, 1500—1814 Это самый продолжительный и самый богатый событиями періодъ времени въ исторіи города Ташкента. Онъ начинается съ 1500 года и кончается 1814-мъ. Въ 1500 году близъ городовъ Ташкента и Шахрухій (бывшаго Бинкета) сосредоточены были силы монголовъ и калмыковъ подъ начальствомъ Ханеке-султана и Аладжи-султана, готовившихся вступить въ борьбу съ Шейбани-ханомъ, основателемъ новой династіи послѣ Тимуридовъ; но попытка союзниковъ оказалась неудачной; не прошло и пяти лѣтъ послѣ взятія Шейбани-ханомъ столицы Тимуридовъ, Самарканда, какъ онъ успѣлъ уже захватить въ свои руки какъ городъ Шахрухію; такъ и городъ Ташкентъ: собравъ подъ своимъ скипетромъ почти всѣ земли потомковъ Тимура, а въ томъ числѣ и городъ Ташкентъ съ его областью. Шейбани-ханъ отдалъ его въ 1508 году въ управление Суюнджи-Ходжи-хану¹⁾. Тогда многие изъ жителей Ташкента, устрашенные дѣйствіями своихъ властителей, бѣжали изъ города къ киргизъ-кайсакамъ и тѣмъ увеличили ихъ численность²⁾.

Въ 1521 году изъ Ташкента ходилъ войной противъ преемника Шейбани-хана, Кючкюджи-хана, уз-

¹⁾ Вамбори. Исторія Бухари, С.-Петербургъ, 1878, II, 18.

²⁾ Левшинъ. Описаніе киргизъ-кайсацкихъ ордъ, СПБ., 1882, II, 44.

бекский принцъ Султанъ-Баракъ, иначе называемый Наурузъ-Ахметомъ, именуемый у хивинского историка XVII вѣка, хана Абуль-Гази ташкентскимъ ханомъ; по словамъ Абуль-Гази, Султанъ-Баракъ въ 1539 году, по просьбѣ бухарскаго эмира Убейдъ-Уллы (Обеятъ-Уллы), ходилъ, совмѣстно съ эмиромъ на хивинскаго хана Аванеша подъ городъ Ургенчъ. Побѣда оказалась на сторонѣ союзниковъ: хивинскій ханъ былъ убитъ, а городъ Ургенчъ былъ отданъ сыну Убейдъ-Уллы; побѣжденное же населеніе было раздѣлено на 4 части, изъ коихъ одна часть досталась ташкентскимъ тюрямъ, т. е. всѣмъ членамъ ханскаго семейства¹⁾.

Въ это-же время соучастниками историческихъ событий города Ташкента впервые выступаютъ казаки или такъ называемые киргизъ-кайсаки. Въ 1534 году московскій посолъ Даніилъ Губинъ доносилъ царю Ивану Васильевичу Грозному о взятии Ташкента казаками; по словамъ Губина, казаки, представлявшіе изъ себя уже въ то время очень сильное племя, два раза нападали на „ташкентскихъ царевичей и, несмотря на сильный отпоръ со стороны царевичей, ихъ побивали“²⁾.

Въ 1551 году въ Ташкентѣ проживалъ Магметъ-Яръ-султанъ; послѣ смерти седьмаго преемника Шейбани-хана, Абдуль-Азисъ-хана, Магметъ-Яръ имѣлъ занять его престолъ, но его постигла неожиданная смерть, по однѣмъ въ городѣ Самарканѣ, по другимъ въ самой Бухарѣ.

Спустя семь лѣтъ послѣ этого ташкентцамъ пришлось выдержать войну съ „жестокимъ и многолюднымъ

народомъ“ киргизъ-кайсаками. Въ 1567 году изъ Ташкента въ Трансоксанію вторгнулся искатель военныхъ приключений, узбекскій принцъ Баба-ханъ; онъ напалъ на Самарканѣ и въ немъ разбилъ на голову самого правителя Хисрау-султана.

Въ 1697 году въ Ташкентѣ былъ казненъ бухарскимъ ханомъ, Абдуль-Мумыномъ, вѣрнѣйшій слуга его отца Абдуллы-хана, спасшій послѣднему жизнь во время одной изъ битвъ, престарѣлый правитель города, Кукальдашъ, со всѣми его родственниками.

Въ это-же время, по смерти Абдуль-Мумына, послѣдняго хана изъ дома Шейбанидовъ, изъ Ташкента въ Самарканѣ, въ союзѣ съ монголами, калмыками и киргизами, приходилъ князь казаковъ (т. е. киргизовъ) Текель или Тевкель-ханъ¹⁾.

Въ 1612 году городъ Ташкентъ былъ переданъ ханомъ Имамъ-кули изъ узбекской династіи Аштарханидовъ собственному сыну Искандеру для удержанія жителей его отъ набѣговъ на Самарканѣ; но ташкентцы, принявъ Искандера съ явнымъ къ нему нерасположеніемъ, скоро возмутились противъ него и убили. Тогда Имамъ-кули, разгневанный такимъ поступкомъ ташкентцевъ, рѣшилъ жестоко отомстить имъ и въ гнѣвѣ произнесъ страшную клятву, что въ свое мишеніи не остановится до тѣхъ поръ, пока кровь жителей Ташкента не дойдетъ до стремянъ его лошади. Бросившись изъ Самарканда въ Ташкентъ, Имамъ-кули достигъ злонолучнаго города, обложилъ кругомъ всѣ его стѣны и послѣ продолжительной осады взялъ городъ въ свои руки. Произошла страшная рѣзня, послѣ которой остались въ живыхъ только старики и дѣти. Но быть: все еще въ точности

1) Абдуль-Гази. Родословная тюркскаго племени, С.И.Б., II, 227. Веселовский. Историко-геогр. спѣдѣнія о хивин. ханства, С.И.Б., 1877, 106

2) Лешинъ. Описание киргизъ-кайсацкихъ ордъ, С.И.Б., 1882, II, 47.

1) Лешинъ. Описание киргизъ-кайсацкихъ ордъ, С.И.Б., 1882, II, 47.

2) Вайнбергъ История Бухары, С.Петербургъ, 1873, II, 60.

не былъ исполненъ, такъ какъ кровь убитыхъ людей доходила только до лодыжекъ, но не до стремянъ коня. Имамъ-кули готовился къ новому миценю, но тутъ одинъ благочестивый мусульманинъ придумалъ средство отвратить хана отъ новыхъ смертоубийствъ. Онъ подалъ мысль выкопать яму среди города и въ нее слить всю кровь убитыхъ людей, а хану предложилъ вѣхатъ туда верхомъ. Яма была выкопана, кровь слита, ханъ вѣхаль въ нее, и крови оказалось по самыя стремена ханскаго коня. Тогда ханъ совершенно успокоился, такъ какъ обѣтъ его былъ въ точности исполненъ, и скоро отступилъ отъ Ташкента въ Самаркандъ.

Въ 1623 году въ Ташкентъ бѣжалъ Абуль-Гази, впослѣдствіи знаменитый ханъ Хивы, авторъ сочиненія „Родословная тюркскаго племени“, потомокъ Чингизъ-хана, изъ рода Шейбани; поссорившись съ роднымъ братомъ Исфендіяромъ и обезсиленный отъ борьбы съ нимъ, Абуль-Гази оставилъ родину и бѣжалъ къ туркестанскому властителю Ишимъ-хану, а отъ него перѣхаль къ владѣтелю Ташкента, Турсунъ-хану и пробылъ здѣсь два года, живя въ Ташкентѣ „съ великою отмѣною отъ прочихъ“. Черезъ два года Ишимъ и Турсунъ ханы поссорились между собой и вступили въ борьбу; во время борьбы Ишимъ убилъ Турсуна и овладѣлъ Ташкентомъ. Тогда Абуль-Гази удалился изъ Ташкента. Послѣ цѣлаго ряда приключений въ теченіи 21 года со времени пребыванія въ Ташкентѣ, Абуль-Гази, наконецъ, провозглашенъ былъ ханомъ въ Хорезмѣ и процарствовалъ двадцать лѣтъ, съ 1644 по 1664, находясь почти все время въ непрерывной войнѣ съ туркменами, калмыками и бухарцами¹⁾.

¹⁾ Родословная тюркскаго племени. Казань, 1854, VII; тоже С.П.Б., 1827, II, 224, 420.

Въ началѣ XVIII вѣка Ташкентъ дѣлается яблкомъ раздора между дзюнгарскимъ и киргизъ-кайсацкимъ ханами. До 1723 года онъ находился въ рукахъ киргизъ-кайсаковъ, но послѣ этого времени былъ покоренъ дзюнгарскимъ ханомъ Гауданъ-Цыреномъ; Гауданъ-Цыренъ воспользовался нападеніемъ на киргизовъ нѣкоторыхъ русскихъ инородцевъ, жившихъ по Волгѣ, и сибирскихъ казаковъ, нанесъ цѣлый рядъ пораженій киргизамъ, послѣ чего вырвалъ изъ ихъ рукъ городъ Ташкентъ.

Къ этому-же времени относится первое извѣстіе о сношенияхъ Ташкента съ Россіей. Такъ, въ 1736 году изъ Ташкента черезъ Оренбургъ въ Казаньѣздили ташкентскіе купцы; а въ 1739 году изъ Россіи въ Ташкентъ отправленъ былъ первый купеческій караванъ, въ которомъ часть товара была казенная; этотъ караванъ шелъ подъ начальствомъ поручика Миллера, при которомъ состоялъ офицеръ-геодезистъ, но за два дня пути не доходя до Ташкента онъ былъ ограбленъ и истребленъ киргизъ-кайсаками Большой орды. И впослѣдствіи времени Россія смотрѣла на Ташкентъ, какъ на одинъ изъ торговыхъ пунктовъ,透过 whichъ можно завести торговля сношения съ Индіей, этимъ сказочнымъ источникомъ всяческихъ богатствъ. Для этого русское правительство сносилось, въ 1725 году, съ киргизскимъ ханомъ Нурали¹⁾.

Въ 1739 году Ташкентъ вновь сдѣлался достояніемъ киргизъ-кайсаковъ. Киргизъ-кайсаки Большой орды, побѣженные Гауданъ-Цыреномъ, не могли скоро забыть потери Ташкента; собравшись подъ предводительствомъ собственнаго хана Юлбарса, они вырвали изъ рукъ Цырена нѣсколько городовъ и се-

¹⁾ Левшиант. Описаніе киргизъ-кайсакихъ ордъ, С.П.Б., 1832, II, 200.

леній, въ числѣ коихъ былъ и городъ Ташкентъ; взявъ Ташкентъ, Юлбарсъ управлялъ имъ совмѣстно съ однимъ изъ сильнѣйшихъ киргизскихъ старшинъ Тюля-біемъ, взимая съ горожанъ ежегодную дань. Скоро, однако, Юлбарсъ былъ убитъ, и управлениѳ осталось въ рукахъ одного Тюля-бія. Но и Тюля-бій недолго управлялъ Ташкентомъ: онъ былъ изгнанъ какимъ-то Кусекъ-бекомъ, повидимому однимъ изъ подвластныхъ лицъ Гауданъ-Цырена или, по крайней мѣрѣ, расположеннымъ къ нему человѣкомъ. Это видно изъ того, что вся дань, которую Кусекъ-бекъ взималъ съ Ташкента, онъ отправлялъ дзюнгарскому хану. Съ этого времени киргизы потеряли свое значеніе во внутреннихъ дѣлахъ Ташкента; за то они захватили въ свои руки всѣ окрестныя земли его, всѣ лучшіе лѣса, овладѣли всею торговой прибылью, плѣнили множествомъ какъ изъ самыхъ горожанъ, такъ и изъ прѣбывающихъ къ нимъ чужестранныхъ купцовъ. Особенно страдали жители Ташкента отъ киргизовъ послѣ паденія дзюнгарского ханства (1756); ташкентскіе ханы отвращали набѣги киргизовъ не силою и мужествомъ, а подарками и покорностью, что и давало именно смѣлость киргизъ-кайсакамъ грабить Ташкентъ¹⁾). Стѣствіемъ такого насилия со стороны киргизъ-кайсаковъ было организованное восстаніе противъ нихъ, поднятое сартами и произошедшее въ 1748 году. Возмущенные хищническими дѣйствіями киргизъ-кайсаковъ (точнѣе кипчаковъ²⁾), жители Ташкента въ одинъ изъ базарныхъ дней, когда въ городъ наѣхала масса всякихъ инородцевъ и въ числѣ ихъ множество киргизовъ, вооружившись предварительно палками, топорами, шашками, спря-

1) Левшинъ. Описаніе киргизъ-кайсакскихъ ордъ, С.П.Б., 1832, II, 81, 88.

2) Левшинъ. Описаніе киргизъ-кайсакскихъ ордъ, С.П.Б., 1832, III, 8.

танными подъ халатами, внезапно бросились на киргизовъ и произвели между ними страшное избиеніе. Тогда оставшиеся въ живыхъ киргизы устремились изъ города, выбрали общаго предводителя Шингайхана, родомъ киргизъ-ташкентца, и бросились по областямъ, принадлежавшимъ Ташкенту, вездѣ же стокомъ мстя сартамъ. Однако скоро дѣйствіемъ киргизъ-кайсаковъ положенъ былъ конецъ: одна часть изъ нихъ, вмѣстѣ со старшинами, была вырѣзана въ Тюря-Курганѣ, другая часть истреблена въ Наманганѣ¹⁾.

Одновременно съ ударами, которые ташкентцы выносили отъ киргизовъ, они должны были вести войну и съ китайцами. Китайцы, взявши Дзюнгарію и Малую Бухару, стали простирать свои руки и на другія владѣнія магометанъ Средней Азіи. Тогда ташкентцы, вмѣстѣ съ другими, рѣшили искать защиты противъ Китая у авганскаго эмира Ахмета. Ахметъ внялъ просьбѣ союзниковъ, собралъ войско и отправилъ его противъ китайцевъ. Войско это остановилось между Ташкентомъ и Кокандомъ и послѣ непродолжительного времени покончило дѣло на этотъ разъ одними переговорами съ китайцами.

Со второй половины XVIII вѣка Ташкентъ дѣлается достояніемъ Бухары. Это случилось, по словамъ русскаго путешественника Бурнашова, єздившаго въ Бухару въ 1795 году, при эмирѣ Шахъ-Мурадѣ (1775—1801). Бурнашовъ говоритъ, что Шахъ-Мурадъ взялъ Ташкентъ въ числѣ прочихъ областей и городовъ, и жители его признали „своимъ протекторомъ бухарскаго эмира, обязались письменно дѣлать ему вспоможеніе въ потребныхъ случаяхъ, что однако-же худо исполняютъ“.²⁾ Бухара, желая удер-

1) Наливкинъ. Краткая исторія кок. ханства, Казань, 1885, 63.

2) Сибирскій Вѣстникъ 1818 года, II, 57.

жать за собою Ташкентъ, отправляла туда своихъ намѣстниковъ, поддерживая ихъ время отъ времени присылавшими въ него бухарскими нукерами. Но намѣстники эти оставались недолго въ Ташкентѣ, при томъ-же они часто враждовали другъ съ другомъ; эта вражда особенно усилилась съ 1785 года и длилась до тѣхъ порь, пока Ташкентъ не попалъ въ руки хакима Юнусъ-Ходжи-Ишана, потомка св. Шейхантаура въ 16-й степени; онъ возобладалъ надъ своими противниками при помощи Ханъ-Ходжи, приходившагося родственникомъ кокандскаго хана.

Утвердившись въ Ташкентѣ, Юнусъ-Ходжа-Ишанъ прежде всего обратилъ свое вниманіе на киргизъ-кайсаковъ, безнаказанно грабившихъ жителей города. Зная по опыту своихъ предшественниковъ, что уступки и робость передъ киргизами дѣлали ихъ еще болѣе хищными и дерзкими, Юнусъ-Ходжа собралъ въ 1798 году большое войско и повелъ его противъ киргизъ-кайсаковъ Большой орды. Одержавъ первую побѣду надъ врагами Ташкента, онъ въ слѣдъ за тѣмъ предпринялъ цѣлый рядъ другихъ походовъ, окончившихся также счастливо, какъ и первый. Каждый походъ онъ означалъ цѣлымъ рядомъ казней, наглядными выразителями которыхъ служили такъ называемыя калламинари, т. е. пирамиды или башни изъ непріятельскихъ головъ. Послѣ этого киргизы смирились, безусловно подчинились власти Юнусъ-Ходжи-Ишана и обязались повиновеніемъ не только за настоящее, но и за будущее время. Всѣ селенія, захваченные киргизами, были у нихъ отобраны, съ нихъ взысканы были за всѣ грабежи и убийства девежныя пени въ пользу ташкентцевъ; на нихъ наложена была дань, со ста барановъ по одному; имъ даны были правила, какъ руководства для разбирательства вну-

треннихъ распрай¹). Въ это же время, при управлениі Ташкентомъ Юнусъ-Ходжи-Ишана, случился большой голодъ, вслѣдствіе чего одна юкча (2 фунта) проса продавалась за одну тёньгу (20 к.). Люди, чтобы прокормиться, прибѣгали къ такимъ средствамъ, какъ продажа сыновей и дочерей. Такъ, въ это время продали одну щѣвицу за 10 сэропъ человѣку, который впослѣдствіи женился на ней; женщину видѣли потомъ старухой и всегда указывали на нее. Много сдѣлалъ добра Юнусъ-Ходжа и во время голода. Кроме того Юнусъ-Ходжа возвелъ вокругъ города Ташкента, въ 1190 году гиджры (1775), глиняныя стѣны²).

Устроивши внутренний порядокъ въ Ташкентѣ, Юнусъ-Ходжа обратилъ свое вниманіе на отношеніе Ташкента къ Коканду. Отношенія эти начались съ бѣгства Ходжи-бія, роднаго брата кокандскаго властителя Нарбуты, въ Ташкентѣ. Находясь во враждебныхъ отношеніяхъ съ Нарбутой и чувствуя себя небезопаснымъ въ отечествѣ, Ходжа-бій внезапно покинулъ Кокандъ и упierъ въ Ташкентъ; встрѣтивъ здѣсь самый радушный приемъ, Ходжа-бій, однако, остался въ Ташкентѣ недолго и ушелъ отсюда сперва въ Ура-Тюбе, а потомъ въ Бухару. Вскорѣ послѣ отѣзда Ходжи-бія, а именно въ 1808 году, противъ Юнусъ-Ходжи отправлено было войско первымъ кокандскимъ ханомъ Алимомъ подъ начальствомъ Ханъ-Ходжи, того самаго, который утвердилъ власть Юнусъ-Ходжи въ Ташкентѣ; Ханъ-Ходжа направился черезъ Кендыръ-Даванъ къ Чирчику, предавая на своемъ пути всѣ селенія туземцевъ грабежу и разбою; но у самаго Чирчика онъ былъ встрѣченъ Юнусъ-Ходжей и понесъ решительное пораженіе; кроме убитыхъ на мѣстѣ взято было въ пленъ 70

¹) Левшинъ. Описание киргизъ-кайсацкихъ ордъ, 1882. II, 40.

²) Туркестанская туземная газета, 1890, № 22, 1891, № 44, 4.

человѣкъ кокандцевъ, въ числѣ коихъ былъ и самъ Ханъ-Ходжа, попавшійся въ плѣнъ благодаря собственной лошади, вскочившей въ какую-то нору и повергшей своего Ѣздука на землю. Всѣ плѣнныес, не исключая и самого Ханъ-Ходжи, были казнены, по приказанію безжалостнаго Юнусъ-Ходжи. Послѣ этого одинъ изъ родственниковъ погибшаго Ханъ-ходжи, Бузрукъ-Ходжа, вообразивъ, что ханъ Алимъ нарочно отправилъ Ханъ-ходжу къ Ташкенту, чтобы онъ нашелъ тамъ свою гибель, выступилъ войной противъ Алимъ-хана, но былъ побѣженъ и бѣжалъ на Чаткалъ, откуда послалъ двухъ своихъ сыновей къ Юнусъ-Ходжѣ съ просьбой о помощи противъ хана. Юнусъ-ходжа не замедлилъ прислать помоць, но тутъ самъ народъ схватилъ Бузрука у города Чуста и передалъ его въ руки Алимъ-хана. Плѣннаго Бузрука ханъ Алимъ встрѣтилъ такъ ласково и съ такою задушевностью, что несчастный даже заплакалъ отъ радости; весь день Алимъ уговаривалъ своего плѣнника на славу, а на ночь распорядился отвести ему для покоя особую палатку и въ тоже время отдалъ приказаніе зарѣзать его, что и было исполнено въ точности. Но избавившись отъ Бузрука, Алимъ-ханъ нашелъ себѣ болѣе опаснаго противника, Юнусъ-Ходжу, который объявилъ притязаніе на обладаніе всей Ферганской области. Собравъ войско, Юнусъ-Ходжа выступилъ, вмѣстѣ съ собственнымъ сыномъ, противъ Алимъ-хана, но неожиданно для самого себя былъ разбитъ ханомъ у Гурумъ-Сарая и едва спасся бѣгствомъ при помощи немногихъ изъ своихъ прислужниковъ. Вскорѣ послѣ этого, а именно въ 1810 году, Юнусъ-Ходжа-Ишанъ скончался въ Ташкентѣ и его мѣсто занялъ сынъ Султанъ-Ходжа.

Пятый периодъ, господство кокандцевъ. 1814—

1840. Смертью Юнусъ-Ходжи рѣшилъ воспользоваться Алимъ-ханъ для того, чтобы подчинить Ташкентъ власти Коканда. Собравъ войско ханъ отправилъ его къ Ташкенту подъ начальствомъ собственнаго брата Омара. Дойдя до Чирчика и предавая все на своеемъ пути грабежу и разбою, Омаръ встрѣтилъ здѣсь посольство отъ Султанъ-Ходжи съ мирными предложениями и охотно вступилъ съ нимъ въ переговоры. Но Султанъ-Ходжа внезапно пришелъ къ другому рѣшенію и выступилъ съ войскомъ противъ Омара. Въ происшедшій битвѣ у рѣчки Чирчика Султанъ-Ходжа потерпѣлъ, однако, пораженіе и былъ взятъ въ плѣнъ. Ворота Ташкента были открыты, и Омаръ вошелъ въ городъ; сверхъ всякаго ожиданія онъ назначилъ преемникомъ Султанъ-Ходжи его-же роднаго брата, Хамиль-Ходжу. Поэтому естественно, что лишь только Омаръ отступилъ отъ Ташкента, какъ Хамиль-Ходжа объявилъ себя врагомъ Омара и бросился ему въ тылъ. Тогда Омаръ возвратился назадъ, принудилъ къ отступленію Хамиль-Ходжу и, прежде чѣмъ дошелъ до Ташкента, обложилъ кругомъ Ниязъ-бекъ и взялъ его приступомъ. Перепуганные жители Ташкента вновь запросили о мирѣ; Омаръ на этотъ разъ снизошелъ къ ихъ просьбѣ, но потребовалъ къ себѣ Хамиль-Ходжу. Хамиль-Ходжа явился къ Омару, и Омаръ опять къ удивленію всѣхъ оставилъ въ Ташкентѣ въ качествѣ правителя города Хамиль-Ходжу; зато съ этого времени городъ объявленъ былъ состоящимъ въ зависимости отъ кокандскаго хана.

Однако, Хамиль-Ходжа и послѣ этого не успокоился: пользуясь отдаленностью своего положенія и стѣсненными обстоятельствами хана, постоянно занятаго войнами, онъ сталъ оказывать ему явное неповиновеніе. Тогда на Ташкентъ двинулся самъ ханъ

Алимъ. Въ проишедшей битвѣ кокандцевъ съ ташкентцами, между Ташкентомъ и Чирчикомъ, Хамидъ-Ходжа потерпѣлъ рѣшительное пораженіе и бѣжалъ въ Бухару, оставивъ свой городъ на произволъ судьбы. Въ покинутый городъ вступилъ Алимъ-ханъ и отдалъ его на трехдневное разграбленіе, а въ заключеніе назначилъ въ Ташкентѣ новаго хакима Сайдъ-Али-бека и въ помошь ему далъ нѣсколько кокандскихъ чиновниковъ съ отрядомъ нукеровъ.

Спустя шесть лѣтъ послѣ этого Алимъ-ханъ, безъ всякаго видимаго повода со стороны ташкентцевъ, не смотря на всѣ совѣты приближенныхъ лицъ и придворнаго астролога, не смотря даже на зимнее время, вновь собрался походомъ на Ташкентъ. Поохотившись вѣкоторое время на тигровъ въ рощѣ на берегу Чирчика, ханъ вошелъ въ городъ Ташкентъ и расположился здѣсь со своими войсками. Изъ Ташкента онъ послалъ двухъ начальниковъ Ирись-кула и Джума-бая, съ отрядомъ войска въ казацкіе (киргизскіе) кишлаки для собираанія въ нихъ добычи на ханскій дворъ. Исполнивъ приказаніе хана, начальники отряда, въ виду зимняго холода, поспѣшили было въ Ташкентъ, но ханъ, недовольный этимъ, приказалъ имъ вновь идти на добычу. Тогда Ирись-куль и Джума-бай составили заговоръ противъ Алимъ-хана, распустили слухъ о его смерти, собрали вокругъ себя войско и, объявивъ ханомъ вместо Алимъ-хана Омара, поспѣшно направились къ Коканду,бросивъ на произволъ судьбы Алима въ Ташкентѣ. Алимъ-ханъ, видя себя безпомощнымъ, немедленно покинулъ Ташкентъ, оставивъ въ немъ, въ числѣ немногихъ, собственнаго сына Шахрухъ-бека и, въ сопровожденіи 200 женщинъ, вѣсколькихъ дѣтей и 40 мужчинъ, бросился

черезъ Кызылъ-Купрюкъ и Бадамъ-Чапму на Кокандъ. Но близъ самаго Коканда онъ былъ настигнутъ кипчаками, долго отъ нихъ отбивался, но подъ конецъ былъ прострѣленъ пулей на вылетъ чрезъ спину въ грудь и, обнимая своего любимаго коня, упалъ лицомъ внизъ на землю. Мертваго Алимъ-хана привезли на арбѣ въ Кокандъ и останки его предали землѣ. Въ слѣдъ за этимъ, по приказанію новаго хана Омара, сынъ Алима, Шахрухъ-бекъ, оставленный отцомъ въ Ташкентѣ, былъ схваченъ и отправленъ въ Кокандъ, но по дорогѣ зарѣзанъ, а на мѣсто его въ Ташкентѣ назначенъ былъ хакимомъ Раджабъ-Диванъ-беки.

Въ 1819 году близъ Ташкента проходилъ ханъ Омаръ въ степь Даштъ-и-Кипчакъ и тутъ взялъ городъ Туркестанъ, находившійся во власти Бухары, подъ управлениемъ Токай-Туре. На обратномъ пути онъ заходилъ въ городъ Ташкентъ и отсюда направился прямо въ Кокандъ; прибывъ въ Кокандъ, Омаръ принялъ новый титулъ эмиръ-эль-муслимина, т. е. титулъ повелителя правовѣрныхъ, впервые установленный халифомъ Али. Между тѣмъ по уходѣ Омаръ-хана изъ Туркестана, сюда явился бывшій въ немъ хакимъ Токай-Туре, покровительствуемый Бухарой. Онъ успѣлъ уже взять городъ Сузакъ и готовился подступить къ Туркестану, но противъ него выступилъ изъ города Ташкента Базаръ-Бай-Багадуръ и Токай-Туре, послѣ неудачнаго сопротивленія Багадуру, бѣжалъ въ Бухару.

Черезъ годъ послѣ этого события городъ Ташкентъ, управляемый Ляшкеромъ-кушбеки, осчастливленъ былъ прїездомъ въ него Омаръ-хана, со всѣмъ его дворомъ, имѣвшаго цѣлью совершить здѣсь торжественный обрядъ тул (т. е. обрѣзанія) любимаго сына Абдулла-бека. Временемъ поѣздки въ Ташкентъ

выбрана была зима, отъ чего вѣкоторыя изъ женохана и другой его малолѣтній сынъ сильно пострадали отъ холода въ горахъ, не смотря на то, что ханскому поѣзду предшествовали 1000 человѣкъ подданныхъ, пролагавшихъ дорогу по горнымъ снѣгамъ. Отъ горъ до рѣки Чирчика для хана устроили охоту, а отъ Куйлюка до Ташкента, на протяженіи семи верстъ, устлали дорогу разными матеріями. Когда совершилъ былъ обрядъ обрѣзанія, ханъ сдѣлалъ смотръ ташкентскимъ войскамъ, оказалъ бѣднымъ различныя милости, наградилъ чиновниковъ подарками и, объявивъ намѣстникомъ города виновника всего торжества, сына Абдулла-бека, а его помощникомъ Ляйкеръ-кушбеги, возвратился въ Кокандъ.

Въ 1821 году три начальника кокандского войска, Ана-кули, Хушвактъ-кушбеги и Арсланъ-дадха, ходили со своими нукерами подъ Самаркандъ съ цѣлью подчинить его власти кокандского хана, но не имѣли въ томъ успѣха и возвратились въ Ташкентъ, а изъ Ташкента въ Кокандъ. Въ этомъ-же году, но уже во время управления Кокандомъ преемникомъ Омара, Мадали-ханомъ, въ Ташкентѣ былъ зарѣзанъ, по распоряженію хана, его родной братъ и любимый сынъ Омара, хакимъ Абдулла-бекъ; а близъ Ташкента объявлена была несчастному изгнанику, престарѣлому и всѣми уважаемому советнику умершаго хана Омара, Маасумъ-ханъ-ходжѣ, направлявшемуся въ изгнаніе изъ Коканда въ Мекку, ханская милость о томъ, что его будетъ сопровождать особый посланецъ хана, съ нѣсколькими нукерами, до города Туркестана.

Шестой періодъ, господство бухарцевъ, 1840—1846. Этотъ періодъ времени характеризуется съ одной стороны политическимъ подчиненіемъ города Ташкента Бухарѣ, продолжавшимся, съ незначительнымъ про-

межуткомъ, шесть лѣтъ (1840—1846); съ другой стороны политическимъ вліяніемъ на него кипчаковъ (киргизскій родъ), державшихъ въ своихъ рукахъ управление Коканда, а черезъ Кокандъ и управление города Ташкента, въ теченіи десяти лѣтъ (1842—1852), посредствомъ собственныхъ мингбашей или государственныхъ канцлеровъ всего кокандского ханства. События означеннаго періода начинаются съ 1840 года. Въ 1840 году городъ Ташкентъ былъ сданъ Мадали-ханомъ бухарскому эмиру Насруллѣ, а въ слѣд. за тѣмъ родной братъ Мадали-хана, Султанъ-Махмудъ-бекъ, желая все еще удержать Ташкентъ за Кокандомъ, поспѣшилъ туда съ войскомъ и на нѣкоторое время водворилъ тамъ власть своего брата. Но бухарскій эмиръ выслалъ противъ Султана-Махмудъ-бека отрядъ войска, и Султанъ поспѣшилъ уйти въ Кокандъ. Тотъ часъ послѣ паденія Мадали-хана (1842) Ташкентъ занять былъ буарцами и въ немъ расположились войска эмира подъ командой Мухаммадъ-Шерифа-Атала и Гадай-бая. Однако, въ слѣдующемъ, 1843, году новый кокандскій ханъ Ширъ-Али отправилъ въ Ташкентъ собственнаго сына Малля-бека и мингбашу-Юсуpa съ войскомъ съ цѣлью вновь присоединить городъ къ кокандскому ханству. Въ то время въ Ташкентѣ все еще былъ хакимомъ Мухаммадъ-Шерифъ-Атала, а при немъ состоялъ Гадай-бай, раненный раньше подъ крѣпостью Кереучи. Находясь въ стѣсненномъ положеніи, Шерифъ-Атала обратился съ просьбой о помощи къ бухарскому эмиру; эмиръ поспѣшилъ выслать ему отрядъ нукеровъ подъ начальствомъ Абдурахманъ-Метина; но уже по пути часть этихъ нукеровъ разбрѣжалась, и Абдурахманъ прибылъ къ Ташкенту съ самымъ ничтожнымъ числомъ войска. Произошла битва, и Шерифъ былъ взятъ въ плѣнъ, а Гадай-бай съ Абду-

рахманомъ бѣжали въ Бухару. Послѣ этого побѣдители назначили въ Ташкентъ новаго хакима Сарымсакъ-бека, старшаго ханскаго сына, а сами, съ добычей и плѣнными, возвратились въ Кокандъ.

Прошло два года послѣ этого; въ Кокандѣ, въ теченіе этого времени, возвысились кипчаки; пользуясь своимъ влияніемъ и питая злобу на ханскаго любимца Шады-Шума за различныя съ его стороны злоупотребленія, кипчаки подняли въ Кокандѣ восстание. Тогда Шады-Шумъ, не надѣясь на собственныя силы, чтобы усмирить кипчаковъ, обратилъ свое вниманіе на Ташкентъ и немедленно потребовалъ къ кокандскому войску и находившемуся при войскахъ третьему сыну хана, Худаяръ-беку, ташкентскаго хакима Сарымсака.

Въ происшедшій битвѣ между кокандцами и кипчаками, около Чуста и Тюря-Кургана, кокандцы понесли пораженіе, слѣдствіемъ котораго было убіеніе Шады-Шума и плѣненіе Худаяръ-бека. Узнавъ о такой катастрофѣ, Сарымсакъ передалъ свой отрядъ Давранъ-беку, а самъ бросился въ Кокандѣ. Прибывъ въ Кокандѣ и увидѣвъ тамъ полнѣйшую анархію, Сарымсакъ немедленно бѣжалъ въ Бухару; а между тѣмъ Давранъ-бекъ, получившій отъ Сарымсака отрядъ войска, потерпѣлъ пораженіе отъ кипчаковъ и бѣжалъ въ Ташкентъ. Въ слѣдѣ за этимъ новый мингбаши Мусульманъ-куль, родомъ кипчакъ, замѣнившій мѣсто Шады-Шума, поспѣшилъ назначить въ Ташкентъ хакимомъ кипчака Мулла-Хальбека. Тогда противъ новаго хакима выступилъ Сарымсакъ-бекъ; вспомоществуемый бухарскимъ эмиромъ, онъ взялъ городъ Ташкентъ, плѣнилъ Мулла-Хальбека и отправилъ его въ Бухару. Возмущенный появлениемъ Сарымсака въ Ташкентѣ, Мусульманъ-куль самъ выступилъ изъ Коканда, чтобы на-

казать виновника изгнанія Мулла-Халь-бека. Но у стѣнъ Ташкента Мусульманъ-куль встрѣтилъ не одного Сарымсака, а съ нимъ вмѣстѣ и Кушбеги-Лашкера, приславшаго бухарскимъ эмиромъ въ помощь Сарымсаку. Тогда Мусульманъ-куль безуспѣшно простоялъ подъ стѣнами Ташкента и вернулся въ Кокандѣ. Такая-же неудача постигла Мусульманъ-кула и тогда, когда онъ вторично (1846), при новомъ ханѣ Худаярѣ, приходилъ къ Ташкенту: сорокъ дней онъ простоялъ подъ стѣнами города и подъ конецъ все-таки ни съ чѣмъ вернулся въ Кокандѣ. Послѣ этого Мусульманъ-куль отправилъ отъ себя въ Ташкентъ посланца и чрезъ него сталъ склонять Сарымсака пріѣхать въ Кокандѣ. Сарымсакъ послѣ долгихъ колебаній явился въ Кокандѣ и отсюда посланъ хакимомъ въ Балыкчи, но вскорѣ тамъ былъ схваченъ и зарѣзанъ по приказанію Мусульманъ-кула. Въ Ташкентѣ-же назначенъ былъ сперва Мулла-Халь-бекъ, а потомъ Азизъ-Парваначи.

Седьмой періодъ, господство кокандцевъ, 1846—1863. Новому хакиму, уже тотъ-часть по вступлѣніи его въ должность, пришлось вести войну съ правителемъ Туркестана, который объявилъ себѣ независимымъ отъ кокандскаго хана. Посланное изъ Ташкента для усмирѣнія Туркестана войско не имѣло никакого успѣха: городъ сдался только тогда, когда осажденъ былъ самимъ Азисомъ. Покоривъ туркестанцевъ, Азисъ-Парваначи уже выступилъ было изъ города, какъ вдругъ узналъ, что въ Кокандѣ произошло важнѣйшее для него событие, смѣна бывшаго кушбеги Мусульманъ-кула новымъ Мулла-Халь-бекомъ, весьма враждебнымъ для Азисъ-Парваначи. Тогда Азизъ поспѣшилъ возвратиться въ Туркестанъ и укрѣпилъ его; изъ Туркестана онъ направился въ Ташкентъ и, укрѣпивъ его подобно Туркестану, тутъ от-

крыто объявилъ о своемъ намѣреніи отложитьсь отъ Кокандъ. Между тѣмъ въ Кокандѣ въ это самое времяшли ожесточенные споры между двумя партиями, изъ коихъ одна требовала возвращенія къ должностности прежняго кушбека, а другая хлопотала о низверженіи Худаяръ-хана. Въ это именно время пришла вѣсть въ Кокандъ о замыслахъ Азисъ-Парваначи; узнавъ объ этомъ многіе изъ благомыслившихъ людей стали отклонять его отъ мятежныхъ замысловъ, но, послѣ долгихъ переговоровъ, потерпѣли рѣшительную неудачу. Тогда противъ Ташкента двинулся самъ Худаяръ-ханъ. Однако, Худаяръ-ханъ, простоявъ нѣсколько времени безуспѣшно подъ стѣнами города, ушелъ ни съ чѣмъ въ Кокандъ. Избавившись на этотъ разъ отъ опасности и все же лежа въ душѣ мысль объ отдѣленіи отъ Кокандъ, Азисъ-Парваначи, вслѣдствіе того сознанія, что война — прежде всего деньги нашелъ нужнымъ обложить жителей Ташкента новыми налогами (тилля-пули, мисъ-пули и улау-пули, т. е. подать на золото, мѣдь, выючныхъ животныхъ) и приказалъ, по заведенному обычаю, сдѣлать повальный обыскъ между жителями для того, чтобы знать, кто сколько имѣлъ золотыхъ и серебряныхъ монетъ и выючныхъ животныхъ. Но этотъ налогъ вызвалъ страшное возмущеніе со стороны населенія, руководимаго вѣкіемъ Мухаммадъ-Юсупъ-баемъ. Тщетно Азисъ-Парваначи старался усмирить населеніе Ташкента какъ словами, такъ и пушками: оно то усмѣялось, то слова поднималось. Къ довершенію бѣды для Азисъ-Парваначи въ это самое время кокандская войска вновь явились подъ стѣнами Ташкента и послѣ вѣкотораго времени взяли его приступомъ; тогда Азисъ-Парваначи былъ схваченъ, отправленъ въ Кокандъ и тамъ зарѣзанъ, а хакимомъ города Ташкента назначенъ Норъ-Мухаммадъ-Дадха, родомъ кипчакъ.

Новый хакимъ, получивъ власть, пошелъ по слѣдамъ своего предшественника: онъ объявилъ себя противникомъ если не самого хана, то его кушбеки, тоже, вновь назначенаго, Мусульманъ-кула. Мусульманъ-куль, узнавъ о чувствахъ, которыя питалъ къ нему Норъ-Мухаммадъ-Дадха, собралъ войска (1851) и двинулся къ Ташкенту. Простоявъ, однако, нѣкоторое время на рѣчкѣ Саларѣ, онъ вернулся въ Кокандъ, но вслѣдъ за этимъ, усиливъ свои войска и забравъ съ собой Худаяръ-хана, снова двинулся къ Ташкенту, выславъ напередъ значительный отрядъ къ Чимкенту, имѣя въ виду тѣмъ разъединить силы资料 ofего противника. Однако, посланный Мусульманъ-куломъ отрядъ пошелъ вмѣсто Чимкента въ Ташкентъ, объявивъ себя противникомъ Мусульманъ-кула. Также поступилъ и главный начальникъ войска Утамбай, которому поручена была осада города; правда, Утамбай сперва какъ-будто держалъ сторону Мусульманъ-кула и даже взорвалъ часть городскихъ стѣнъ Ташкента, но потомъ внезапно перешелъ на сторону противниковъ Мусульманъ-кула, и послѣдній принужденъ былъ бѣжать сперва на Чирчикъ, а потомъ, разбитый преслѣдовавшимъ его врагомъ, на Чаткаль. Послѣ этого ташкентцы съ торжествомъ ввели въ городъ Худаяръ-хана и упросили его взять управление областью въ собственные руки. Худаяръ-ханъ смѣнилъ Мусульманъ-кула и на его мѣсто назначилъ Утамбая, а въ Ташкентѣ оставилъ тогоже Норъ-Дадху, придавъ ему въ помощники Касыма. Но сверженіе Мусульманъ-кула не принесло спокойствія Ташкенту и на этотъ разъ: кипчаки, недовольные положеніемъ дѣлъ въ Кокандѣ, вновь стали призывать къ дѣлу Мусульманъ-кула и вновь начали стремиться къ низверженію Худаяръ-хана. Ханъ, узнавъ о замыслахъ кипчаковъ, от发илъ секретное письмо въ

Ташкентъ къ Дадха съ приказаниемъ немедленно выслать войска въ Кокандъ. Войска двинулись подъ начальствомъ Дадха и Касыма; но въ пути первый, предупрежденный кипчаками, намѣренно сталъ замедлять движение войска впередь; тогда Касымъ отдалъ приказъ взять Дадха подъ арестъ, а самъ бросился въ Кокандъ, куда его вновь призывалъ Худаяръ-ханъ. Касымъ прибѣжалъ въ Кокандъ съ ташкентцами какъ разъ въ то время, когда кипчаки, ворвавшись во дворецъ хана, стали требовать отъ него отчета въ его дѣйствіяхъ по поводу вызова имъ войска изъ Ташкента и начали грозить ему смертью. Вскочивъ въ ханскую урду, войско Касыма произвело избиеніе кипчаковъ сперва во дворцѣ, а потомъ и во всей столице кокандского ханства. Послѣ этого Худаяръ-ханъ, очистивъ урду отъ труповъ и назначивъ мингбашей Касыма, двинулся (1852 года 3 октября) къ Былкилламъ, гдѣ сидѣль Мусульманъ-куль съ убѣжавшими изъ Коканда кипчаками, числомъ до 2000 человѣкъ. Во время происшедшій здѣсь битвы, въ которой каждая сторона считала себя пораженной и бѣжала съ поля сраженія, Мусульманъ-куль былъ схваченъ, отправленъ въ Кокандъ и здѣсь повѣшенъ послѣ трехт-дневнаго моренія на досчатой площадкѣ, прибитой къ верхнему концу стелбы, врытаго въ землю среди бараньяго базара. Всльдѣ за этимъ (въ 1853 году) въ Ташкентъ назначенъ былъ новый управитель Малля-бекъ.

Но спокойствія въ Ташкентѣ послѣ этого не послѣдовало. На этотъ разъ оно нарушено было уратюбинскимъ ханомъ Абдуль-Гафаромъ. Этотъ ханъ, желая обогатиться воинной добычей, двинулся походомъ на кураму, не предупредивъ о томъ своего хана. Ханъ-же, вообразивъ, что между уратюбинскимъ и ташкентскимъ хакимами состоялось тайное согла-

шеніе противъ него лично, внезапно бросился, вмѣстѣ съ Касымомъ, въ Махрамъ, гдѣ зарѣзалъ отпрѣленнаго къ нему на встречу послѣ,ѣхавшаго изъ Ташкента, и изъ Махрама самъ двинулся на Ташкентъ, а Касыма послать было на Ура-Тюбе, но по томъ вскорѣ вернуль назадъ къ себѣ. Недоумѣвая, куда и зачѣмъ выступилъ ханъ, Малля-бекъ, отпра вившій было противъ Абдуль-Гафара, возвратилъся въ Ташкентъ и отсюда отправилъ пословъ къ Худаяръ-хану. Недовольный неопредѣленнымъ отвѣтомъ со стороны хана, Малля-бекъ обронилъ нѣсколько неосторожныхъ противъ него фразъ, и Худаяръ-ханъ увѣрился въ дурныхъ намѣреніяхъ своего подначального хакима. Послѣ этого Ташкентъ былъ обложенъ вокругъ войсками и взятъ приступомъ; Малля-бекъ попытался сразиться съ ханомъ, но потерпѣлъ пораженіе и бѣжалъ въ Бухару. Изгнавъ изъ Ташкента своего заклятаго врага, ханъ, однако, недолго торжествовалъ послѣ этого свою побѣду: здѣсь онъ впервые услышалъ роковую для него вѣсть о движениіи русскихъ съ сѣвера въ предѣлы кокандскихъ владѣній. Назначивъ въ Ташкентъ новымъ хакимомъ Шадманъ-хаджи, Худаяръ-ханъ приказалъ ему, вмѣстѣ съ Сарымсакомъ и Имамъ-Керимъ-Шейхомъ, идти противъ русскихъ въ Акъ-Мечети (Перовскѣ), а самъ двинулся въ Кокандъ. Но посланный въ Акъ-Мечеть ханскія войска не имѣли никакого успѣха, и Шадманъ съ другими товарищами возвратился въ Ташкентъ ни съ чѣмъ. Тогда ханъ, узнавъ о томъ, призвалъ къ себѣ всѣхъ трехъ начальниковъ войскъ въ Кокандѣ и предалъ ихъ публичному позорованію, заставивъ приступить ихъ на женской прялкѣ среди двора ханской урды. Послѣ этого въ Ташкентѣ назначенъ былъ вмѣсто Шадманъ-хаджи новый хакимъ Суфи-бекъ, а въ Акъ-Мечеть

противъ русскихъ отправленъ былъ мингбashi Касымъ. Касымъ прежде всего направился въ Ташкентъ и отсюда уже, послѣ долгихъ колебаній и вторичною приказанія со стороны хана, двинулся къ Акъ-Мечети, но близъ этой крѣпости былъ разбитъ русскими и вернулся въ Ташкентъ. Узвавъ объ этомъ, ханъ, не выразивъ никакого неудовольствія Касыму, отправилъ въ Ташкентъ нового хакима Мирзу-Ахмата, страшно жестокаго и алчнаго человѣка, продававшаго за недоимки дѣтей киргизовъ въ вѣче рабство сартамъ. Въ благодарность за такое управление Мирза-Ахматъ былъ вызванъ потомъ въ Кокандъ и сдѣланъ тамъ мингбашей. Черезъ два года послѣ этого события (1858) самъ Худаяръ-ханъ былъ смѣненъ Малля-ханомъ и нашелъ себѣ пріютъ въ Замины. Однако, Малля-ханъ вскорѣ былъ убитъ собственными подданными (1862) и вместо него одни объявили Шамурада, а другие вновь воротились къ Худаяръ-хану. Послѣдняго вызвали изъ Замина въ Ташкентъ и тутъ объявили его ханомъ. Тогда противъ Худаяръ-хана выступилъ Шамурадъ и обложилъ городъ Ташкентъ со всѣхъ сторонъ войсками, расположивши главныя силы на берегу рѣчки Салара. Вскорѣ, однако, узнавъ, что къ Худаяръ-хану идетъ помощь отъ бухарского эмира, Шамурадъ снялъ осаду и псиѣшиль въ Кокандъ. Послѣ этого Худаяръ-ханъ вошелъ въ Ташкентъ, но, узнавъ о приближеніи къ городу эмира, вышелъ къ нему на встрѣчу въ крѣпость Нау. Изъ Нау Худаяръ-ханъ, по распоряженію эмира, двинулся въ Кокандъ и, послѣ незначительного столкновенія со сторонникомъ Шамурада, Алимъ-куломъ, занялъ Кокандъ.

Осмой періодъ, господство бухарцевъ 1863—1865.
Между тѣмъ Алимъ-куль не унимался; это обстоятельство подало поводъ бухарскому эмиру навсегда

покончить съ Кокандомъ: онъ рѣшилъ присоединить кокандское ханство къ Бухарѣ (1863), а Худаяръ-хана отправить въ качествѣ хакима въ Ташкентъ. Худаяръ-ханъ принужденъ былъ повиноваться эмиру. Но наканунѣ отѣзда въ Ташкентъ онъ сдѣлалъ неудачную попытку убить одно непріятное ему лицо черезъ подкупленного каракалпака, чѣмъ возбудилъ противъ себя страшное негодованіе со стороны эмира и былъ отправленъ вместо Ташкента въ Джизакъ, въ Ташкентъ же назначенъ былъ Шадманъ-Ходжа. Между тѣмъ неутомимый Алимъ-куль провозгласилъ преемникомъ Худаяръ-хана Султанъ-Сайдъ-хана и сперва помѣстилъ его въ Кокандъ, а затѣмъ, въ виду неудобнаго помѣщенія въ столицѣ, гдѣ старая урда была ветха, а новая еще не была окончена, предложилъ новому хану временно перѣхать въ Ташкентъ. Ханъ послушался совѣта, перѣхалъ въ Ташкентъ и оставался въ немъ до окончанія построекъ въ урдѣ, послѣ чего вернулся въ Кокандъ.

Но вотъ наступилъ 1864 годъ, роковой годъ въ исторіи города Ташкента. Къ Алимъ-кулу стали приходить одна вѣсть за другою, что съ сѣвера идутъ къ Ташкенту русскіе. Уже взять былъ городъ Ауліе-Ата, потомъ Чимкентъ, затѣмъ Ніазъ-Бекъ, а подъ конецъ, въ 1865 году, кокандцы потеряли и городъ Ташкентъ. Тщетно Алимъ-куль заготовлялъ и пушки (числомъ до 60) и ружья: раненый въ урошицѣ Шуръ-Тюбе, онъ вскорѣ послѣ этого скончался, а ханъ Султанъ-Сайдъ, обратившійся за помощью противъ русскихъ къ эмиру, долженъ былъ явиться въ Бухару; онъ послѣдно выѣхалъ изъ Ташкента, но былъ схваченъ гдѣ-то около Джизака; въ его отсутствіе, въ ночь съ 14 на 15 июня, и былъ взятъ городъ Ташкентъ русскими подъ начальствомъ генерала Черняева¹⁾.

¹⁾ Вамебри. Исторія Бухары, С.-П.Б., 1878, I, 61, 187, 189, 239, 245;

Такова, въ самыхъ общихъ и краткихъ словахъ исторія, связанныя на половину со станціей Иски-Ташкентъ, на половину съ областнымъ городомъ Ташкентомъ.

Отъ Старого-Ташкента путешественникъ, проѣхавъ $41\frac{1}{2}$ версту черезъ станцію Ніазбашъ, прибываетъ въ областной городъ Ташкентъ и здѣсь прежде всего удивляется необыкновенно быстрому успѣху этого европейско-азіатского города, а затѣмъ скучности археологическихъ памятниковъ въ немъ.

Въ древнее время городъ Ташкентъ, по обыкновенію всѣхъ средне-азіатскихъ городовъ, былъ обведенъ кругомъ высокими глинобитными стѣнами, въ которыхъ сдѣлано было 12 воротъ („дарваза“); въ настоящее время одиннадцать изъ этихъ воротъ, въ видѣ развалинъ, находятся въ азіатскомъ городѣ, а двѣнадцатый отошли подъ европейскій городъ. Всѣ они носили особыя названія или отъ случайныхъ признаковъ, или же (большою частію) отъ тѣхъ отдаленныхъ городовъ и областей, къ которымъ шли изъ Ташкента черезъ ворота транзитныя пути. Названія этихъ воротъ слѣдующія: Коймасскія, Ко-канскія, Кашгарскія, Лабзакскія, Тахтапульскія, Карасарайскія, Саувапскія, Кучимазарскія, Кукчинскія, Самарканскія, Камаланскія и Бишагачскія. Самый городъ дѣлился на четыре юрты или части, каковы: Шайхантаурская, Сибзярская, Кукчинская, Бишагачская; а каждая часть подраздѣлялась на нѣсколько махалля или приходовъ, про-

246, 255, 259; II, 15, 22, 39, 42, 52, 58, 77, 144, 172, 173, 181, 197, Наликинъ. Краткая исторія кокандского ханства. Казань, 1885, 45, 73, 78, 86, 87, 90, 97—99, 102, 110—114, 121, 124, 125, 139, 141, 142, 149, 151, 152, 160, 164, 171, 175, 180—186, 188, 193, 194, 200—202.

стиравшихся во второй половинѣ текущаго столѣтія въ общемъ числомъ до ста-сорока-девяти.

Въ каждой изъ четырехъ частей города сохранилось нѣсколько архитектурно-историческихъ памятниковъ,—мазаровъ, мечетей и малраса, въ томъ или другомъ отношеніи достойныхъ вниманія археолога. Изъ мазаровъ самый замѣчательный тотъ, который находится въ Сибзярской части, на кладбищѣ Хазретъ-Имамъ; замѣчательна онъ тѣмъ, что подтверждаетъ собой народное преданіе о тождествѣ города Шаша и Ташкента. Что же касается его архитектурныхъ достоинствъ, то въ этомъ отношеніи мазаръ не представляетъ изъ себя ничего такого, что могло бы и восхищать и поражать зрителя: это простое, кирпичной кладки, безъ всякихъ наружныхъ украшеній, зданіе, вѣнчающееся на верху небольшимъ куполомъ и имѣющее въ длину $6\frac{1}{2}$, а въ ширину ровно 6 саженъ. Въ немъ покоятся прахъ одного изъ первыхъ насадителей ислама въ Ташкентѣ и его окрестностяхъ, святаго Абубекра-бинъ-Исмаилъ-Каффали-Шашскаго, умершаго и погребеннаго въ Ташкентѣ въ 926 году по нашему христіанскому лѣтоисчислению. На куполѣ этого мазара написано слѣдующее: „Мы вѣримъ тебѣ (Мухаммадъ), а ты скажи: Сохранитель, даруй мнѣ покой! Ты самый лучший дарователь покоя. Богъ сказалъ: Подлинно, первая обитель, построенная для людей, есть священный городъ Мекка, и эта обитель стала наставлениемъ всему миру. Она является слѣды мѣсто-жительства св. Авраама. Кто войдетъ въ нее, тотъ найдетъ тамъ убѣжище (отъ враговъ или наказанія). Кто въ состояніи изъ людей совершилъ пилигримство (въ Мекку), тотъ долженъ сдѣлать это“. Въ книгѣ Абуль-хайля сказано, что Абубекръ-бинъ-Исмаилъ-Каффали-Шашскій умеръ 314 лѣтъ тому на-

задъ Въ названномъ мазарѣ находится шесть надгробныхъ камней съ надписями изъ корана; нѣкоторыя изъ нихъ относятся къ году смерти султана Хусайна, 1077, тому назадъ 233 года. На другомъ надгробномъ камѣ не видно имени покойника, но виденъ годъ 1090-й. Кромѣ того четыре камня покрыты землей, которую приказано очистить. Назадъ тому 362 года на этомъ же мазарѣ сдѣлана по персидски слѣдующая надпись:

„Когда ты прочтешь эту хорошую надпись,
За мою душу соверши благосклонную молитву.
Постройтель этого безукоризненного зданія
Есть преданный (Богу) рабъ ханъ Гуламъ Хусайнъ.
О, душа, дабы мудрый народъ узналъ годъ окончанія,
Писецъ Кудратъ надъ сею узорчатою стѣною начерталъ его.
Боже, прости писца и читателя его!
Это мѣсто для посѣтителей стало источникомъ улады,
Поэтому (буквы словъ) „источникъ улады“ даютъ годъ
его окончанія, о господи!

О, сердце не отворачивай лица отъ добродѣтельныхъ людей!
Великій, кто недалекъ отъ этихъ воротъ, есть близокъ Богу“¹⁾).

На дверяхъ этого мазара вырѣзаны были еще двѣ надписи, но онѣ испорчены какимъ-то сумасшедшими, сартомъ, вырубившими ихъ, въ припадкѣ изступленія, топоромъ. Мѣстное преданіе говоритъ, что святость имени Абубекра-Исмаилъ-Киффали такъ была велика, что будто бы къ нему приходилъ изъ Кукчинской части въ Сибзярскую, подземнымъ ходомъ, имѣвшимъ 4 версты длины, другой святой Шейхъ-Зайн-уд-динъ-Бава, жившій много лѣтъ спустя послѣ Исмаила, научившійся у него правиламъ святой жизни черезъ влияніе. Въ настоящее время въ ма-

¹⁾ Туркестанская туземная газета, 1892, 21 сентября № 37.

зарѣ Абубекра-Исмаилъ-Киффали одинъ разъ въ недѣлю, а именно въ четвергъ послѣ часа дня, приходить его потомокъ Мулла-Шага-Биддинъ-Зульфи-Ходжа и читаетъ въ немъ коранъ до захода солнца. Рядомъ съ мазаромъ Абубекра-Исмаилъ-Киффали стоитъ мазаръ надъ прахомъ одного изъ его потомковъ, Баба-Хаджи, умершаго во время Абдуллы, кокандскаго хана.

Противъ кладбища Хазретъ-Имамъ стоитъ мадраса Баракъ-ханъ, съ 32 келями и высокимъ фронтомъ, спереди, построенная кокандскимъ ханомъ Баракомъ, около 600 лѣтъ тому назадъ. По волѣ строителя это зданіе сперва предназначалось для высшаго училища, но потомъ оно обращено было въ мазга, т. е. зданіе для пятничной молитвы мусульманъ. Въ теченіи своего исторического времени существованія эта мадраса много разъ возобновлялась, и потому на стѣнахъ ея, внутри, можно видѣть остатки всевозможныхъ украшеній, впрочемъ, весьма ничтожныхъ по сравненію съ тѣми, которыми блещутъ мечети въ городѣ Самаркандѣ. Во время сильного землетрясенія, бывшаго въ 1863 году, зданіе этой мечети сильно пострадало, и теперь куполъ его лежитъ подъ собственными развалинами. У туземцевъ оно все еще служитъ высшимъ училищемъ, и однотажныя кельи (хужра) его постоянно заняты учениками.

Въ Бишагачской части имѣется мадраса, носящая название Куколь-даша съ высокимъ фронтомъ¹⁾ и 38 для учениковъ кельями, нѣкогда имѣв-

¹⁾ Этотъ фронтонъ, по-туземному „пештокъ“, подалъ поводъ г-ну Маеву неправильно назвать всю мечеть „Кукол-дашъ“ именемъ мечети Пештока: Ежегодникъ Маева, С.-Петербургъ, 1876, IV, 296.

тими три этажа, теперь только один этажъ. По преданію, она построена независимъ ташкентскимъ ханомъ Дервишъ-ханомъ, современникомъ бухарского Абдуллы-хана, и имѣеть за собой 290 лѣтъ; въ теченіи этого времени зданіе мечети много разъ восстанавливалось и оттого утратило всѣ свои украшенія и бывшія на немъ надписи; послѣдняя реставрація его произведена лѣтъ 55 тому назадъ. Эта мадраса примѣчательна въ томъ отношеніи, что съ высоты свода ея, устроенного надъ третьимъ этажемъ, бросали внизъ женщинъ, нарушившихъ вѣрность своимъ мужьямъ: ихъ запивали предварительно въ мѣшки, потомъ поднимали на высоту свода, имѣвшаго приблизительно около 10 сажень, и затѣмъ со свода бросали на пролегающую вдоль мадрасы базарную улицу. Впрочемъ, такая казнь производилась очень рѣдко,—одинъ разъ въ теченіи шести лѣтъ и дѣлалась единственно для наказанія другимъ женщинамъ, дабы удержать ихъ отъ всякой попытки измѣнить своимъ мужьямъ. Въ той-же части города имѣется мадраса съ 21 кельей, построенная въ 855 (1451) году ташкентскимъ жителемъ Убайдуллой, носящимъ прозваніе Ходжи-Ахраръ-Вали. Это очень популярный во всемъ Түркестанскомъ краѣ святой. Онъ родился въ 806 (1404) году, мѣсяца Рамазана, ровно за годъ до смерти Тимура, въ городѣ Ташкентѣ. Имѣя отъ роду 22 года, онъ переехалъ учиться изъ Ташкента въ Самаркандъ и пробылъ въ немъ въ первый разъ два года (828—830); изъ Самарканда уѣхалъ въ Гератъ, гдѣ прожилъ пять лѣтъ (830—835); изъ Герата вернулся въ Ташкентъ и здѣсь въ теченіи одного года занимался землемѣромъ; въ 836 году вновь переселился въ Самаркандъ, гдѣ ему дано было, для засѣванія, 80,000 десятинъ. Въ Самаркандѣ онъ и умеръ 29 числа мѣсяца Раби-уль-авваля, 1489 (895) года, въ пятницу, утромъ, проболѣвъ передъ этимъ 89 дней. Такъ рассказывается о Ходжи-Ахрарѣ въ книгѣ одного изъ его моридовъ (учениковъ) „Мавляна-Сафи“¹).

сѧда Раби-уль-авваля, 1489 (895) года, въ пятницу, утромъ, проболѣвъ передъ этимъ 89 дней. Такъ рассказывается о Ходжи-Ахрарѣ въ книгѣ одного изъ его моридовъ (учениковъ) „Мавляна-Сафи“¹).

Противъ мадрасы Ходжи-Ахраръ-Вали стоитъ мечеть его же имени, сооруженная на его-же средства, теперь известная подъ именемъ Царской мечети. Мечеть Ходжи-Ахрара давно уже пришла въ ветхость, и туземцы совсѣмъ оставили ее безъ вниманія; русскіе, взявъ Ташкентъ, много сдѣлали полезнаго для поддержанія древнихъ мусульманскихъ зданій во всемъ краѣ. Такъ, между прочимъ, на мѣстѣ развалившейся мечети Ходжи-Ахраръ, Высочайшимъ повелѣніемъ нынѣ царствующаго Императора Александра Александровича, приказано было построить новую мечеть; для сооруженія этой мечети отпущено было 17,000 рублей, и она воздвигнута была въ 1888 году христіанской или въ 1305 году мусульманской эры. Вслѣдствіе этого обстоятельства мечеть и прозвана Царскою. Она стоитъ въ концѣ обширнаго двора, обнесенного кругомъ каменною постройкою, сдѣланною около 100 лѣтъ тому назадъ казіемъ Зіа-уд-диномъ на его собственныя деньги.

Кромѣ перечисленныхъ мечетей и мадраса въ томъ-же азіатскомъ Ташкентѣ имѣются еще въ сколько другихъ, каковы: мадраса Шайханъ-тауръ, Ишанъ-Г'узаръ (женская), Охунъ-Г'узаръ. Батыръ-мечеть, Хастымъ-мечеть.

Не въ далекомъ разстояніи отъ Хастымъ-мечети, въ маҳалля Чагатай, Кукчинской части, обращаетъ на себя вниманіе высокій около 10 сажень прямаго

¹ Этиши свѣдѣнія авторъ обложилъ Илью Сергеевичу Лыкошину.

отвѣса, земляной курганъ, имѣвшій нѣкогда до 4 десятинъ кругомъ, но теперь уже разрытый на нѣско-ко отдѣльныхъ частей и носящий название Арка, т. е. цитадели и Шаншина или правильнѣе Шахнишина, что въ переводѣ на русскій языкъ значитъ „жилище царя“ („Шахъ“—царь, „нишинъ“—жилище, тронъ, сидѣніе). Туземцы рассказываютъ, будто бы овь насыпанъ царемъ Афросіабомъ, жившимъ 4000 лѣтъ тому назадъ. Впослѣдствіи, когда городъ Ташкентъ только что раздѣленъ былъ на четыре части, на этомъ курганѣ стала жить чаръ-хакимъ; одинъ изъ этихъ чаръ-хакимовъ, по имени Хамза, жившій 150 лѣтъ спустя послѣ рожде-нія Мухаммада, устроилъ на курганѣ домъ, въ кото-ромъ жилъ и лѣтомъ и зимой и изъ котораго упра-влялъ всѣмъ городомъ. До времени кокандскаго хана Малля-хана, земля этого кургана считалась город-скимъ достояніемъ, но съ этого времени, когда ханъ распродалъ землю по частямъ для военныхъ надобностей, она перешла въ частныя руки и занята домами. Оста-вшаяся, центральная, часть земли кургана находится въ настоящее время во владѣніи Паша-хана. При раскопкѣ кургана въ разное время туземцы находили посуду и человѣческие скелеты.

На значительномъ разстояніи отъ кургана Шах-нишина, въ Бишагачской, части, у развалинъ Ка-маланскихъ воротъ, имѣется старое мусульманское кладбище, среди котораго стоитъ древній мазаръ Ходжи-Аландаръ-Бава. Ходжа-Аландаръ-Бава, какъ и Абубекръ-Исмаилъ-Каффали Шашскій, считается однимъ изъ первыхъ распространителей въ краѣ Ислама; туземцы считаютъ 1300 лѣтъ съ того вре-мени, когда умеръ этотъ святой; но такъ какъ въ мазарѣ его нѣть ни одной надписи, которою можно былобы повѣрить это показаніе, то время смерти названаго святаго нужно считать вовсе неизвѣ-

стнымъ. Мазаръ Ходжи-Аландара гораздо менѣе ма-зара Абубекра-Исмаилъ-Каффали-Шашскаго и въ ар-хитектурномъ отношеніи оно не представляетъ ровно ничего замѣчательнаго. Съ восточной стороны близъ этого мазара устроена небольшая подземная комна-та, освѣщаемая небольшимъ, съ боковыми отверстія-ми, куполомъ, на три аршина возвышающимся надъ поверхностью земли; въ этой комнатѣ благочестивые муллы читаютъ по временамъ коранъ въ память усоп-шаго мусульманскаго святаго.

Рядомъ съ мазаромъ подвижника ислама стоитъ такъ называемая братская могила, гдѣ покоятся дру-гіе сподвижники, сложивши свои кости за Право-славную вѣру, Русскаго Царя и Отечество, герои войны 1864 и 1865 годовъ. Братская могила пред-ставляетъ изъ себя правильный четырехугольникъ зе-мли, сплошь усаженный деревьями, съ наружной сто-роны огражденный деревянной рѣшеткой и внутри украшенный, въ древне-русскомъ стилѣ, часовенкой. Надъ калиткой, ведущей съ улицы въ садъ, сдѣлана полукруглая надпись: „Души ихъ во благихъ водво-рятся“. Надъ дверью самой часовеньки сдѣлана дру-гая надпись: „Упокой Господи души усопшихъ рабъ твоихъ“; а по тремъ остальнымъ стѣнамъ, снаружи, сдѣланы три слѣдующія надписи: „Больше сія любы никто же имать“; „Аще кто душу свою положи за други своя“; И сотвори имъ вѣчную память“; нако-нецъ на срединѣ задней стѣны, съ наружной сто-роны, сдѣлана особая надпись: „Памяти воиновъ здѣ лежащихъ павшихъ при штурмахъ г. Ташкента 2 Октября 1864 года и 15 Июня 1865 года. Соору-жена въ царствованіе Императора Александра III, лѣта 1886 на добровольныя пожертвованія“. Про-тивъ часовеньки, на землѣ лежитъ сѣро-мраморная плита, на которой вырѣзаны слова: „Здѣсь покоятся

прахъ воиновъ, павшихъ при взятіи г. Ташкента. Упокой Господи души ихъ въ селеніи праведныхъ". По всемъ четыремъ угламъ этой плиты сложены небольшія пирамидки изъ чугунныхъ ядеръ. Внутри самой часовни, на стѣнѣ противоположной двери, сдѣланъ ликъ Спасителя, а ниже его на черной доскѣ, золотыми буквами, написаны имена и фамиліи убитыхъ воиновъ.

„Воины, павшие при штурмахъ города Ташкента 2 Октября 1864 г. и 15 Июня 1865 г. Подполковникъ Василій Васильевичъ Обухъ. Поручики: Георгій Фридриховичъ Рейхартъ, Иванъ Петровичъ Мѣсяцевъ. Унтеръ-офицеры: Ефимъ Поповъ, Илья Горбылевъ, Павелъ Ефимовъ, Иванъ Родинъ, Константинъ Малафьевъ. Рядовые: Зотъ Антоновъ, Кондрать Цемидовъ, Федоръ Безуновъ, Сергей Кудышевъ, Андрей Понковъ, Лейба Фуксъ, Михаилъ Алексѣевъ, Никита Пахтинъ, Павелъ Дементьевъ, Семенъ Ивановъ, Степанъ Казанцевъ, Тихонъ Кайгородовъ, Андріянъ Смирновъ, Степанъ Труфяковъ, Романъ Щербатскихъ, Арсеній Филиповскій, Малюнть Александровъ, Викуль Банновъ, Матвѣй Дмитріевъ, Варламъ Каржаковъ, Степанъ Каравѣвъ, Алексѣй Лосевъ, Василій Мязинъ, Варламъ Щербаковъ, Григорій Пашнинъ, Михаилъ Молодовскій, Савелій Бычинъ, Григорій Завьяловъ, Фелоръ Григорьевъ, Артемій Филипповъ, Финогентъ Похотинъ, Матвѣй Степановъ, Филиппъ Романовъ, Александръ Цаниловъ, Федоръ Захаровъ, Александръ Васильевъ, Иванъ Нестеровъ, Андрей Тушналобовъ, Иванъ Поповъ, Матвѣй Сидоровъ, Игнатій Меньциковъ, Михаилъ Казаевъ, Андрей Смолинъ, Василій Федоровъ, Трофимъ Рычкаловъ, Василій Пономаревъ, Фадей Аксиковъ, Тимофей Ивановъ, Дмитрій Федулинъ, Давидъ Писерь, Тимофей Васильевъ, Мендыбай Мендыбаевъ, Василій Постниковъ, Семенъ Сте-

пановъ. Казаки: Илья Акутинь и Осипъ Ивановъ. Изъ всѣхъ поименованныхъ здѣсь 64 человѣкъ первый, а именно подполковникъ Василій Васильевичъ Обухъ, былъ убитъ при штурмѣ Ташкента и погребенъ въ городѣ Чимкентѣ, но потомъ, въ 1882 году, изъ Чимкента перевезенъ въ Ташкентъ и погребенъ у ограды соборной церкви города; второй, поручикъ Георгій Фридриховичъ Рейхартъ, также убитъ подъ Ташкентомъ, перевезенъ былъ въ Чимкентъ и здѣсь погребенъ на сѣверо-востокѣ отъ города, въ разстояніи не болѣе одной версты; надъ нимъ положена была чугунная плита съ надписью: „Георгій Федоровичъ фонъ-Рейхартъ, убитъ подъ Ташкентомъ 2 октября 1864 года, да хранять память о немъ.“ Впослѣдствіи, при перевозѣ праха Обуха, могила Рейхардта не была отыскана и потому прахъ его остался на мѣстѣ первого погребенія. Въ настоящее время мѣстное начальство рѣшило перевезти прахъ убитаго въ городъ Ташкентъ и похоронить его, вмѣстѣ съ другими, на братской могилѣ.

Оглавление.

Стр.

- ГЛАВА I. Баку, Узунъ-ада, Песчаная пустыня, станциі Казанджикъ, горные хребты Кюренъ-дагскій, Кошетъ-дагскій, Туркестанскій, Заравшанскій, Гиссарскій, Алайскій, Заалайскій; Ахаль-текинскій оазисъ, крѣпость Геокъ-Тене, Асхабадъ; ахаль-текинцы, городъ Аннау, крѣпость Артыкъ, рѣки Тедженъ и Мургабъ; Новый-Мервъ съ крѣпостью Коушутъ-ханъ-кала, крѣпость Джюль-барсъ. 1—26
- ГЛАВА II. Древній-Мервъ, описанія его по арабскимъ и персидскимъ источникамъ; городища Древняго-Мерва: Байрамъ-али-ханъ-кала, Абдулла-ханъ-кала, Султанъ-Санджаръ-кала, Искандеръ-кала, Глуръ-кала; зданія и памятники: Малая-мечеть, могила Двухъ-братьевъ, Султанъ-Санджаръ мечеть; развалины крѣпости Ауліе-камбаръ на Мургабѣ, имѣніе Государя Султанъ-бентъ, порогъ Чохълокъ на Мургабѣ 26—51
- ГЛАВА III. Песчаная пустыня отъ станціи Равнины до Чарджуя; городъ Чарджуй и его краткая исторія; рѣка Аму-Дарья и значеніе ея имени; разсказъ Арріана о переправѣ чрезъ Аму-Дарью царя Александра Македонскаго; деревянный мостъ черезъ Аму-Дарью; область древней Согдіаны; Бухара и значеніе ея названія; смѣсь народностей въ Бухарѣ; краткая исторія ея; болѣзнь ришта, ея зарожденіе и дѣченіе 51—62
- ГЛАВА IV. Городъ Самаркандъ; краткая исторія его; Самаркандъ въ эпоху Тимура по персид-

скими источниками; знаменитые дворцы, мечети и мавзолеи Самарканда: приемный дворец Тимура, мечети — Тилля-кари, Улугъ-бекъ, Ширъ-даръ, Баби-ханымъ, Шахъ-зинда, Ходжа-Ахраръ, Намазга, мавзолей Гуръ-эмиръ, могила Данъяра, лагерь Тимура, развалины Афросіаба 62—113

ГЛАВА V. Путь отъ Самарканда до Ташкента; перевправа черезъ рѣку Заравшанъ; арбы, верблюды, ишаки; почва окружающей мѣстности; жилища обитателей; народность и значение слова сартъ, характеристика сарточъ, замкнутость женщинъ, значение поездки въ Среднюю Азію для всякаго русскаго ученаго человека; вліяніе востока на жизнь людей древней Руси 113—135

ГЛАВА VI. Ущелье Джиланъ-уте, Ворота Тимура, надписи на камняхъ у Воротъ Тимура 1425, 1571 годовъ; рѣка Сангзаръ; городъ Джизакъ и его краткая исторія; Голодная степь и ея обитатели, преданія объ Александрѣ Македонскомъ, степные колодцы сардаба. преданіе объ Абдулла-ханѣ; рѣка Сыръ-Дарья; древніе насељники бассейна Сыръ-Дарьи. гибель отъ нихъ Кира, царя персидскаго; переправа Чиназъ и станція Иски-Ташкентъ. 135—149

ГЛАВА VII. Краткая исторія города Ташкента; восемь периодовъ его исторической жизни: господство арабовъ, господство хорезмійцевъ, господство монголовъ, господство узбековъ и киргизъ-кайсаковъ, господство кокандцевъ, господство бухарцевъ, господство кокандцевъ, господство бухарцевъ; достопримѣчательности азиатского города Ташкента. 149—200

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

Д. И. ЭВАРНИЦКАГО

продается въ магазинахъ Алексея Сергеевича Суворина.

Въ Петербургѣ, Невскій просп. д. № 38, контора „Нового Времени“; въ Москвѣ, Тверской части, домъ Шориной; въ Харьковѣ, Екатеринославская улица д. Руфа, магазинъ „Нового Времени“; въ Одессѣ Дерибасовская ул., д. № 11.

Исторія запорожскихъ козаковъ съ 22 рисунками	4 р. —
Запорожье въ остаткахъ старины съ 75 рисунками Рѣпина въ двухъ томахъ	6 р. —
Вольности запорожскихъ козаковъ съ 3 планами	2 р. 50.
Очерки по исторіи запорожскихъ козаковъ съ 2 рисунками	1 р. 50.
Сборникъ матеріаловъ для исторіи запорожскихъ козаковъ	1 р. 50.
Островъ Хортица на рѣкѣ Днѣпрѣ, какъ первая сѣчь	— 40.
Послѣдній кошевой атаманъ П. И. Калишевский	— 40.
Переправа черезъ всѣ Днѣпровскіе пороги весной	— 30.
Архивные матеріалы для исторіи запорожскихъ казаковъ	— 30.
Археологическія раскопки кургановъ ягодищъ	— 30.
Публичныя лекціи по археологии Россіи, премиущ. южной	— 80.
Путеводитель по Средней Азіи, продается въ Ташкентской Публичной Библиотекѣ	1 р. 20.